

2021

Том 13 3

Историческая

и социально-образовательная мысль

HISTORICAL AND SOCIAL EDUCATIONAL IDEA

**ВСЕРОССИЙСКИЙ
НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**

Историческая и социально-образовательная мысль

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Том 13 №3

2021

Главный редактор:
док. ист. наук, профессор
Бугай Н. Ф.

Заместитель главного редактора - научный редактор:
канд. полит. наук, доцент
Т.А. Халилов

Заведующий редакцией:
Н.В. Вавилкина

Редактор электронной версии:
А.М. Литвинов

Редактор англоязычных текстов:
канд. полит. наук, доцент
Т.А. Халилов

Корректор:
А.Ф. Мишина

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар,
мкр. Пашковский,
ул. Заводская, д. 32, к. 301
Редакция журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»

Тел/факс: +7 905 471 31 94

E-mail: akademus07@rambler.ru

УЧРЕДИТЕЛИ

НОЧУ ДПО Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов;
АНПОО Северо - Кубанский гуманитарно - технологический колледж.

Электронная версия: <http://www.hist-edu.ru>

Журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» представляет собой сетевое, периодическое, рецензируемое научное издание.

Миссия журнала - публикация оригинальных статей, рецензий и историографические обзоры российских и зарубежных учёных, а также молодых исследователей на русском и английском языках, повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества по истории, образованию и социологии.

Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г., присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Редакция журнала является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

Редакция журнала является членом Международного Комитета по публикационной этике COPE (Committee on Publication Ethics) с 2017 года.

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки.

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Свидетельство о регистрации:

Эл. № ФС77-37034 от 04.08.2009

(ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ)

ISSN 2219-6048 (Online)

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

Historical and Social-Educational Idea

SCIENTIFIC JOURNAL

Volume 13 #3 2021

Editor-in-Chief:

N. F. Bugay
Dr. Sci. (History), Professor

***Deputy Editor-in-Chief -
Scientific Editor:***

T.A. Khalilov
Cand. Sci. (Political Science),
Associate Professor

Head of Editorial Board:

N.V. Vavilkina

Web Layout Designer:

A.M. Litvinov

***Editor for the
English Version:***

T.A. Khalilov
Cand. Sci. (Political Science),
Associate Professor

Proofreader:

A.F. Mishina

OFFICE ADDRESS

32 Zavodskaya Str., Apt. 301,
Pashkovsky micro-distr.,
Krasnodar city, 350080, Russia
Editorial Office Journal
«Historical and Social-
Educational Idea»
Phone/fax: +7 905 471 31 94
E-mail: akademus07@rambler.ru

INCORPORATORS

N-SEPI oAPE Kuban Region Multi-Sector Academy of Vocational Training and Upgrading and Advanced Training of Specialists;
AN-PPEO Northern Kuban Region College for the Humanities and Technologies.

Web Version address:

<http://www.hist-edu.ru>

The Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea" is online, a periodical, peer-reviewed, scientific publication.

The mission of the journal is the publication of original articles, reviews, historiographic reviews of Russian and foreign scientists, as well as young researchers in Russian and English, increasing the level of scientific research and the development of international scientific cooperation in history, education and sociology.

Unique alphabetic-digital identifiers DOI are assigned to the articles of the journal «Historical and Social-Educational Idea», starting from its issue No 6, 2014.

Editorial Board is a member of the Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The editorial board is a member of the COPE (Committee on Publication Ethics) since 2017.

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Academic Citation Index operated by the E-Library.

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Certificate of Incorporation:

El No. FS77 - 37034 of August 4th, 2009

ISSN 2219-6048 (Online)

The Journal is issued 6 times a year

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

«Историческая и социально-образовательная мысль» - это сетевой, научный, рецензированный журнал, основной целью, которого является публикация научных статей высокого качества по историческим, социологическим и педагогическим научным специальностям с целью стимулирования дальнейших социально-гуманитарных исследований и академических дискуссий, посвященных различным аспектам, параметрам и уровням социальности.

Журнал принимает к публикации оригинальные научные тексты в рамках следующих профильных специальностей:

- 07.00.02 Отечественная история;
- 07.00.03 Всеобщая история;
- 07.00.15 История международных отношений и внешней политики;
- 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 22.00.06 Социология культуры, духовной жизни;
- 13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования;
- 13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания;
- 13.00.08 Теория и методика профессионального образования.

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется принципами научности, объективности, профессионализма, информационной поддержки наиболее значимых профильных исследований и соблюдения норм издательской этики.

Концепция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» подразумевает междисциплинарный характер социального знания. Исследования, ориентированные на изучение современной реальности, связывают историческое прошлое с реалиями современности и позволяют объяснить настоящее и прогнозировать будущее, зачастую с использованием методологии смежных отраслей научного знания.

"The Historical and Social-Educational Idea" is online, a scientific, peer-reviewed journal, the main purpose of which is to publish high-quality scientific articles on historical, sociological and pedagogical scientific specialties in order to stimulate further social and humanitarian studies and academic discussions on various aspects, parameters and levels of sociality.

The journal accepts original scientific texts for publication in the following profile specialties:

- 07.00.02 Russian History;
- 07.00.03 World History;
- 07.00.15 History of International Relations and Foreign Policy;
- 22.00.04 Social Structure, Social Institutions and Processes;
- 22.00.06 Sociology of Culture, Spiritual Life;
- 13.00.01 General Pedagogy, History of Pedagogy and Education;
- 13.00.02 Theory and Methods of Training and Education;
- 13.00.08 Theory and Methodology of Professional Education.

The editorial board of the journal is guided in their activities by the principles of science, objectivity, professionalism, information support of the most significant specialized research and compliance with the standards of publishing ethics.

The concept of the scientific journal "The Historical and Social-Educational Idea" implies the interdisciplinary nature of social knowledge. Studies focused on the study of modern reality connect the historical past with the realities of modernity and allow us to explain the present and predict the future, often using the methodology of related branches of scientific knowledge.

Главный редактор:

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса

ORCID iD: 00-203-21202-8363-1638

Scopus Author ID: 55481483000

Москва. Россия

Научный редактор

Халилов Тимур Александрович, заместитель главного редактора - научный редактор журнала "Историческая и социально-образовательная мысль", кандидат политических наук, доцент, Кубанский государственный университет, член Экспертного совета Федерального агентства по делам национальностей РФ

ORCID iD: 0000-0002-5806-0351

Краснодар. Россия

Редакционная коллегия**Состав редакционной коллегии по историческим наукам**

Ващук Ангелина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук

ORCID iD: 0000-0002-0593-6698

Scopus Author ID: 57192098956

Владивосток. Россия

Ма Вэйюнь, доктор исторических наук, профессор, Центр исследований России при Хэйлунцзянском университете, заместитель председателя Ученого совета

ORCID ID: 0000-0002-0769-7766

Харбин. Китай

Нефедов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук

ORCID iD: 0000-0003-0136-5020

Scopus Author ID: 40861593700

ResearcherID: Q-1642-2015

Екатеринбург. Россия

Сактаганова Зауреж Галимжановна, доктор исторических наук, Профессор, Карагандинский государственный университет им. Е. А. Бунетова, директор Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований.

ORCID iD: 0000-0002-8678-3629

г. Караганда. Республика Казахстан.

Хон Вунг Хо, кандидат исторических наук, профессор истории, Центр восточных исследований, факультет международных отношений, Государственный университет Донгук
Сеул. Республика Корея

Состав Редакционной коллегии по социологическим наукам.

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, факультет социологии, Ереванский государственный университет
ORCID iD: 0000-0001-8458-2447
Scopus Author ID: 53868717600
Ереван. Армения

Верещагина Анна Владимировна, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
ORCID iD: 0000-0003-0045-7468
Scopus Author ID: 56584492400
Ростов-на-Дону. Россия

Гузенина Светлана Валерьевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной социологии факультета истории, мировой политики и социологии, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, председатель Тамбовского регионального отделения Российского общества социологов (РОС), Член Международной Социологической Ассоциации (ISA)
ORCID iD: 0000-0002-2909-9513
г. Тамбов, Россия

Догнал Йосеф, доктор философии, доцент, кафедра русистики, философский факультет, Университет им. св. Кирилла и Мефодия (г. Трнава Словацкая Республика), Институт славистики, философский факультет, Университет им. Масарика (г. Брно Чешская Республика)
ORCID iD: 0000-0002-0763-5784
ScopusID: 55542765600
Брно. Чешская Республика

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет
ORCID iD: 0000-0002-9844-1802
ScopusID: 57147373800
Краснодар. Россия

Сухомлинова Марина Валерьяновна, профессор, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, Международный языковой бизнес-сервис ESZETT, член Российского профессорского собрания, член Общества социологов России.
ORCID iD: 0000-0001-6214-1587
г. Аннандейл, шт. Вирджиния, США

Цыганков Андрей Павлович, доктор философских наук, профессор международных отношений и политических наук, Университет Сан-Франциско

ORCID iD: 0000-0003-0011-2339

ScopusID: 7102020604

Сан-Франциско. США

Шишкина Ольга Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ORCID iD: 0000-0003-3545-3985

Владивосток, Россия.

Состав Редакционной коллегии по педагогическим наукам.

Бедерханова Вера Петровна, доктор педагогических наук, профессор, кафедра социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Кубанский государственный университет

Краснодар. Россия

Блейх Надежда Оскаровна, заслуженный деятель науки и образования, доктор исторических наук, кандидат педагогических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л.Хетагурова», академик Российской Академии Естествознания

ORCID iD: 0000-0002-6715-9185

г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, Россия

Быкасова Лариса Владимировна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры общей педагогики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)

ORCID iD: 0000-0003-4866-1222

г. Таганрог. Россия

Дыбовский Александр Сергеевич, кандидат филологических наук, профессор, Школа языка и культуры аспирантуры, Осакий университет

ORCID iD: 0000-0001-6236-0886

Осака. Япония

Эдита Поорова, доктор, (теория обучения английского языка и педагогика высшего учебного заведения), зам. декана факультета социальных наук по международным связям Университета Св. Кирилла и Мефодия в г. Трнаве,

ORCID ID – 0000-0001 – 9877 - 1118

г. Трнава Словакия.

Editor-in-Chief

Nikolay F. Bugay, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Full State Counselor of the Russian Federation - Class III

ORCID iD: 00-203-21202-8363-1638

Scopus Author ID: 55481483000

Moscow. Russia

Scientific Editor

Timur A. Khalilov, Deputy Editor-in-Chief - Scientific Editor of the Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea", Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Kuban State University, Expert of the Russian Federal Agency for Nationalities

ORCID iD: 0000-0002-5806-0351

Krasnodar. Russia

Editorial board

Composition of the Editorial Board for Historical Sciences

Angelina S. Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Social and Political Studies Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences

ORCID iD: 0000-0002-0593-6698

Scopus Author ID: 57192098956

Vladivostok. Russia

Ma Weiyun, Doctor of Historical Sciences, Professor, Research Center of Russia at Heilongjiang University, Deputy Chairman of the Academic Council

ORCID ID: 0000-0002-0769-7766

Harbin. China

Sergei A. Nefedov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences

ORCID iD: 0000-0003-0136-5020

Scopus Author ID: 40861593700

ResearcherID: Q-1642-2015

Yekaterinburg. Russia

Zauresh G. Saktaganova, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Karaganda State University named after E. A. Bunetov, Director Of the Center for Ethnocultural and Historical-Anthropological Research.

ORCID iD: 0000-0002-8678-3629

Karaganda. Republic of Kazakhstan.

Hong Vung Ho, Candidat of Historical Sciences, Professor of History, Center for Oriental Studies, Faculty of International Relations, Donguk State University

Seoul. Republic of Korea

Composition of the Editorial Board for Sociological Sciences.

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University
ORCID iD: 0000-0001-8458-2447
Scopus Author ID: 53868717600
Yerevan. Armenia

Anna V. Vereshchagina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University
ORCID iD: 0000-0003-0045-7468
Scopus Author ID: 56584492400
Rostov-on-Don. Russia

[Svetlana V. Guzenina](#), Doctor of Social Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical and Applied Sociology, Faculty of History, World Politics and Sociology, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Chairman of the Tambov regional branch of the Russian Society of Sociologists (ROS), Member of the International Sociological Association (ISA)
ORCID iD: 0000-0002-2909-9513
Tambov, Russia

Josef Dohnal, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius University (Trnava, Slovak Republic);
Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University
ORCID iD: 0000-0002-0763-5784
ScopusID: 55542765600
Brno. Czech Republic

[Valery Kasyanov](#), Doctor of Social Sciences, Doctor of History Professor, Head of the Department of Russian history, Kuban state University state University
ORCID iD: 0000-0002-9844-1802
ScopusID: 57147373800
Krasnodar. Russia

Marina V. Sukhomlinova - Professor, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences. International Language Business Service "ESZETT". The Member of the Professor's Assembly and the Member of the Sociologists' Society in Russia.
ORCID iD: 0000-0001-6214-1587
Annandale, Virginia, USA

Andrei P. Tsygankov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of International Relations and Political Science, San Francisco State University
ORCID iD: 0000-0003-0011-2339
ScopusID: 7102020604
San Francisco. USA

Olga E. Shishkina, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Law School of the Far Eastern Federal University
ORCID iD: 0000-0003-3545-3985
Vladivostok. Russia

Composition of the Editorial Board for Pedagogical Sciences

Vera P. Bederkhanova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Social Work, Psychology and Higher Education Pedagogy, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Nadezhda Os. Blaikh, Honored Worker of Science and Education, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, K. L. Khetagurov North Ossetian State University, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences
ORCID 0000-0002-6715-9185
Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania

Larisa V. Bykasova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of General Pedagogic Department, Rostov State Economic University (RINE), Chekhov Taganrog Institute (branch)
ORCID iD: 0000-0003-4866-1222
Taganrog. Russia

Alexander S. Dybovsky, Candidate of Philology, Honorary Professor of the School of Language and Culture of the Osaka University Graduate School. In 2019-2020, invited researcher of the Department of Comparative Study of Languages and Cultures of the Osaka University Graduate School.
ORCID iD: 0000-0001-6236-0886
Osaka. Japan

Edita Poorova, Ph.D. (*Theory of English Teaching (PhDr.), Higher Education Pedagogy (Ph.D.)*), Vice-Dean for Foreign Relations, Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius
ORCID ID – 0000-0001 – 9877 - 1118
Trnava, Slovakia

Редакционный совет

Состав редакционного совета по историческим наукам

Давидсон Аполлон Борисович, академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заведующий Центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН
Москва. Россия

Икэда Ёсиро, доктор философии (история), доцент, кафедра истории стран Запада, Высшая школа гуманитарных наук и социологии, Токийский университет

ORCID iD: 0000-0002-0476-6658

ScopusID: 57161830600

Токио. Япония

Кислицын Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ORCID iD: 0000-0003-2264-8636

Ростов-на-Дону. Россия

Ларин Виктор Лаврентьевич, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук

ScopusID: 57192267254

Владивосток. Россия

Мамсиров Хамитби Борисович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Истории России», профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова, заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской Республики, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия

Юн Санг Вон, доктор исторических наук, профессор истории Кореи, Государственный университет Чонбук, директор Исследовательского центра Корё сарам Чонджу. Республика Корея

Состав редакционного совета по социологическим наукам.

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна, доктор философии, доктор математики, доктор биологии, профессор, кафедра компьютерных наук и математики, Ариэльский университет

ScopusID: 8870184100

Тель-Авив. Израиль

Гомулка Кристина, доктор политических наук, профессор, Гданьский политехнический университет

ORCID iD: 0000-0002-7046-0729

Гданьск. Польша

Латипова Нодира Мухтаржановна, профессор, доктор социологических наук, заведующая кафедрой «Социальная работа». Национальный университет Узбекистана

г. Ташкент, Узбекистан

Песцов Сергей Константинович, доктор политических наук, доцент, заведующий отделом международных отношений и региональной безопасности, Центр азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук,

ORCID iD: 0000-0001-7441-989X

Владивосток. Россия

Токтосунова Адаш Искендеровна, доктор политических наук, профессор, председатель Общественного объединения "Диалог культур и цивилизаций"

Бишкек. Кыргызстан

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН,

ORCID iD: 0000-0003-1325-9452

г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия

Состав редакционного совета по педагогическим наукам.

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, декан, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет

ORCID iD: 0000-0003-0705-7985

ScopusID: 56530681200

Краснодар. Россия

Грушевский Сергей Павлович, доктор педагогических наук, профессор, декан, факультет математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий, Кубанский государственный университет

ORCID iD 0000-0002-7263-4673

Краснодар. Росси

Позднякова Оксана Константиновна, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет

Самара. Россия

Спалбер Диана, доктор философии (методология исследований в психологии и педагогике), научный советник, кафедра ЮНЕСКО, университет Генуи, преподаватель, Link Campus University в Риме

ORCID iD: 0000-0001-7395-986X

Scopus Author ID: 57194034492

Генуя. Италия

Чепель Татьяна Леонидовна, действительный член Академии прогнозирования, российское отделение Международной академии исследования будущего, кандидат психологических наук, профессор, кафедра психологии и педагогики, Новосибирский государственный педагогический университет

ORCID iD: 0000-0001-9005-4659

ScopusID: 57191886265

Новосибирск. Россия

Editorial Board

Composition of the editorial Board for historical Sciences

Apollon B. Davidson, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the National Research University Higher School of Economics, Head of the Center for African Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Moscow. Russia

Yoshiro Ikeda, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Occidental History, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo
ORCID iD: 0000-0002-0476-6658
ScopusID: 57161830600
Tokyo. Japan

Sergey A. Kislitsin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management, Russian Pre-sidential Academy of National Economy and Public Administration
ORCID iD: 0000-0003-2264-8636
Rostov-on-Don. Russia

Victor L. Larin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
ScopusID: 57192267254
Vladivostok, Russia

Khamitbi B. Mamsirov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Honored scientist of the Kabardino-Balkarian Republic, Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation.
Nalchik, Russia

Yoon Sang Won, Doctor of Historical Sciences, Professor of Korean History, Chonbuk State University, Director of the Koryo Saram Research Center
Chonju. Republic of Korea

Composition of the editorial Board for Sociological Sciences.

Svetlana Yu. Bunimovich-Mendrazitsky, Doctor of Philosophy, Doctor of Mathematics, Doctor of Biology, Professor, Department of Computer Sciences and Mathematics, Ariel University
ScopusID: 8870184100
Tel-Aviv. Israel

Krystyna Gomolka, Doctor of Political Sciences, Professor, Gdansk Polytechnic University
ORCID iD: 0000-0002-7046-0729
Gdansk. Poland

Nodira M. Latipova, Professor, Doctor of Sociological Sciences Department of Social Work, National University of Uzbekistan, Head of the Department of Social Work.
Tashkent, Uzbekistan

Sergey K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of International Relations and Regional Security Department, Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
ORCID iD: 0000-0001-7441-989X
Vladivostok. Russia

Adash I. Toktosunova, Doctor of Political Sciences, Professor, President of Public Association "Dialogue of Cultures and Civilizations"
Bishkek. Kyrgyzstan

Madina M. Shakhbanova, Doctor in sociological sciences, senior researcher Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center Russian Academy of Science
ORCID iD: 0000-0003-1325-9452
Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia

Composition of the Editorial Board for Pedagogical Sciences

Veronika M. Grebennikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Dean, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University
ORCID iD: 0000-0003-0705-7985
ScopusID:56530681200
Krasnodar. Russia

Sergey P. Grushevsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean, Faculty of Mathematical and Computer Sciences, Head of Department of Information Technology in Education Sphere, Kuban State University
ORCID iD 0000-0002-7263-4673
Krasnodar. Russia

Oksana K. Pozdnyakova, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Samara State Social Pedagogical University
Samara. Russia.

Diana Spulber, Doctor of Philosophy (Methodology of Research in Psychology and Pedagogy), Scientific Advisor, Unesco Department, University of Genoa, Lecturer, Link Campus University Rome
ORCID iD: 0000-0001-7395-986X
Scopus ID: 57194034492
Genoa. Italy

Tatyana L. Chepel, Member of Academy of Forecasting, Russian Branch of International Academy of Researches of Future, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University
ORCID iD: 0000-0001-9005-4659
ScopusID: 57191886265Novosibirsk.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

В декабре 2022 года исполняется 100 лет образования Советского Союза. В связи с этой исторической датой, знаковым событием в жизни нашей страны редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» приглашает всех желающих принять участие в ДИСКУССИИ, посвященной «100-летию образования Союза ССР», которая будет проходить в течение 2021 - 2022 годов. Это событие затронуло каждого из нас, оно не может не волновать наше общество.

У нас есть возможность возвратиться к этим проблемам, переосмыслить их, сделать выводы, опираясь на ставшие доступными новые архивные источники, накопленный богатый опыт в изучении таких научных проблем как многонациональная государственность, нациестроительство.

Это позволяет нам возвратиться и к анализу тех социальных технологий, на основе которых строилось новое «многонациональное объединение народов» – Советский Союз. Мы также имеем возможность раскрыть эволюционный процесс, выявить причины его создания и недостатки, оценить роль народов, партий и общественных движений, личности в этом деле, показать также сущность причин распада государства, представить глубокий анализ положения на постсоветском пространстве.

Форма подачи материала свободная.

К участию в дискуссии приглашаются научная общественность, соискатели, аспиранты, преподаватели вузов.

Редакция журнала будет благодарна Вам за распространение данной информации среди представителей научной общественности.

С уважением,
главный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»
доктор исторических наук, профессор,
действительный государственный советник
Российской Федерации III класса

Бугай Николай Федорович

Редакция журнала "Историческая и социально-образовательная мысль"

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

<i>К 100-летию образования Союза ССР</i>		<i>To the 100th anniversary of the formation of the USSR</i>	
Бугай Н.Ф. г. Москва, Россия		N.F. Bugay Moscow, Russia	
Формирование политической культуры российских немцев: трансформации, пере- селение, реабилитация. 1980 – 1990-е годы	16	Formation of the political culture of Russian Germans: transformation, resettlement, re- habilitation. 1980–1990s	
<i>Отечественная история</i>		<i>National History</i>	
Блейх Н.О. г. Владикавказ, Россия		N. O. Bleich g. Vladikavkaz, Russia	
Просветительская стратегия Российской державы на Северном Кавказе в отношении мусульман (60–90-е годы XIX в.)	36	Educational strategy of the Russian power in the Northern Caucasus regarding muslims (60s–90s of the 19th century)	
Сулейманова Р.Н. г. Уфа, Россия		R.N. Suleimanova Ufa, Russia	
Меры по защите детства в годы Великой Отечественной войны: из региональной истории	46	Child protection measures during the Great patriotic war: from regional history	
Титоренко М.Ф. Краснодар, Россия		M.F. Titorenko Krasnodar, Russia	
История сильна памятью	61	History is strong in memory	
<i>Всеобщая история</i>		<i>World History</i>	
А. Bobokhyan Yerevan, Armenia		Бобохян А.А. г. Ереван, Армения	
Towards historical interpretations in archae- ology: a case from an isolated community	71	К вопросу об исторических интерпрета- циях в археологии: на примере одной изо- лированной общины	
<i>История международных отношений и внешней политики</i>		<i>History of International Relations and Foreign Policy</i>	
Абрамов С.М., Акулов С.А. г. Екатеринбург, Россия		Abramov S.M., Akulov S.A. Ekaterinburg, Russia	
Сирийско-израильский конфликт: непроеденный маршрут	79	Syrian-Israeli Conflict: Route Not Traveled	
<i>Социология культуры, духовной жизни</i>		<i>Sociology of culture, spiritual life</i>	
Байрактар Р. г. Гиресун, Турция		Bayraktar R. Giresun, Turkey	
Социокультурные и религиозные приобре- тения и утраченные возможности турок- ахыска с двойным гражданством	95	Socio-cultural and religious victories and lost opportunities Ahyskala Tours with double citizenship	
Карапетыан А.А. г. Ереван, Армения		A.A. Karapetyan Yerevan, Armenia	
Особенности коммуникации в простран- ствах онлайн и офлайн	105	Communication features in online and offline spaces	
<i>ИНФОРМАЦИЯ</i>		<i>INFORMATION</i>	
	113		

*К 100-летию образования Союза ССР
To the 100th anniversary of the formation of the USSR*

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-16-35

УДК: 930.01

**ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ:
ТРАНСФОРМАЦИИ, ПЕРЕСЕЛЕНИЕ, РЕАБИЛИТАЦИЯ. 1980–1990-е ГОДЫ**

Бугай Николай Федорович,

Институт российской истории РАН

г. Москва, Россия

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-8363-1638>

nikolay401@yandex.ru

Аннотация. Журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» (2021. т. 13. № 2) положил начало дискуссии, приуроченной к исторической дате – 100-летию образования Союза ССР.

Предложенная тема позволяет ученым обратиться в очередной раз к истории существовавшего советского государства (Союза ССР), созданного по волеизъявлению самих народов в декабре 1922 года.

Несомненно, с историей Союза ССР связана сама судьба народов, населявших его территорию. Одной из заметных в структуре гособразования была общность советских немцев, которым пришлось пережить многие трансформации на разных этапах развития советской государственности.

Эти процессы были связаны прежде всего со становлением этнической общности в советских условиях, деструктивным воздействием на ее жизнь со стороны государства в период войны 1941–1945 годов, трудностями экономического возрождения.

Не было спокойным и последующее время. Эта ситуация была обусловлена неразрешимостью задач, непрерывным поиском возможностей улучшения условий жизни. Несмотря на трудности преодоления, для общности оставались характерными укрепление позиций советских немцев в обществе, формирование их политической культуры, воспитание культуры межнационального общения, решение политических задач, связанных с их возрождением.

Ключевые слова: Советский Союз, государственность, этническая общность, советские немцы, политическая культура, реабилитация, культура общения, трансформация, социальная технология

Для цитирования: Бугай Н.Ф. Формирование политической культуры российских немцев: трансформации, переселение, реабилитация. 1980 – 1990-е годы // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021. Том. 13, № 3. С. 16-35.

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-16-35

Original article

FORMATION OF POLITICAL CULTURE OF RUSSIAN GERMANS: TRANSFORMATION, RESETTLEMENT, REHABILITATION. 1980–1990

Nikolay F. Bugay

Institute of Russian History RAS

Moscow, Russia

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-8363-1638>

nikolay401@yandex.ru

Abstract. The journal "Historical and Social-Educational Thought" initiated a discussion dedicated to the historical date – the 100th anniversary of the formation of the USSR. The proposed topic allows scientists to turn once again to the history of the existing Soviet state (USSR), created by the will of the peoples themselves in December 1922. Undoubtedly, the very fate of the peoples inhabiting its territory is connected with the history of the USSR. One of the notable features in the structure of state education was the community of Soviet Germans, who had to go through many transformations at different stages of the development of Soviet statehood. These processes were primarily associated with the formation of an ethnic community under Soviet conditions, the destructive impact of the state on its life during the 1941–1945 war, and the difficulties of economic revival. The time that followed was not calm either. This situation was due to the unsolvability of problems, the continuous search for opportunities to improve living conditions. Despite the difficulties of overcoming, the community remained characteristic of the strengthening of the positions of Soviet Germans in society, the formation of their political culture, the fostering of a culture of interethnic communication, and the solution of political tasks associated with the revival of Soviet Germans.

Keywords: Soviet Union, statehood, ethnic community, Soviet Germans, political culture, rehabilitation, communication culture, transformation, social technology

For citation: Bugay N.F. Formation of the political culture of Russian Germans: transformation, resettlement, rehabilitation. 1980–1990s. Historical and socio-educational *Idea*. 2021 Vol. 13, No.3.PP 16-35. (In Russ.).

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-16-35

Литература, методы. К настоящему времени в российской исторической науке накоплен богатый исследовательский материал по истории советских немцев. Появление научных трудов приходится главным образом на конец 1980-х – 1990-е годы. Это было обусловлено, в первую очередь, весьма высоким уровнем этнической мобильности немецкой общности, активными общественно-массовыми процессами, связанными с возрождением политической активности, стремлением общности к лучшему изменению жизненных условий, формированием институтов власти гражданского общества немцев на территории России и с первыми практическими шагами в этом направлении [11; 9; 2; 7; 8; 10; 13; 14; 15; 16].

Формирование системы институтов гражданского общества – НОО, НКА, ассоциации, землячества, центры немецкой культуры – были призваны к реализации выработанных грандиозных планов преобразований жизненных условий. Столь разнообразная структура преобразований, несомненно, базировалась на

различных методах исследования: метод историзма, сбалансированного отражения действительности; метод констелляции, помогающий выявить скрытую динамику внутреннего конфликта (проблемы) в сознании человека); историко-сравнительный метод, позволяющий выделить этапы и проследить процессы в их рамках; историко-типологический метод (анализ, вывод о трансформациях в Союзе ССР и др.).

Результаты. Исследование широкого круга документов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) позволяет проследить сложный путь в развитии общности российских немцев в непростой по своей направленности период советской государственности 1980–1990-х годов, выявить трансформации, которые пришлось преодолеть российским немцам.

Обсуждение. В 1980-е годы советским немцам пришлось решать не только вопросы своего жизнеобустройства, но и организации обучения детей на немецком языке, изучения родного языка, создания прессы, ячеек, транслирующих немецкую культуру, традиции, обычаи. Таким образом, они обогащали культуру других народов, проживавших с ними, и приумножали свои традиции.

Заметным было участие советских немцев в секторе экономики, и это не только промышленное производство, но и аграрная сфера, коммунальный сектор, сфера культуры, науки. С учетом более высокого уровня образования и организаторских способностей немцы выдвигались на руководящую работу, т.е. последовательно проводился принцип консociальной демократии (разумного распределения управления во всех сферах). Правда, не повсюду эта работа протекала на высоком уровне, однако многое зависело и от внимания партийных и советских органов власти к этому вопросу, их возможностей в налаживании культурно-просветительской работы. Немцы сами зачастую обнаруживали интерес к организации массовой работы, изданию прессы, в том числе и на родном языке, проявляя собственную инициативу, ведя борьбу против влияния сект.

Особое внимание уделялось детям, воспитанию в них культуры межнационального общения, формированию самосознания и национального сознания. Немецкие колхозы на свои средства строили школы, центры немецкой культуры. Эта проблема была и в центре внимания средств массовой информации.

С середины 1960-х годов идейно-воспитательная работа среди советских немцев становилась приоритетным направлением многих областных партийных и советских органов власти. Особенно это направление было характерным для партийных органов Казахской ССР. Вопрос неоднократно заслушивался на совещании в ЦК Казахстана. Это не случайно, ведь именно на территории Казахской ССР проживало наибольшее количество немцев.

В первой половине 1970-х годов численность немцев среди населения Казахской ССР составляла 858 тыс. человек. Немцы были представлены во всех отраслях народного хозяйства республики. Вопрос работы среди немцев не утрачивал своей актуальности. Записка отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС о результатах рассмотрения информации гл. редактора (Пшеницын) газеты «Нойес Лебен» от 18 февраля 1970 г. о необходимости ЦК КПСС рассмотреть вопрос о разрешении советским гражданам немецкой национальности возвращаться в места, откуда их принудительно выселили в годы Великой Отечественной войны, попала в центр внимания. Но итоги ее рассмотрения носили скорее вербальный характер, что не могло не вызвать недовольство в первую очередь в

рядах немецкой элиты, которую представляла главным образом немецкая интеллигенция.

Конечно, такое отношение не могло не содействовать возникновению и усилению эмиграционных настроений. Это послужило основой и для появления обобщающего материала в записке Ю. Андропова и Н. Щелокова об эмиграционных настроениях среди советских немцев [РГАНИ. Ф.5. Оп.66. Д.5. Л.6–8. Копия записки с резолюцией М.А. Суслова была направлена также в отдел оргпартработы от 12 октября 1973 г. под грифом «секретно»].

В документе проявлена тревога, связанная с усилением эмиграционных настроений среди советских немцев. Особенно отмечены были такие республики, как Казахская, Эстонская и Киргизская. При этом отмечалось, что на их территории зафиксирована деятельность экстремистски настроенных элементов, стремившихся создать «национальные комитеты» для осуществления этой меры.

Подобные действия активизировались и в других регионах страны. Заявления о выезде в ФРГ поступили от граждан, проживающих в 10 союзных республиках и 31 АССР, краях и областях РСФСР. Получили разрешение на выезд 2247 граждан, 2664 заявителям (54%) было отказано в выезде по мотивам государственной безопасности, отсутствия у них близких родственников в ФРГ. В первом полугодии 1973 г. рассматривалось уже 3808 ходатайств. Разрешения на выезд получили 1050 человек. В 1989 г. количество выехавших советских граждан немецкой национальности составило 100 тыс. чел., в 1990 г. – 150 тыс. чел., в 1991 г. – 400 тыс. человек.

Требовалось усиление работы по приостановке процессов эмиграции. Вопрос в очередной раз (25 октября 1973 г.) был рассмотрен ЦК КП Казахстана (секретарь В. Месяц), были выработаны предложения по улучшению политико-воспитательной работы среди немецкого населения республики. Цель очевидна – нейтрализовать дальнейшее распространение эмиграционных настроений. Предлагалось: увеличить представительство немцев в органах государственной власти; организовать широкое освещение их трудовой и политической активности; для работы с немцами сформировать при исполкомах Советов трудящихся общественные комиссии; рассмотреть возможность открытия школ на немецком языке; увеличить количество изданий произведений на немецком языке для художественной самодеятельности и другие [РГАНИ. Ф.5. Оп.66. Д.5. Л.6–8. Копия записки с резолюцией М.А. Суслова была направлена также в отдел оргпартработы]¹.

14 ноября 1973 г. ЦК КП Казахстана разработал дополнения к изложенным ранее предложениям. В связи с этим он обратился с просьбой в ЦК КПСС дать указание соответствующим министерствам и ведомствам СССР. Просьба сводилась к следующему: «принять необходимые меры по дальнейшему совершенствованию обучения детей немецкой национальности и подготовке учительских кадров для этих целей, по изданию специальной учебной литературы на немецком языке, изучить возможности открытия немецкого театра в одном из областных центров

¹ Копия записки с резолюцией М.А. Суслова была направлена также в отдел оргпартработы. Не публикуется. (См.: РГАНИ. Ф.5. Оп.66. Д.5. Л.6–8). Из истории немцев Казахстана. 1921–1975. Сборник документов. Алматы – М.: Готика, 1997. С. 261–265.

страны, создания эстрадного оркестра и ансамбля и подготовки кадров для них; увеличить выпуск политической и художественной литературы на немецком языке, рассмотреть вопрос о подготовке журналистских кадров для газеты "Фройндшафт", издающейся в гор. Целиноград на немецком языке, а также для радио и телевидения» [АП РК. Ф.708. Оп.56. Д.352. Л.171; 10, с. 261].

С целью снизить остроту ситуации в республике вопрос обсуждался и в Комитете госбезопасности республики. Записка Комитета «Об активизации политически вредной антиобщественной деятельности немецких экстремистов» от 24 октября 1973 г. («Особая папка» «Сов. секретно») приоткрывает содержание положения в республике в плане интересующего вопроса, в частности об интеллектуальном уровне советских немцев, занятых в республике, их общественно-политической активности, доле их как номенклатурных работников, что является и ингредиентом политической культуры той или иной общности.

Немцы были широко представлены в советских органах республики. В числе депутатов Верховного Совета Казахской ССР три немца: бригадир проходчиков управления «Карагандашахтопроходка» А.Я. Карстен, доярки совхоза-техникума Павлодарской области Э.Ф. Сыздыкова и совхоза «Победа» Северо-Казахстанской области Э.Ф. Акст. Депутатами областных Советов избирались 59 немцев, районных – 889, городских – 304, районных в городах – 102, поселковых – 483, сельских – 4793. Депутатом Верховного Совета СССР была избрана свиноводка совхоза «Андреевский» Целиноградской области С.И. Айсфельд.

Немцы были заняты в аппарате отдельных обкомов, горкомов, райкомов партии, исполкомов Советов депутатов трудящихся, секретарями партийных организаций. На ряде предприятий, совхозов, колхозов немцы являлись главными специалистами, а также руководителями и специалистами цехов, участков, отделений, бригад, ферм.

16 432 немца (2,7%) были в составе республиканской партийной организации. В Карагандинской областной парторганизации состояли 2360 немцев (4,9%), в Кокчетавской – 1531 (5,6%), в Кустанайской – 1751 (4,6%), в Павлодарской – 1775 (5,1%), в Целиноградской – 1647 немцев (2%).

Например, в номенклатуру Карагандинского обкома (Казахская ССР) входили в числе других 30 руководителей из немцев (3,5%), 342 (5,1%) – в номенклатуру райкомов, горкома партии. 10 немцев работали в должности директоров совхозов, 2 – начальниками райсельхозуправлений, 12 – занимали руководящие посты на Карагандинском металлургическом комбинате, 58 – на комбинате «Карагандауголь», 12 – на заводе синтетического каучука, 46 – на предприятиях автотранспорта. В системе здравоохранения этой области трудились 175 врачей-немцев, из них два специалиста – в облздравотделе, 33 главврача и заведующих отделениями больниц. В школах работали 1065 учителей-немцев, 33 – директорами и завучами.

В культурно-просветительных учреждениях Министерства культуры республики работали 1370 немцев. Это еще раз подтверждает строгое следование на практике принципу консоциальности.

Труд большого числа немцев был отмечен правительственными наградами: 14 человек удостоены звания Героя Социалистического Труда, многие награждены орденами и медалями СССР, удостоены почетных званий республики.

Одним словом, к концу 1970-х годов среди немецкого населения сформировался мощный слой интеллектуальной интеллигенции с новым мышлением, с новыми подходами к решению выдвигаемых партией и правительством задач в

сфере хозяйствования. Несомненно, это была когорта граждан немецкой национальности, которая представляла совершенно новую генерацию советских немцев на пространстве Союза ССР, умеющих не только формулировать задачи, но и активно претворять их в жизнь. Они обладали навыками высокой политической культуры.

Политическая культура, которую транслируют как представители той или иной этнической общности, так и ее истеблишмент, остается общепризнанной, выступает как составляющая культуры общества. В политической культуре важной компонентой выступает в данном случае и политическое сознание. Все это приобретает особую значимость в условиях политизации общества, вовлечения граждан в сферу политической жизни, формирования политической идентификации. Как показано в уже приведенных примерах, огромное число советских (российских) немцев, владеющих высоким уровнем политической культуры, трудились во многих сферах современной России.

Повсеместно немцам присущи глубокие знания и компетентность. Лидеры немецкого российского движения остаются активными участниками решения задач российской государственности, проблем ее развития. Многие из российских немцев выступают и как истинные патриоты России, защитники ее целостности. Для российских немцев также характерны информированность о жизни страны, участие в происходящих в ней социальных процессах по стабилизации обстановки, самосохранении целостности государства, создании консолидированного общества. В 1990-е годы они выражают свои интересы через политические партии и институты гражданского общества, путем формирования своей национальной автономии.

В 1979 г. ЦК КПСС признает целесообразным образовать Немецкую автономную область в составе Казахской ССР. Постановление ЦК КПСС, как и по многим другим вопросам, оставались без воплощения. К советским немцам часто проявлялись недоверие и подозрительность. Трудно протекал процесс восприятия и доверия как составляющие воспитания культуры межнационального общения. Повсеместно создавались всевозможные препятствия в прописке, приеме на работу, продвижении по службе, зачислении в высшие учебные заведения, службе в армии. Так, в Казахстане, по данным ЦСУ, на каждую тысячу занятых в народном хозяйстве приходилось с высшим и незаконченным высшим образованием 117 чел., а среди немцев – 43, в Омской области – 98 и 39 соответственно, в Алтайском крае – 80 и 40. Аналогичным было положение в Киргизской ССР, Волгоградской и Кемеровской областях, Красноярском крае. В Киргизской, Таджикской и Казахской ССР, в ряде областей РСФСР удельный вес работающих советских немцев, не имевших среднего образования, в 1,5–2 раза выше, чем среди граждан других национальностей. Одним словом, и здесь было поле для проведения дополнительной работы.

Ценным источником, раскрывающим отношение к немцам в это период, является записка от 9 июля 1980 г. гл. редактора (В. Цапанов) газеты «Ноейс Лебен» в ЦК КПСС о вопросах, задаваемых в письмах читателей в связи с выходом в Политиздате брошюры «Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года». У читателей возникало недоумение и недовольство по поводу того, что в брошюре в разделе о численности населения отдельных национальностей по союзным республикам замалчивалась немецкая национальность в целом. Так, данные о советских немцах почему-то не приводились по Казахской ССР, где их насчитывалось до 1 млн человек. И в то же время давалась численность,

например, уйгуров (148 тыс.), корейцев (92 тыс.), азербайджанцев (73 тыс.), дунган (22 тыс.) и др. Аналогичной оставалась картина и в разделах, публикуемых итогов переписи, посвященных РСФСР, Узбекской, Киргизской, Таджикской, другим союзным республикам [РГАНИ. Ф.5. Оп.77. Д.117. Л.1–2. Подлинник]. Ситуация не поддавалась какому бы то ни было пояснению. Она означала, прежде всего, отношение к этнической общности на государственном уровне.

Тем не менее это не останавливало действий со стороны различных инициативных групп советских немцев, и они активно проводили работу, о чем свидетельствует обращение инициативной группы советских немцев от 12 октября 1987 г. в Президиум Верховного Совета СССР. На сей раз вопрос был связан с восстановлением немецкой автономии: «Неопределенное, неустойчивое положение граждан немецкой национальности, – писали авторы обращения, – приводит к росту эмиграционных настроений, – люди просто отчаиваются, ибо нет никакой гласности в этом вопросе» [РГАНИ. Ф.5. Оп.100. Д.49. Л.21–23. Заверенная копия. В подготовке текста обращения были заняты: Герман И.А., г. Энгельс, пенсионер; Гаер Ю.А., г. Саратов, преподаватель; Кунц Д.А., г. Саратов, доцент; Кошель, г. Энгельс; Шафнер А.Г., г. Энгельс, инженер; Милгер Г.Г., г. Энгельс, мастер; Дингес А.А., участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.; Лютцева Э.Ю., г. Энгельс, художница, и др.].

И в этой ситуации организаторы вновь обращались к вопросу о политической активности немцев на территории их проживания. Не случайно это положение находило отражение в проекте подготовленного Устава Всесоюзного общества возрождения немецкой автономии. Содержание документов как раз свидетельствует о том, что политический аспект в поведенческом настроении советских немцев остался предпочтительным. Он требовал от немцев постоянной подготовки и высокого уровня политической культуры..

По нашему мнению, этническая общность в целом соответствовала этим требованиям. Принявшая постоянный характер борьба за автономию, право заставляли обращать внимание на политическую культуру общности, выработку идейных установок для реализации поставленных задач, а они были очевидными.

В «Общих положениях» названного обращения констатировалось: «Всесоюзное общество возрождения немецкой автономии является добровольной общественной организацией, призванной содействовать: скорейшему восстановлению государственности советских немцев, развитию политической активности и самодетельности, национальной истории и культуры, удовлетворению многообразных интересов лиц немецкой национальности, проживающих в Советском Союзе» [РГАНИ. Ф.5. Оп.100. Д.49. Л.25–28. Копия]. Эти приоритеты становились основой формирования политической культуры этнической общности. Всесоюзное общество возрождения немецкой автономии в связи с этим строило свою работу на основе положений Конституции СССР, а также настоящего Устава.

Уровень национального сознания как составляющая политической культуры находил свое выражение в первую очередь в письмах и заявлениях граждан немецкой национальности, решительно и единодушно одобрявших политику наступившей в конце 1980-х годов перестройки. «Она нужна нам всем, – писал житель Москвы, коммунист Д.Д. Браун. – Ведь это гарантия демократии, справедливости и гласности». «Как и все советские люди, – отмечал житель Алма-Аты, ветеран войны и труда А.А. Гартунг, – советские немцы хотят активно участвовать во всех областях нашей жизни».

Конечно, перестройка своими лозунгами могла вселять советским немцам надежды в реализации задуманного, своих желаний. И это прослеживается в документах партийных и государственных органов той поры, в первую очередь в обращениях советских немцев, которые были обобщены. Здесь, конечно, не было необходимого единства, и все же чаша весов по созданию автономии перевешивала.

«Считаем, что наша национальная государственность должна быть восстановлена в такой форме, в какой она существовала до 1941 г. в Поволжье, – констатировалось в обобщенном документе ЦК КПСС об обращениях советских граждан немецкой национальности (январь – февраль 1988 г.). – Только в этом случае немцы СССР получают такие же права, как и все народы»¹.

Только восстановление АССР немцев Поволжья могло бы создать предпосылки для решения следующих проблем, к которым следует причислить:

- полная реабилитация советских немцев в глазах других народов СССР;
- восстановление двух миллионов советских немцев в статусе народов СССР;
- должное представительство советского немецкого народа в Совете Национальностей Верховного Совета СССР;
- создание условий для возрождения и развития национальной культуры советских немцев и для их участия в формировании советской многонациональной культуры [РГАНИ. Ф.5. Оп.101. Д.255. Л.71–76. Копия].

Тем не менее средства массовой информации публикуют ошибочные материалы, содержащие в корне неверные сведения о советских немцах. Так, взрыв негодования во всех концах страны вызвала статья писателя В. Рудина в газете «Кузбасс» «Что помнят о себе немцы?». Писатели Ф.Д. Больгер, Э.Э. Каценштейн, В.А. Шпоара, А.К. Крамер и другие писали в ЦК КПСС, что по вине таких как Рудин «в народе по-прежнему распространяются басни о пятой колонне в нашей стране, о пособничестве советских немцев фашистским захватчикам, о диверсантах и парашютистах, об отравленных колодцах и складах оружия в подвалах немцев Поволжья». По этому поводу заместитель заведующего Отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС В. Михайлов замечал: «К сожалению, печальное эхо тех лет, трагизм тех событий советским немцам приходится чувствовать и в современных условиях, и они будут их чувствовать до тех пор, пока они не будут полностью реабилитированы и восстановлена автономия немцев Поволжья» [РГАНИ. Ф.5. Оп.101. Д.255. Л.71–76. Копия]. Возникает вопрос, что же мешало осуществить эти планы в 1990-е годы?

Несмотря на сложность бытия советских немцев, их нередко именовали «русскими немцами», «немцами-поляками» и т.п. Они приспосабливались и к новой ситуации, и к новому образу жизни. Конечно, в условиях миграции менялись уклад отношений, характерный для советских немцев. Тем не менее применительно к России черты их менталитета оставались стабильными: решающее мнение отца во всех семейно-бытовых отношениях, стремление жить большой семьей, обращение за помощью и содействием к соседям-немцам и, соответственно,

¹ Из коллективного письма тт. В.Д. Вайс, А.Ф. Аухвальд, В.К. Роот и других.

сдержанность в отношениях с соседями других национальностей, почитание религиозных обычаев во взаимоотношениях незамужних девушек и неженатых юношей пр.

Для формирования политической культуры в немецкой среде наряду с получением знаний важную роль играли такие черты личности советского немца – труженика или руководителя, как добропорядочность и компетентность. И это особенно проявлялось в оценках немцев со стороны казахов, киргизов, узбеков, русских, украинцев, балкарцев и других. По нашему мнению, фактор добропорядочности и компетентности вплетался в определенной мере и в систему мотивов, формирующих миграционные настроения.

Мнение немцев-эмигрантов сводится, как пишут западногерманские советологи, к тому, что знания, высокая профессиональная квалификация, управленческие способности, стремление аккуратно выполнять свои обязанности оценивались необъективно со стороны представителей других национальностей – казахов, киргизов, узбеков, русских, украинцев, в первую очередь со стороны тех из них, кто занимал какое-либо административно-управленческое положение. Такими были реалии положения немцев, отличавшиеся очевидной противоречивостью.

Важной составной частью менталитета немцев оставалось состояние культуры межнационального общения как элемент политической культуры. В Союзе ССР среди проживавших немцев численность немцев-горожан увеличилась с 40% в 1959 г. до 52% в 1980 г. [РГАНИ. Ф.5. Оп.101. Д.255. Л.18–25. Подлинник. Аналитическая записка Института социологических исследований Академии наук СССР «Об основных факторах и причинах, способствовавших формированию эмиграционных настроений среди советских немцев (Критический анализ западногерманских советологических исследований)». 17 марта 1988 г.]¹. Более 94% немцев владели русским языком настолько свободно, что называли его в числе первого или второго языка наряду, естественно, со своим родным языком.

Доля промышленного рабочего класса из числа коренного населения в названных регионах все еще оставалась существенно меньшей по отношению к численности коренного населения. Значительную часть его составляют преимущественно русские, украинцы и белорусы. Естественно, поэтому немцы, оказавшись в многонациональной среде, избирают русский язык в качестве языка межнационального общения. Но из этого не следует, что они утрачивают знания своего национального языка. Согласно Энциклопедии 1939 г., в 1937 г. волжские немцы имели на немецком языке пять институтов, три рабфака, одиннадцать техникумов, 171 среднюю школу, 52 кинотеатра, 21 газету. Одним словом, рес-

¹ По переписи населения 1959 года 75% советских немцев указали родным языком язык своей национальности. В 1979 г. их было уже 57%. Таким образом, снижение составило 20%. С другой стороны, результаты переписи населения показали, что при постоянно увеличивающейся численности немцы СССР устойчиво сохраняют свое этническое самосознание. То есть они имеют, с одной стороны, потерю культуры языка, с другой – стремление сохранить этническую общность. В связи с этим сами немцы полагали, что для этого имеется только один путь – это воссоздание государственности. При этом было четкое понимание и того, что создание автономии в любом другом месте – в Казахстане или где-то еще – приведет к новому клубку межэтнических распрей.

публика была передовая, образцовая по всем статьям. Это было прочной базой для формирования самосознания, национального сознания и политической культуры советских немцев в целом.

В большей мере подтверждением этому выводу служит содержание сохранившейся стенограммы приема граждан немецкой национальности председателем Совета Национальностей Президиума Верховного Совета СССР А.Э. Воссом в середине июля 1988 г. В приеме граждан принимали участие немцы Август Корн, Б.Д. Петерс и др. Следует заметить, что в определенной степени высокий уровень политической культуры элиты позволял немцам намечать планы и вселять большую надежду на их успешное выполнение.

Б.Д. Петерс на встрече с А.Э. Воссом, освещая проблемы экономического положения в Саратовской области (где проживали 40 тыс. советских немцев), в связи с этим констатировал: «Мы воспитаны в глубоко интернациональном духе...». При этом в формировании общности немцев Петерс особо оценивал роль наличия в республике в прошлом своих институтов, техникумов, театров, издание книг на немецком языке, что сейчас представляет колоссальную проблему.

Конечно, в этой ситуации не могла не проявляться ностальгия по организации жизни в прошлом в бывшей автономной республике. Это было обусловлено и наличием того, что удельный вес немцев с высшим образованием в сравнении с основным населением Казахстана был примерно в два-три раза ниже. То же самое по Киргизии, Таджикистану, некоторым другим регионам. Это, безусловно, значительно снижало нравственные и потенциальные возможности этнической общности. На встрече эти выводы были изложены в замечаниях Ю.А. Гаара (Поволжье, г. Саратов) и других.

Такие процессы не могли не тормозить формирование большего слоя немецкой интеллигенции. Так, по Киргизской ССР среди тысячи человек населения Киргизии имели высшее образование: 90 человек – киргизы, 114 – русские, 48 – узбеки, 40 – уйгуры 500 – евреи, а немцев – всего лишь 37. То есть самый низкий потенциал. Это не могло не выступать и одной из причин вовлечения немецкого населения в миграционные процессы, набравшие силу в этот период, что не преминули заметить и отразить авторы рабочей записки Государственно-правового отдела ЦК КПСС «О нарастании негативных тенденция и настроений в среде советских немцев» (февраль 1989 г.) [РГАНИ. Ф.5. Оп.102. Д.521. Л.1–5. Копия]¹. В числе подлинных причин форсирования эмиграции четко проявляются следующие: *экономические* – кризисные явления в экономике страны, нестабильность цен и, самое главное, острый дефицит продовольственных и непродовольственных товаров массового спроса, невозможность отоваривания заработанных средств; *национальные* – «неожиданные» для большинства населения взрывы межнациональной розни в разных концах страны, факты ущемления законных прав так называемых «некоренных» национальностей в ходе происходящего в СССР процесса перестройки федеративных отношений и укрепления суверените-

¹ Кстати, эта волна набирала все новые обороты. Если в 1987 г. за пределы СССР выехало 15 724 чел., то в 1988 г. – 51 993 человека. Если в 1976 г. СССР покинуло 6790 чел., то только в январе 1987 г. эмигрировало 4127 человек (РГАНИ. Ф.5. Оп.102. Д.521. Л.1–5. Копия). По данным МВД СССР, в 1988 г. в ФРГ выехали 51 983 человека. По сравнению с 1987 г. число эмигрантов возросло в 3,3 раза. В январе 1989 г. их численность составила 6607 человек, что в 3 раза больше в сравнении с этим же периодом 1988 г. (РГАНИ. Ф.89. Оп.30. Д.8. Л.2–3. Подлинник).

та союзных республик, подогреваемая средствами массовой информации ситуация в Саратовской и Волгоградской областях (показ по ЦТ сюжетов с митингами под лозунгами типа «Лучше СПИД, чем немцы!», за которые по всем законам положена уголовная ответственность, публикации в прессе, смакующие антинемецкие настроения в Поволжье и т.д.); *социально-политические* – затяжка с принятием государственных решений об отмене всех незаконных актов, ущемляющих права и достоинство советских немцев, и доведением их до самых широких слоев народа, «реабилитацией» никогда юридически не осужденных сотен тысяч трудармейцев, недоверие к решениям высших государственных и партийных органов по вопросам полного восстановления прав советских немцев, основанное на печальном многолетнем опыте народа, перенесшего неоднократные репрессивные акции со стороны государства; *духовно-нравственные* – фактическая потеря родного языка (среднее поколение и подростки практически не знают немецкого языка), невозможность в связи с этим знакомства с национальной литературой, историей и культурой, утрата национальных обычаев, традиций, фольклора, боязнь перерождения национального характера, определяемого развитым чувством дисциплины, ответственности, бережливости, высокой бытовой культуры, семейных отношений, основанных на взаимном уважении.

Возникает определенное недоумение. Казалось бы, при наличии относительно высокого уровня политической культуры советских немцев процесс восстановления государственности мог бы проходить в более спокойной форме, естественно, при высоком уровне организации.

Позиция местных органов в Поволжье, где должна быть восстановлена автономная республика, была отрицательной. Работники среднего звена в этих районах – единственная категория работников, которая может «пострадать» от восстановления автономии, ибо, можно полагать, не каждый из них сможет остаться на своем «посту». Отсюда вполне понятное неприятие ими идеи автономии.

Однако назвать подлинную причину своего неприятия они не могут, поэтому подменяют ее более серьезными и «доходчивыми» для сознания вышестоящих органов: «нужно исходить из сложившейся структуры населения» (т.е. из интересов того населения, которое сегодня проживает на территории бывшей АССР НП). Обоснование: «не надо создавать новый армяно-азербайджанский конфликт» или понейтральнее – «не надо устраивать нового великого переселения народов» (см. выступление первого секретаря Волгоградского обкома КПСС В.И. Калашникова на встрече с избирателями. «Волгоградская правда» от 22 февраля 1988 г.).

Слабая информированность о предполагаемых путях решения проблем немцев в Союзе ССР и связанное с этим транслирование в среду немецкого населения разного рода слухов порождали два основных следствия – подозрительно-недоверчивое отношение к любым принимаемым государственными органами решениям и падение авторитета политических институтов и общественных организаций, участвующих в решении проблем советских немцев. Это не могло не сказываться и на самосознании, и на национальном сознании немцев.

Важным этапом в деле активизации общественно-политической работы в немецкой среде явилась Учредительная конференция Всесоюзного общества советских немцев, проходившая 28–31 марта 1989 г. в Москве, на которой был дан глубокий анализ ситуации, а главное – оценка сложившегося положения в решении вопроса «о советских немцах».

Конференция приняла решение образовать общественно-политическое и культурно-просветительское общество «Возрождение», обсудила и приняла его Программу и Устав. Был избран состав Координационного центра Всесоюзного общества «Возрождение» из 33 человек и президиум общества из 7 человек. Председателем президиума общества был утвержден Г.Г. Гроут, кандидат технических наук, заведующий лабораторией (г. Запорожье), а сопредседателями – Г.Г. Вормс-бехер, писатель, редактор журнала на немецком языке «Родные просторы» (г. Москва), и Ю.А. Гаар, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент Саратовского сельхозинститута [РГАНИ. Ф.5. Оп.102. Д.521. Л.43–46. Копия].

Репрессивные меры военного периода не только определяли дальнейшее развитие немецкой общности Поволжья, но и отразились на отношении с представителями других регионов. Особую негативную роль репрессии сыграли в трансформации этнического стереотипа поволжских и в целом российских немцев. Первое национальное объединение российских немцев «Видергебурт» («Возрождение») сразу же объявило приоритетной задачей своей деятельности восстановление автономии Республики немцев Поволжья, что вряд ли надо было провозглашать в качестве единственной задачи. Это делается в масштабе объединения совместно с комплексом задач обустройства немцев в новых условиях.

Конференция выразила твердую поддержку политике КПСС на перестройку. В выступлениях делегатов было определено и направление, подчеркивалось, что успех перестройки увязывается и с новым мышлением, решением наболевших проблем советских немцев. Абсолютное большинство ораторов показали понимание сложности существующих проблем межэтнических отношений и необходимости решения их в условиях законности, взвешенно и спокойно.

Экстремистские выпады типа «потребовать извинения от советского правительства за беззакония в отношении советских немцев, деидеологизировать работу школ, считать эмиграцию нормальным явлением и не осуждать ее, хватит просить и унижаться» и т.д., содержащиеся в единственном на конференции выступлении переводчика Гостелерадио СССР Вольдемара Вебера, были отвергнуты и осуждены. Судя по всему, отрицание подобного – это правильный ход.

Слабая информированность о предполагаемых путях решения проблем немцев в СССР, связанное с этим курсирование среди немецкого населения разного рода слухов порождали неудачи в решении проблем этнических общностей, включая и советских немцев в период перестройки. Более того, активизировались элементы, которые стремились перевести немецкое национальное движение в русло агрессивности и противостояния руководству страны.

Большие надежды возлагались на постановление Верховного Совета СССР «О выводах и предложениях комиссий по проблемам советских немцев и крымско-татарского народа» от 28 ноября 1989 г. [3, с. 495].

К сожалению, оно не определяло никаких подходов к решению проблемы в комплексе. Дополнялась еще одна комиссия. Тем не менее этому предшествовала большая работа

Вероятно, в плане выработки механизмов реализации намечавшихся целей большее значение имели предложения, изложенные в письме от 11 января 1990 г. Саратовского обкома КПСС (Ю. Баранов) в ЦК КПСС, о принимаемых мерах по усилению интернационального воспитания населения в связи с проблемой советских немцев. Эти акции имели ценное значение и для воспитания политической культуры этнической общности, и не только российских немцев.

Здесь основное внимание сосредоточивалось на общественно-политической работе, на вопросах формирования самосознания и национального сознания немцев, как важных компонентов воспитания политической культуры. Уже был накоплен определенный опыт работы. В трудовых коллективах, учебных заведениях и по месту жительства населения в середине ноября 1989 г. был проведен единый политдень по проблемам интернационального воспитания.

В ноябре – декабре 1989 г. прошли выступления квалифицированных лекторов областной организации общества «Знание». В партийных комитетах районов, где обострились вопросы межэтнических отношений, созданы комиссии по интернациональному воспитанию. Активизировалась деятельность аналогичных депутатских комиссий областного, городских, районных, сельских и поселковых Советов народных депутатов.

В районах с компактным проживанием немцев создавались условия для более полной реализации духовных потребностей населения. В средних общеобразовательных школах и профтехучилищах создавались факультативы для желающих углубленно изучать родной язык, в том числе немецкий. С согласия родителей открывались немецкие национальные школы в селах Осиновка и Каменка Марковского района. Управлением народного образования облизполкома была разработана программа развития до 1995 г. национальных школ и детских дошкольных учреждений. Подготовку педагогических кадров для них, в том числе немецких, было запланировано вести с сентября 1990 г. в Саратовском государственном, Балашовском педагогических институтах и Энгельсском педучилище [РГАНИ. Ф.5. Оп.103. Д.973. Л.1–5. Подлинник].

Все эти начинания, конечно не только в Саратовской области, создавали основу для формирования института регулирования этими процессами.

На этот период как раз приходится и создание Государственной комиссии по проблемам советских немцев на основе постановления Совета Министров СССР от 29 января 1990 г. № 90 для решения практических вопросов, связанных с восстановлением прав советских немцев. Она формировалась во исполнение постановления Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 года.

Определенный свет проливает и сохранившаяся записка зам. зав. отделом национальных отношений ЦК КПСС А. Цветкова от 1 марта 1990 г. «О межобластной конференции трудовых коллективов ряда районов Саратовский и Волгоградской областей». В ней прозвучало признание о наличии шовинистических высказывания населения этих областей, а отношение к этой проблеме становилось как бы критерием лояльности руководящих кадров, народных депутатов СССР и кандидатов в народные депутаты РСФСР и местных Советов.

Правда, положительный аспект в этом документе все же просматривается: прозвучал вывод, что можно было бы также начать проработку идеи создания Всесоюзной ассоциации советских немцев как переходной формы к государственности, что предусмотрено платформой КПСС по национальной политике для народов, не имеющих собственной территориальной автономии [РГАНИ. Ф.5. Оп.103. Д.973. Л.26–27. Подлинник].

В последующем эту точку зрения в преломленной форме отстаивал заместитель министра по делам национальностей Российской Федерации В.А. Бауэр. Он предлагал Федеральные национально-культурные автономии рассматривать чуть ли не в качестве основы для создания автономной государственности рос-

сийских немцев. Несомненно, такое понимание противоречит содержанию Закона Российской Федерации «О национально-культурной автономии».

Формирование системы институтов гражданского общества, в том числе и этническими общностями, подвергшимися репрессиям, – это также составная часть процесса их реабилитации. Это яркое свидетельство и изменений в сфере государственной идеологии, базирующейся в новых условиях на принципах федерализма, нациестроительства в Российской Федерации. Преобразования стали возможными благодаря созданным условиям происходившей демократизации российского сообщества, как и последовательному осуществлению мер по реабилитации этнических общностей. Задачи же общественных объединений четко определены законами Российской Федерации «Об общественных объединениях Российской Федерации» (1995 г., новая редакция – 1998 г.) «О национально-культурной автономии» (1996 г.).

Для ускоренного решения этого важного для российских немцев вопроса имело место даже обращение к ГДР и был составлен проект Концепции деятельности ГДР по оказанию содействия СССР в работе с советскими гражданами немецкой национальности. Просьба исходила от советского руководства. Главная цель заключалась в том, чтобы способствовать развитию основ для формирования политической культуры немецких граждан, их творческому участию в реализации национальной политики СССР, дальнейшему формированию и совершенствованию межэтнических отношений. Концепцией предусматривалось, что в случае создания автономии для советских граждан немецкой национальности деятельность ГДР будет концентрировать усилия прежде всего на территории этого автономного образования.

В существовавших реалиях первостепенное значение приобретало решение опять-таки практических вопросов восстановления прав советских немцев, создания необходимых условий для обеспечения их национально-культурных интересов и запросов, образования национальных районов, сельских и поселковых Советов в местах их компактного проживания.

Одновременно проводилась работа непосредственно и на местах, в частности в Саратовской области, в которую была направлена в апреле 1990 г. рабочая группа Госкомиссии Совета Министров СССР по проблемам советских немцев [РГАНИ. Ф.5. Оп.103. Д.973. Л.57–61. Подлинник. Отчет, подготовленный отделом национальных отношений ЦК КПСС. 11 апреля 1990 г.]. Она посетила семь районов. Были выявлены причины создавшегося положения, в числе которых выделяются следующие:

- во-первых, сказались слабая информированность населения о сути проблемы, замалчивание трагической судьбы немецкого народа и его желания вернуться на родину, истории автономии на Волге.

Ликвидация информационного дефицита без предварительной подготовки общественного мнения, учета реальной обстановки привела к негативной реакции населения, возникновению напряженности в регионе;

- во-вторых, партийными и советскими органами до последнего времени фактор многонациональности состава населения области слабо учитывался, поэтому реализация национальными группами своих потребностей осуществлялась в стихийном порядке.

Рабочая группа, конечно, сделала определенные выводы и применительно самих немцев, в связи с чем указывалось, что советские немцы утратили веру в союзное руководство и все свои надежды связывают с Верховным Советом РСФСР, лично с Б.Н. Ельциным. Об этом же говорилось и на проходившей 29 августа 1990 г. чрезвычайной конференции общества советских немцев «Возрождение». Здесь же в очередной раз было указано на необходимость создания Всесоюзной ассоциации как инструмента для решения широкого круга задач национально-культурной автономии и восстановления в будущем государственности. Правда, предложение было отвергнуто. Однако и на сей счет имелось объяснение, которое сводилось к тому, что современное национальное развитие СССР якобы не позволяет «отдельно вырвать проблему немцев» [РГАНИ. Ф.5. Оп.103. Д.974. Л.16–21. Копия. Записка отдела национальных отношений ЦК КПСС «О ситуации вокруг проблемы советских немцев». 24 сентября 1990 г.].

Тем не менее идея образования Всероссийской ассоциации советских немцев все более приветствовалась различными комиссиями, создаваемым для решения проблемы на государственном уровне. Об этом свидетельствует и письмо от 3 октября 1990 г. председателя Государственной комиссии по проблемам советских немцев В.К. Гусева в ЦК КПСС «К записке отдела национальных отношений ЦК КПСС» «О ситуации вокруг проблемы советских немцев» (№ Ст-6/36г от 24 сентября 1990 г.). Комиссия видела в этом один из путей выхода из сложившейся конфликтной ситуации [РГАНИ. Ф.89. Оп.8. Д.60. Л.1–7. Подлинник].

Высказал свое мнение и отдел национальных отношений ЦК КПСС (В.А. Михайлов), в частности в информации заместителю Генерального секретаря ЦК КПСС В.А. Ивашко по поводу записки отдела национальных отношений ЦК КПСС «О ситуации вокруг проблемы советских немцев» от 16 октября 1990 г. Отправной точкой действий отдел рассматривал то, что «нельзя требовать восстановления автономии советских немцев тем же способом, которым она была ликвидирована», и призывал использовать метод народной дипломатии, а активистам немецкого национального движения рекомендовал пойти на прямой контакт с населением Саратовского и Волгоградского Заволжья, с тем чтобы развеять имеющиеся страхи и сомнения.

Одновременно было отмечено, что Отдел ЦК КПСС будет и дальше побуждать Саратовский и Волгоградский обкомы партии к тому, чтобы они более активно действовали в пользу немецкой автономии. «Однако при этом следует понимать, что одним только давлением на руководство этих областей в условиях реальной демократии много не добьешься ... без активного участия центральных и местных советских органов эта работа в настоящее время малоэффективна» [РГАНИ. Ф.5. Оп.103. Д.974. Л.8–10. Подлинник].

Содействовало ли решению проблемы постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О неотложных мерах по урегулированию проблем советских немцев на территории РСФСР» от 22 апреля 1991 г. № 525? Его настрой был оптимистичным в целях скорейшего разрешения проблем советских немцев по их полной политической и территориальной реабилитации, для чего и возникла Комиссия Президиума Верховного Совета РСФСР по проблемам советских немцев в составе 15 членов, которой поручалось до 20 мая 1991 г. разработать и представить на рассмотрение Верховного Совета РСФСР концепцию социально-

экономической и политической программы по восстановлению государственности советских немцев на территории СССР [4, с. 524–525].

Подобную направленность имел и появившийся Указ Президента Российской Федерации «О неотложных мерах по реабилитации российских немцев» от 21 февраля 1992 г. № 231. Поле деятельности было расширено. В качестве первого этапа, не ущемляя интересов местного населения, с учетом опыта создания немецких национальных районов в Алтайском крае и Омской области предлагалось образовать: немецкий национальный округ на территории Волгоградской области; немецкий национальный район на территории Саратовской области; образовать по представлению Государственного комитета Российской Федерации по национальной политике, администраций Волгоградской и Саратовской областей Организационный комитет [5, Ст. 548].

Не оставалась без внимания и хозяйственная деятельность немцев. В связи с этим на решение проблемы был направлен Указ Президента Российской Федерации «О создании в Поволжском регионе поселений российских немцев на базе агропромышленных комплексов и гарантиях их социально-экономического развития» от 2 мая 1992 г. № 514, которым предусматривалось формирование на территории Волгоградской, Самарской и Саратовской областей по совместному российско-германскому проекту, поддержанному Правительством Германии, компактные поселения российских немцев на базе фермерских агрокомплексов [6, Ст. 1195].

Своим содержанием больше привлекает Протокол о сотрудничестве между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германии (1992 г.), в котором прописано положение о поэтапном восстановлении государственности российских немцев. Он позволяет сделать вывод, что конкретное внимание уделялось не только самому факту восстановления государственности немцев Поволжья, но и гуманитарной части проблемы – сохранности и развитию национальной самобытности, беспрепятственной возможности создания культурных, социальных, учебных и других форм совместной организации, которые усиливали бы у немцев чувство общности и способствовали сосуществованию жителей немецкой и других национальностей [1, с. 67–70]. Одним словом, было учтено все то, что способствовало бы воспитанию политической культуры немцев и культуры межнационального общения, совершенствования самосознания и сознания российских немцев как важных составляющих развития многонационального государства.

9 августа 1994 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР были внесены изменения в Указ от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».

Выводы. Несмотря на имевшееся существенное изменение жизненных условий российских немцев, успехи в производстве, улучшение материального положения, отсутствие решения главного вопроса – создания (возрождения) немецкой государственности – явилось основой для формирования эмиграционных настроений в среде немецкого населения. Заметно возростал отток немцев с территории Советского Союза. Несомненно, такое положение требовало усиления работы среди немецкой общности. К приостановлению процесса оттока немцев в ГДР и ФРГ были призваны республиканские и областные партийные организации и органы государственной власти. Не увенчалась логическим завершением и идея

по созданию автономии немецкого народа на территории Казахской ССР, образование которой там планировалось в первой половине 1970-х годов.

Вряд ли были возможными в условиях отсутствия политической культуры у советских немцев преодоление всех этих негативных сторон, грамотный подход к решению вопросов в процессе стремления этнической общности к формированию, а вернее, к восстановлению своей государственности на территории Российской Федерации. Правда, осуществлялась эта задача в сложный и противоречивый период развития новой Российской государственности, испытывавшей по причине распада Союза ССР трансформации различных сторон жизни.

России в ту пору приходилось отстаивать свое существование в новом формате. Конечно, это создавало определенную специфичность в регулировании национальными процессами, делало их сложными и трудно разрешимыми.

И в этой ситуации немцы смогли консолидироваться, что придавало тогда самому немецкому движению на территории России высокий уровень этнической мобильности. Четко выделялась и элита, взявшая на себя основную организационную работу. Вряд ли можно не согласиться с утверждением В.В. Путина, прозвучавшим на встрече с журналистами в декабре 2014 г., о том, что в России как таковой элиты нет. Это действительно так, если учитывать социальные корни, условия формирования самой элиты. Какая, например, элита была характерной для 1970-х годов? Это представители прослойки общества, владевшие определенным уровнем грамотности, что позволяло им активно участвовать в решении многих государственных проблем.

В условиях России конца 1980-х – 1990-х годов этот процесс также имел проявление на новом витке развития самого общества, в условиях совершенствования демократии.

В связи с распадом Союза ССР было положено начало новому этапу реабилитации российских немцев. Этими задачами занимались государственно-правовой отдел, идеологический отдел и отдел национальных отношений ЦК КПСС¹. Было заметное усиление этнической мобильности немецкой общности. Начиная с января 1990-х годов состоялись многочисленные научные конференции, заседания круглых столов. Во главе этих мероприятий стояло Всесоюзное общество немцев «Возрождение» («Видергебурт»). Была создана Государственная комиссия по проблемам советских немцев (29 января 1990 г.). Работа принимала более целенаправленный характер.

Заявления российских немцев, итоговые резолюции, принимавшиеся на конференциях по вопросу воссоздания Республики немцев Поволжья, выражались во всеобщем недовольстве населения, проживавшего на территории бывшей до начала 1940-х годов Республики немцев Поволжья.

¹ Государственная национальная политика становилась одним из приоритетных направлений перестроечного периода с конца 1980-х годов. Необходима была ее четкая институциализация. В 1987 г. в аппарате ЦК КПСС формируется подотдел, а спустя некоторое время – отдел по национальным отношениям с четкой динамичной структурой, который и занялся подготовкой к 19-й Всесоюзной конференции КПСС, намеченной на 28 июня – 1 июля 1988 г. Итог ее был весьма лаконичным: «абсолютизировались достигнутые результаты в решении национального вопроса» и, конечно же, «утверждались представления о беспрепятственности национальных отношений...».

Появились разные точки зрения и в самой среде немецкого сообщества. Был предложен путь формирования Ассоциации советских немцев, своеобразного общественного объединения, призывавшегося к решению задач этнической общности на территории Союза ССР до возрождения российской государственности. Эти идеи вызывали дискуссии в обществе. Наступил определенный кризис в отношении доверия центральным органам власти со стороны российских немцев. Численность российских немцев на территории России катастрофически сокращалась. Немцы отбывали на постоянное место жительства в ГДР, ФРГ, другие страны. С 1989 по 1991 г. убыли 650 тыс. российских немцев. Необходимо было объединить все усилия партийных и государственных органов всех уровней, Государственной комиссии по проблемам советских немцев Совета Министров СССР (В.К. Гусев) для положительного решения проблемы, порожденной самим государством.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бюллетень международных договоров № 3 1992 года. – С. 67-70. Rus.
2. Вашкау Н.Э. Школа в немецких колониях Поволжья 1764–1917 гг. – Волгоград, 1998.
3. Ведомости Президиума Верховного Совета СССР. 1989 г. № 25. Ст. 495.
4. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 25 апреля 1991 года. № 15. Ст. 524-525.
5. Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РФ. 12 марта 1992 г. № 11. Ст. 548.
6. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 4 июня 1992 г. № 22. Ст. 1195.
7. Герман А.А. Большеви́стская власть и Немецкая автономия на Волге (1918–1941): Монография. – Саратов, 2004.
8. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2007.
9. Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов / Ред. И.Р. Плеве. – М., 1997.
10. Из истории немцев Казахстана. 1921–1975. Сборник документов. – Алматы – М.: Готика, 1997. – С. 261.
11. Немцы в истории России: документы высших органов власти и военного командования, 1652–1917. Сост. Дизендорф В.Ф. / Ред. совет тома: В.В. Ауман, В.Ф. Баумгертнер, В. Бретт, Н.Ф. Бугай, Н.А. Варденбург, В.Г. Чеботарева, А.И. Эрли. – М., 2006. Сер.: Россия. XX век. Немцы России. Die Deutschen Russlands: Энциклопедия. Т. 1–4 / Редкол.: А. Айсфельд, В. Бем, Д. Брандес, А. Герман, В. Дизендорф, В. Карев (пред. редкол.) и др. – М., 1999–2006 / Предисл. парал. рус., нем. 1– 4. – М., 1999–2006.
12. Плеве И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. – М., 1998.
13. Российские немцы: Историография и источниковедение. Мат-лы междунар. науч. конф. Анапа, 4–9 сент. 1996. – М., 1997. – С. 315-327.
14. Чеботарева В.Г. Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья. 1917–1941 гг. – М., 1999; – 2-е изд. М., 2000.
15. Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики. 1917–1924 гг. Глава VI. Немецкие колонии: трансформация политической и социально-экономической жизни. – М., 2003. – С. 549-695.

16. Черказьянова И.В. Школьное образование российских немцев // Die schulbildung der russlanddeutschen. Проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII–XX вв. – СПб., 2004.

REFERENCES

1. Blliten' mezhdunarodnykh dogovorov [The book of international treaties]. № 3 1992 goda. PP. 67 – 70. (in Russ.)
2. Vashkau N.E. Shkola v nemetskikh koloniyakh Povolzh'ya, 1764 – 1917 gg. [School in the German colonies of the Volga region, 1764 - 1917]. Volgograd, 1998. (in Russ.)
3. Vedomosti Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1989 g [Bulletin of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR]. № 25. P. 495. (in Russ.)
4. Vedomosti S"yezda narodnykh deputatov i Verkhovnogo Soveta RF [Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the Russian Federation].. № 15. 25 aprelya 1991 goda. PP. 524 – 525. (in Russ.)
5. Vedomosti Soveta narodnykh deputatov i Verkhovnogo Soveta RF [Bulletin of the Council of People's Deputies and the Supreme Soviet of the Russian Federation].. 12 marta 1992 g. № 11. P. 548. ekzempliar. (in Russ.)
6. Vedomosti S"yezda narodnykh deputatov i Verkhovnogo Soveta RS [Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RS] № 22. 4 iyunya 1992 g. № 22. P. 1195. (in Russ.)
7. German A.A. Bol'shevistskaya vlast' i Nemetskaya avtonomiya na Volge (1918–1941). [Bolshevik power and German autonomy on the Volga (1918-1941)]. Monograf. Saratov, 2004 (in Russ.)
8. German A.A. Nemetskaya avtonomiya na Volge. 1918 – 1941. Izd. [German autonomy on the Volga. 1918 - 1941]. 2-ye, ispr. i dop. M., 2007 (in Russ.)
9. Ditts YA.Ye. Istoriya povolzhskikh nemtsev-kolonistov. Red I.R. Pleva [History of the Volga Germans-colonists]. M., 1997.
10. Iz istorii nemtsev Kazakhstana. 1921–1975 [From the history of the Germans in Kazakhstan. 1921-1975]. Sbornik dokumentov. Almaty – Moskva: Gotika, 1997. P. 261. (in Russ.)
11. Nemtsy v istorii Rossii: dokumenty vysshikh organov vlasti i voyen. komandovaniya, 1652–1917. Sost. Dizendorf V.F. Red. sovet toma: V.V. Auman, V.F. Baumgertner, V. Brett, N.F. Bugay, N.A. Vardenburg, V.G. Chebotareva, A.I. Erlikh; M., 2006. Seriya «Rossiya. KHKH vek». Nemtsy Rossii. Die Deutschen Russlands: Entsiklopediya. T. 1–4. Redkol.: A. Aysfel'd, V. Bem, D. Brandes, A. German, V. Dizendorf, V. Karev (pred. redkol.) i dr. [Germans in the history of Russia: documents of the highest authorities and the military. command, 1652-1917. Compiled by Dizendorf V.F. Ed. volume advice: V.V. Auman, V.F. Baumgertner, W. Brett, N.F. Bugay, N.A. Wardenburg, V.G. Chebotarev, A.I. Erlich M., 2006. Series "Russia. XX century ". Germans of Russia. Die Deutschen Russlands: An Encyclopedia. T. 1-4. Editorial board: A. Einfeld, V. Boehm, D. Brandes, A. German, V. Diesendorf, V. Karev (editorial board) and others]. M., 1999 – 2006. Predisl. paral. rus., nem. .1– 4. M., 1999–2006. (in Russ.)
12. Pleva I.R. Nemetskiye kolonii na Volge vo vtoroy polovine XVIII veka [German colonies on the Volga in the second half of the 18th century].]. M., 1998. (in Russ.)
13. Rossiyskiye nemtsy: Istoriografiya i istochnikovedeniye. Materialy mezhd. nauch. Konf [Russian Germans: Historiography and Source Study. Materials int. scientific. conf.]. Anapa, 4 – 9 sent. 1996. M., 1997. P. 315 – 327. (in Russ.)

14. Chebotareva V. G. Gosudarstvennaya natsional'naya politika v Respublike nemtsev Povolzh'ya. 1917 – 1941 gg. [State national policy in the Republic of the Volga Germans. 1917 - 1941] M., 1999. Vtoroye izd. M., 2000. (in Russ.)
15. Chebotareva V. G. Narkomnats RSFSR: svet i teni natsional'noy politiki. 1917 – 1924 gg. [Glava VI. Nemetskiye kolonii: transformatsiya politicheskoy i sotsial'no-ekonomicheskoy zhizni. P. 549 – 695. [People's Commissariat of the RSFSR: light and shadow of national policy. 1917 - 1924 [Chapter VI. German Colonies: Transformation of Political and Socio-Economic Life] M., 2003. (in Russ.)
16. Cherkaz'yanova I. V. Shkol'noye obrazovaniye rossiyskikh nemtsev [Die schulbildung der russlanddeutschen. Problems of development and preservation of the German school in Siberia in the XVIII - XX centuries]. Die schulbildung der russlanddeutschen. Problemy razvitiya i sokhraneniya nemetskoy shkoly v Sibiri v XVIII – XX vv. SPb, 2004, i dr. (in Russ.)

Информация об авторе: Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, профессор. Института российской истории Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации III класса (ул. Дм Ульянова, 19 117292)

Москва, Россия

ORCID id: <http://orcid.org/0000-0002-8363-1638>

nikolay401@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Bugai Nikolai Fedorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Acting State Advisor of the Russian Federation, Class III

Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-8363-1638>

nikolay401@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 02.06.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 17.06.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.06.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-36-45

УДК 74.03

**ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ОТНОШЕНИИ МУСУЛЬМАН
(60–90-е годы XIX в.)**

Надежда Оскаровна Блейх

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

г. Владикавказ, Россия

ORC ID 0000-0002-6715-9185

nadezhda-blejkh@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется просветительская политика России относительно мусульман Северного Кавказа, в историческом аспекте обосновывается формирование образовательного потенциала горцев-мусульман, связанное с эволюцией просветительской парадигмы государства в области их образования, итогом которого стала аккомодация региональной конструкции обучения к общероссийской системе. Делаются выводы, что имперское правительство, адаптируясь к обстановке капитализма и осуществляя модернизацию в крае, стало больше уделять внимание вопросам просвещения «иноверцев». Но из-за непоследовательной политики чиновников охват обучением мусульман был недостаточным и требовал дальнейшего реформирования просветительской национальной системы.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, просветительская политика, мусульманское образование, национальная система обучения

Для цитирования: Блейх Н.О. Просветительская стратегия Российской державы на Северном Кавказе в отношении мусульман

(60–90-е годы XIX в.) // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021.

Том. 13, № 3. С. 36-45

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-36-45

Original article

EDUCATIONAL STRATEGY OF THE RUSSIAN POWER IN THE NORTHERN CAUCASUS REGARDING MUSLIMS (60s–90s of the 19th century)

Nadezhda O. Bleich

North Ossetian State University K.L. Khetagurov

г. Владикавказ, Russia

ORC ID 0000-0002-6715-9185

nadezhda-blejikh@mail.ru

Abstract. The article analyzes the educational policy of Russia regarding the Muslims of the North Caucasus, substantiates the formation of the educational potential of the Muslim mountaineers in the historical aspect associated with the evolution of the educational paradigm of the state in the field of their education, the result of which was the adaptation of the regional structure of education to the all-Russian system. It is concluded that the imperial government, adapting to the situation of capitalism and carrying out modernization in the region, began to pay more attention to the issues of enlightening "infidels". But due to the inconsistent policy of officials, the coverage of Muslims by training was insufficient and required further reform of the national educational system.

Keywords: Russian Empire, North Caucasus, educational policy, Muslim education, national education system

For citation: Bleich N.O. Educational strategy of the Russian power in the Northern Caucasus regarding muslims (60s–90s of the 19th century). *Historical and Social-Educational Idea*. 2021. Vol. 13. No.3. PP. 36-45. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-36-45

С окончанием так называемой Кавказской войны изменилась и просветительская политика Российской империи. Если раньше в связи с военными действиями государство было занято решением внутренних геостратегических проблем и потому мало внимания обращало на социально-культурную модернизацию окраин, то теперь основной целью правительства становится адаптация горских жителей к российским условиям жизнедеятельности, к их культурному развитию. С этого периода на Северном Кавказе официально начинают параллельно сосуществовать две совершенно разные системы образования – духовная (исламская) и светская (российская), причем последняя хочет унифицировать первую под свои стандарты.

В 1859 г. очередной управляющий Кавказом, генерал-фельдмаршал, князь А.И. Барятинский (1856–1862) начинает заниматься школьным переустройством. Прежде всего ему подверглась система образования в крае. Нововведением явилось решение об открытии горских школ, вводился сословный ценз. Согласно

Уставу горских школ, в них имели право обучаться только дети состоятельных родителей и только на русском языке, родные диалекты в расчет не принимались [10, л. 34об.]. По сути, учреждением горских школ правительство хотело показать, что система образования создается исключительно с заботой о местном населении, однако этот законодательный акт вызвал справедливое возмущение не только всей общественности, но и простых горцев, проживающих в национальных округах.

Сам прекрасно образованный, князь понимал всю нужность просвещения горцев-мусульман, однако придерживался линии христианизации горцев. Именно ему принадлежала идея создания Общества восстановления христианства на Кавказе, поддержанная Александром II. Поэтому, проводя на доверенной ему территории административные реформы, он ужесточал требования к мусульманским духовным заведениям, внедряя в них усиленное обучение русскому языку и отказываясь от изучения горскими детьми местных диалектов. Наместник полагал, что региональная образовательная концепция может успешно функционировать только при надлежащем надзоре за ней правительственных органов.

Такая тенденция стала основополагающей в школьной политике самодержавия на Кавказе вплоть до начала 1860 г. В этот год князь А. Барятинский своим указом упразднил Кавказский учебный округ, определяя это тем, что он слишком велик, поэтому необходимо его децентрализовать. В принятом им в этот год циркуляре об управлении учебным отделом на Кавказе высшие функции управления были делегированы самому наместнику. Весь край был разделен на три дирекции народных училищ. Теперь к двум действующим, Ставропольской и Кубанской, добавлялась Терская, а все полномочия по управлению ими передавались губернаторам и начальникам местностей.

Предполагалась, что такое рассредоточение принесет пользу народному образованию, а вышло все иначе. Каждая дирекция стала составлять свои инструкции по управлению образованием без оглядки на соседские установки, поэтому началась неразбериха с методикой обучения и требованиями к нему. Доходило до того, что из-за несоответствия программ обучения в разных областях нельзя стало переводить учащихся из одного учебного заведения края в другое.

На отсутствие всяческого порядка в просвещении населения обратил внимание назначенный кавказским наместником вел. кн. Михаил Николаевич Романов (1832–1909), поэтому свою деятельность он начал с коренного реформирования народного образования. Анализируя неудавшееся администрирование кн. А. Барятинского, М.Н. Романов отмечал: «Уничтожив должность попечителя учебного округа, который был знаком с народным образованием в крае, кавказский наместник лишился квалифицированного помощника в деле просвещения аборигенного населения. Начальники губерний и областей, коим был поручен пригляд за преуспеванием учебных заведений, не смогли в должной мере осуществлять эти обязанности, так как были заняты многосложными трудами по другим вопросам, да и многие из них не имели никакого представления об образовании, сколь имел попечитель округа, исключительно этим занятый» [9, л. 56]. Поэтому, разослав указ о централизации властных полномочий, он унифицировал таким образом центр и периферию.

Вскоре такое решение возымело действие. Чиновничья чехарда закончилась и в крае, особенно в его национальных областях, получила развитие сеть образовательных организаций различных видов. Так, знаменательным событием стало создание первых горских школ у чеченцев: в 1865 г. – в с. Старый Юрт, в

1867 г. – в с. Ведено, в 1869 г. – в с. Б.Чечен и др. Занятия в них проводились на чеченском языке. В них преподавались русский и арабский языки, чистописание, арифметика. Но все эти школы, как и созданная еще в 1862 г. генералом П. Усларом грозненская школа, просуществовали совсем недолго, из-за отсутствия средств, и вынуждены были закрыться [3, с. 18].

А вот школы, созданные в Нальчике и Грозном по линии Министерства народного просвещения в 1859 г. как «горские», заложили основу начального образования детей горцев в Терской области и имели достаточно долгую и славную историю. Они в основном обучали детей местных владетелей, военных и чиновников начальным азам, а также занимались репетиторством, готовя молодежь к поступлению в другие образовательные заведения [1, с. 37].

Наряду с расширением сети учебных заведений происходили изменения и в их устройстве. Например, известно, что начальная школа в Темир-Хан-Шуре получила статус прогимназии, двухгодичная школа в Дербенте преобразовалась в гимназию, в двухклассное Нальчикское училище был добавлен еще один год обучения, Грозненское уездное училище получило статус классической гимназии т.д.

Вместе с этим произошли изменения и в статусе преподавательских кадров, отменявшие деление их на младших и старших. Малоимущим детям стали предоставлять казеннокоштные вакансии и стипендии. Обратили внимание и на подготовку для края специалистов, имеющих высшее образование. Для этого выпускников гимназий стали отправлять на обучение в центральные города России.

Великий князь посчитал необходимым на Кавказе ввести должность главного смотрителя учебных заведений. Им стал выдающийся русский просветитель и педагог Я.М. Неверов (1810–1893). Когда через три года Кавказский учебный округ будет восстановлен, он получит должность попечителя и предпримет радикальное реформирование в устройстве школьного дела у мусульманских народов. Началом его станет утвержденное наместником М.Н. Романовым в 1867 г. законоположение «Об учебной части на Кавказе», разрешающее перевод мечетских школ в статус народных училищ со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями.

По нему учителя русского языка, назначаемые в мечетские школы, могли пользоваться всеми правами и преимуществами, присвоенными учителям начальных одноклассных училищ по ведомству народного просвещения за Кавказом. Такими же правами и содержанием могли пользоваться за преподавание, сверх мусульманских наук, русского языка и других по программам одноклассных начальных училищ предметов, служащие по выбору обществ муаллимы, приобретшие на то право общеустановленным по учебному ведомству порядком [15, л. 61].

Общий надзор за мечетскими школами вверялся как окружным кадиям, так и полицейскому начальству. Таким образом, государство законодательно закрепило за собой право контроля преподавания как духовного, так и светского образования мусульман на Северном Кавказе. Этим актом российское правительство официально легитимировало исламские духовные школы, приравняв их к российским. Началась новая эра в региональном образовательном пространстве у мусульманских народов Северного Кавказа.

Однако наряду с успехами имелись и недостатки. В уездных училищах упразднялись подготовительные классы, вводилась плата за обучение и строго регламентировалось количество мест для горцев. Все это привело к тому, что число образованных людей среди коренных народов оставалось по-прежнему не-

большим. В целом в 1867 г. в национальных областях Кавказа проживало 510 773 чел., из них горцы составляли 81,2% всего населения области. При этом число учащихся достигло 6261 чел. (4881 муж., 1380 жен.), что на 746 чел. превосходило этот показатель 1864 г. Они обучались в 115 начальных учебных заведениях: 51 мужском, 9 женских и 55 смешанных. В 19 городских училищах и школах учились 1301 чел. (805 муж., 296 жен.), или 30% всех учащихся области; в 12 сельских школах – 437 чел. (327 муж., 110 жен.), или 5,1%, 28 из которых работали при мечетях, в них числилось 287 мальчиков (3,4%) [12, с. 160]. Финансирование этих бюджетных заведений в 1867 г. составляло 56 365 рублей, из них половина (24 675 руб.) тратилась на нужды просвещения мусульман.

Все школы имели свои помещения, но не все были укомплектованы учебно-методической литературой, на что сетовал попечитель учебного округа, назвав постановку библиотечного дела неудовлетворительной [6, с. 234].

Управление школьной сетью 70-х годов в национальных округах опиралось на Положение от 1867 года «Об учебной части на Кавказе». Этот циркуляр делал учебную работу на окраинах аналогичной общероссийской. Для чего было решено в обучение и программы внести следующую коррекцию: заменить греческий язык на естествоведение, а латынь – на законоведение, увеличить количество уроков по русскому языку и литературе за счет сокращения обучения родному языку, преобразовать все уездные училища в третьеклассные с упразднением в них подготовительного класса.

При этом в прогимназиях и гимназиях сохранялись классы для не владеющих русским языком, дети имели возможность по выбору изучать немецкий, французский, а в духовных школах – арабский и турецкий языки, по-прежнему соблюдался возрастной ценз и взималась плата за обучение. Важным моментом для мусульман было освобождение их от изучения церковнославянского языка [18, с. 3-4], однако вводилось обязательное изучение русского по инициативе федерального министра просвещения Д.А. Толстого, яркого представителя чиновничьей аристократии. Получив разностороннее образование, он, однако, был чужд либеральных устремлений. Особенно это касалось управления нерусскими народами. Министр полагал, что они все должны как можно быстрее «обрусеть». Для этого необходимо во все учебные заведения российской глубинки ввести обязательное преподавание русского языка. Для иноверцев Кавказа в 1870 г. он издал указ об обязанности горским обществам содержать учителя русского языка [4, л. 1]. Через четыре года последовал другой законопроект, вводивший все духовные учебные заведения мусульман (мектебе и медресе) в юрисдикцию Министерства народного просвещения. В этом указе инспекторам народных училищ поручался надзор за всем учебно-воспитательным процессом в мусульманских школах.

Эти правительственные акты были направлены на скорейшую русификацию автохтонов с помощью просвещения, которое осуществлялось в бесцеремонной форме в ущерб материнским языкам. И вполне справедливо, что действия федеральных чиновников, не имевших никакого представления о самобытности и ментальности автохтонов, вызвали волну негодования последних. Резонанс был настолько широким, что докатился и до Петербурга. Напуганное Министерство народного просвещения поспешило отозвать свой указ о запрете изучения родных языков. Однако оно следующим рескриптом от 30 апреля 1876 г. попыталось в мусульманских областях ограничить изучение арабского языка, на котором велось все богослужение, заменив его обучением родных для горцев языков.

Понятное дело, что и такая инициатива вызвала недовольство населения, прежде всего духовенства, которое посчитало вызовом для веры данный законопроект. Служители культа стали открыто противодействовать российской системе обучения и пугать своих прихожан карами Аллаха. Поэтому многие наиболее набожные мусульмане стали забирать своих детей из русских учебных заведений. В архивах Грузии содержатся документы, которые свидетельствуют о недоверии и предубеждении мусульман Кавказа к российскому просвещению [5, л. 44-46].

Ошибочность подобных чиновничьих действий осудил известный лингвист П.К. Услар: «Если проводником для чуждой цивилизации (мусульманской) послужил чуждый язык (арабский), то языком народным всего удобнее противодействовать ей. Наконец, нетрудно управлять умами там, где народ только слегка подвергся какой-либо самой по себе слабой цивилизации (действие горской цивилизации на горцев под русским контролем) или цивилизации, нам не враждебной (немусульманской)» [13, с. 6].

В дальнейшем чиновники от образования все действующие в мусульманских районах учебные заведения поделили на две группы: правильно организованные, где преподавался русский язык, и сомнительные. Последние лишались государственных субсидий, однако они не закрывались.

Впрочем, несмотря на такое осторожное отношение к просвещению мусульман, все же цивилизаторская политика принесла свои плоды. С количественным ростом школ различных типов возросло и число образованных людей из числа горцев. С помощью них Кавказ постепенно стал превращаться из «дикой страны с варварскими племенами» в наиболее экономически развитый регион Российской империи. Однако рабочих рук по-прежнему не хватало, и потому новая (капиталистическая) форма хозяйствования стала нуждаться в профессионалах, а значит, необходимо было расширить просветительство горских народов. Только таким образом можно было добиться модернизации социально-экономического и культурного уклада в крае.

Очередные изменения в образовании мусульман произошли в 1875 г. с установлением указа о введении единых училищных правил центра и периферии. Отныне все кавказские инспекторы образования стали подчиняться распоряжениям Министерства, которое утверждало устав учительских семинарий, заведовало развитием начальных (горских) школ, участвовало в сборе общественных средств и благотворительной деятельности для функционирования всей школьной системы.

Такая унификация положительно сказалась на дальнейшем развитии школьного просвещения у мусульман. В одной только Терской области наравне с мечетскими, которых было 137, функционировало 108 горских школ [7, с. 16-20].

Однако бравурные рапорты чиновников об увеличении численности школьной системы не отражали данные о качестве образования. Например, только 1/3 выпускников гимназий могла продолжить свое дальнейшее обучение из-за низких знаний. Видимо, сказывалось плохое знание русского языка.

Усугубило этот факт и упразднение в 1881 г. наместничества. Страна оказалась не готовой решать социокультурные проблемы периферийных районов, а общество – взвалить на свои плечи обучение «инородцев». Поэтому центр все чаще стал устраниваться от решения насущных вопросов просвещения нерусских народов, а его непродуманные действия, состоящие в запрете (1887 г.) подготовительных классов в гимназиях, подорожании обучения, введение социального

ценза, оказывали неблагоприятное влияние на образовательную сферу кавказских народов [2, с. 67].

Однако с увеличением платы за обучение порядок финансирования начальных школ не изменился, только произошел несущественный рост денежных вливаний в средние учебные заведения благодаря земским обществам, выплачивающим государственные налоги.

Если исходить из данных статистики, в мусульманских областях в 1882 г. образованием было охвачено 1342 человека, в 1883 г. – 1496, на начало 1884 г. – 1595, на конец 1885 г. – 2082 [16, л. 126]. Все обучающиеся находились на иждивении различных мусульманских благотворительных организаций. На их содержание в год тратилось 10 852 рубля 40 копеек [16, л. 154].

Через 10 лет в крае функционировало уже 242 учебных заведения, из них на долю Терской области приходилось 147, Дагестанской – 95 школ. В них проходили обучение 4203 человека, что было на 2121 больше, чем в 80-е годы. При этом значительно увеличилось количество детей из простых сословий [8, с. 108-111, 510-511]. В результате этого грамотность мусульманского населения в Терской области составила 16,7%, в Дагестане – 12,9% [17, л. 8-10].

Изменился и подход в обучении коренного населения Кавказа: в правительственных школах вводилось совместное обучение детей различных национальностей и верований, для чего совместно со светскими дисциплинами, утвержденными Министерством народного просвещения, преподавались духовные сообразно конфессиям. При этом важно то, что мусульмане, помимо родного языка, изучали русский и арабский. Полученные знания в русской школе помогали выпускникам и дальше проходить обучение в центральных городах России. В то время как учебный процесс в мектебе и медресе оставался классическим и потому не соответствовал вызовам времени, а питомцы духовных учебных заведений не могли иметь дальнейшего доступа к образованию и пополняли собой только отряд служителей культа. Лишь малая часть из них (наиболее зажиточная) могла себе позволить продолжить обучение в восточных странах. Видя такое положение дел, к концу XIX столетия горцы-мусульмане стали отдавать предпочтение русским школам.

Заключение. Окончание военных действий на Кавказе открыло простор Российской империи для модернизации всех сфер жизни его граждан. Особому реформированию подверглась и система просвещения мусульман, направленная на восстановление централизованного управления учебной частью и либерализацию народных школ, выраженную в отходе от сословности и связанную с легитимацией мусульманских духовных учебных заведений.

Российская просветительская парадигма послевоенного времени за три десятилетия прошла непростой путь от несогласованности, путаницы и неразберихи в действиях правительства до ее конкретизации, выстраивания четкой системы относительно мусульман края. Просвещение нерусских народов постепенно становилось наиболее действенным механизмом устранения этнических и религиозных различий посредством унификации образовательных учреждений края с государственной просветительской моделью.

В тех случаях, когда чиновники становились на путь искоренения национальной самобытности, возникала конфликтная ситуация и национальная школа нередко становилась эпицентром конфессионального противоборства. Поэтому в дореформенной российской просветительской политике наличествовали две

противоречивые установки – стремление к культурному и языковому родству и при этом обособление мусульманских народов. Несмотря на внешний антагонизм, обе эти линии были определены единым вектором развития полинациональной федерации.

В результате к концу XIX в. имперское правительство, адаптируясь к обстановке капитализма и осуществляя модернизацию в крае, стало больше уделять внимание вопросам просвещения «иноверцев». Средством развития образования у мусульманских народов края мыслились правительственные школы, которых из-за непоследовательной и нечеткой политики правительства было недостаточным. Но все равно их появление способствовало не только росту интеллектуально-образовательного уровня, но и благоприятствовало культурной модификации всего горского социума.

Как видим, инкорпорация всего Северного Кавказа в правовое пространство Российской империи стала важной вехой для социально-экономического и политического развития его народов. Она явилась мощным триггером для внедрения края во всероссийский рынок, благодаря которому появилась возможность модернизировать существующее духовное образование у мусульманских народов и создать государственное.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Блейх Н.О. Начало становления просветительства на Северном Кавказе (первая половина XIX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 5-1 (43). – С. 37-39.
2. Блейх Н.О. Проблемы конфессионального образования мусульман Северного Кавказа (XIX в.) // Педагогика и просвещение. – 2017. – № 2. – С. 67-74.
3. Гонтарева Е.Н. Начальное образование в дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1965. – 231 с.
4. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИААР). Ф.289. Оп.1, д.1, д.16, д.69. Л.1.
5. Национальный архив Грузии (НАГ). Ф.229. Оп.1, д.1078; Оп.2, д.705, д.903, д.2090, д.2306; д.1001. Л.44-46.
6. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1867 год. – Тифлис, 1867. – 594 с.
7. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1875 год. – Тифлис, 1876. – 485 с.
8. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1897 год. – Тифлис, 1897. – 625 с.
9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.400. Д.234. Л.56.
10. РГВИА. Ф.ВУА. Д.6661. Л.34об.
11. РГВИА. Ф.400. Оп.12. Д.6313. Л.62.
12. Сборник сведений о Терской области. Вып.1. – Владикавказ, 1868. – 321 с.
13. Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // ССКГ. – Т. III. Отд. 4. – С. 6-30.
14. Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 год. – Тифлис, 1880. – 432 с.
15. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф.12. Оп.5. Д.125. Л.61-111.

16. ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп.17. Д.67. Л.126.
17. Центральный государственный исторический архив Российской Федерации (ЦГИА РФ). Ф.1290. Оп.11. Д.2373. Л.8-10.
18. Циркуляр по управлению Кавказским учебным округом № 6 за 1868 год. – Тифлис, 1868. – С. 3-4.
19. Циркулярные положения Попечителя Кавказского учебного округа начальника учебных заведений «О фундаментальных библиотеках». – Тифлис, 1884. – № 210. – С. 87.

REFERENCES

1. Bleich N.O. The beginning of the formation of enlightenment in the North Caucasus (first half of the 19th century). Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2014. No. 5-1 (43). P. 37-39. (In Russ).
2. Bleich N.O. Problems of confessional education of Muslims of the North Caucasus (XIX century). Pedagogy and education. 2017. No. 2. P. 67-74. (In Russ).
3. Gontareva E.N. Primary education in pre-revolutionary Chechen-Ingushetia. Grozny, 1965. 231 p. (In Russ).
4. GIAAR (State Historical Archives of the Republic of Azerbaijan). F. 289. Op. 1, d. 1, d. 16, d. 69. L.1.
5. NAG (National Archives of Georgia). F. 229. Op. 1, d. 1078; op. 2, d. 705, d. 903, d. 2090, d. 2306; d. 1001. L. 44-46.
6. Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1867. Tiflis, 1867. 594 p. (In Russ).
7. Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1875. Tiflis. 1876. 485 p. (In Russ).
8. Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1897. Tiflis, 1897. 625 p. (In Russ).
9. RGVIA (Russian State Military Historical Archive). F.400. D.234. L.56.
10. RGVIA. F. VUA. D. 6661. L.34ob.
11. RGVIA. F.400. Op. 12. D. 6313. L.62.
12. Collection of information about the Terek region. Issue 1. Vladikavkaz, 1868 321 p. (In Russ).
13. Uslar P.K. On the spread of literacy among the highlanders. SSKG. T. III. Dept. 4. P. 6-30.
14. The course of educational affairs in the Caucasus from 1802 to 1880. Tiflis, 1880. 432 p. (In Russ).
15. CSA RSO-A (Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania). F. 12. Op.5. D.125.L.61-111.
16. TsGA RSO-A. Form 123. Op.17. D.67. L.126.
17. TsGIA RF (Central State Historical Archives of the Russian Federation). F.1290. Op.11. D.2373. L.8-10.
18. Circular on the management of the Caucasian educational district No. 6 for 1868. Tiflis, 1868. P.3-4. (In Russ).
19. Circular provisions of the Trustee of the Caucasian educational district of the head of educational institutions "On fundamental libraries". Tiflis, 1884. No. 210, p. 87. (In Russ).

Информация об авторе: Блейх Надежда Оскаровна, доктор исторических наук, профессор,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Россия
nadezhda-blejkh@mail.ru
РИНЦ Author ID 6365-4160,
ORC ID 0000-0002-6715-9185.
Web of Science Researcher ID Y-6186-2018

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Nadezhda O. Bleich, Doctor of Historical Sciences, Professor, North Ossetian State University K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia
nadezhda-blejkh@mail.ru
nadezhda-blejkh@mail.ru
РИНЦ Author ID 6365-4160,
ORC ID 0000-0002-6715-9185.
Web of Science Researcher ID Y-6186-2018

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 21.05.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 11.06.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 25.06.2021
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-46-60
УДК 94 (470.57)

**МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ДЕТСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ИЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ**

Рима Нугамановна Сулейманова

Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН

г. Уфа, Россия

ORCID ID: 0000-0003-1877-5421

rnsulejman@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной научной теме, имеющей, прежде всего, общественную значимость, пока не получившей в региональной историографии специального рассмотрения, – теме военного детства. Опираясь на большой круг документальных материалов и разнообразных источников, на примере одного из тыловых регионов СССР – Башкирской АССР рассматривается поддержка детей на государственном уровне в годы Великой Отечественной войны. Показывается принятие законодательных и нормативно-правовых актов по охране различных категорий детского населения и их выполнение. Обращается внимание на решение проблемы детской беспризорности и безнадзорности, обострившейся в условиях военного времени. Анализируются деятельность властных структур, общественных организаций республики по оказанию помощи детям и детским учреждениям, имевшиеся трудности и упущения. Отдельное место занимают в статье находившиеся в эвакуации в республике детские учреждения из различных регионов советской страны, в том числе с испанскими воспитанниками.

Введение. В статье рассматривается на региональном примере научная тема военного детства. Нужно отметить, что в целом в изучении истории Великой Отечественной войны в отечественной историографии сделано немало: вышло большое количество монографий, сборников статей, материалов конференций, документов и материалов. Но эта тема пока специального рассмотрения не получила. Это же характерно и для региональной историографии.

Методы. Содержание статьи основывается на различных методах исследования, прежде всего на методе историзма, последовательного изложения рассматриваемых событий регионального значения в тесной взаимосвязи с общесоюзными событиями, что позволяет показать специфические особенности развития этих событий в данном регионе. Применены также методы объективности и научности, направленные на изучение основных моментов темы в последовательной динамике, выявлении объективных сведений и фактов. В изложении статьи использованы методы сравнительно-исторического анализа, проблемно-хронологический и логический.

Результаты. Статья основана на архивных документах, выявленных в Национальном архиве Республики Башкортостан и Государственном архиве Российской Федерации, а также на таких источниках, как материалы периодической печати, местных музеев и воспоминаний детей войны. Это позволило рассмотреть принимавшиеся на государственном уровне меры по оказанию необходимой помощи детям в конкретном регионе советской страны в годы войны, выявить трудности и просчеты. Используемые в статье документальные материалы и различные источники дали возможность сделать соответствующий вывод: поддержка детства на государственном уровне носила противоречивый характер, что было связано с объективными причинами.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР, дети, государственная поддержка, защита, меры, власть, общественность, регион

Для цитирования: Сулейманова Р.Н. Меры по защите детства в годы Великой Отечественной войны: из региональной истории // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Том. 13, № 3. С. 46-60
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-46-60

Original article

CHILD PROTECTION MEASURES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: FROM REGIONAL HISTORY

Rima N. Suleimanova

Institute of History, Language and Literature
Ufa Federal Research Centre RAS
Ufa, Russia

ORCID ID: 0000-0003-1877-5421
rnsulejman@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a topical scientific topic that has, first of all, social significance, which has not yet received special consideration in regional historiography - the topic of war childhood. Based on a large range of documentary materials and various sources, the support of children at the state level during the Great Patriotic War is considered on the example of one of the rear regions of the USSR - the Bashkir ASSR. Shows the adoption of legislative and regulatory acts on the protection of various categories of the child population and their implementation. Attention is drawn to the solution of the problem of child homelessness and neglect, aggravated in wartime conditions. The activity of power structures, public organizations of the republic to provide assistance to children and children's institutions, the existing difficulties and omissions are analyzed. A special place in the article is occupied by children's institutions that were evacuated in the republic from various regions of the Soviet country, including those with Spanish pupils.

Introduction: The article examines the scientific topic of military childhood using a regional example. It should be noted that, in general, a lot has been done in the study of the history of the Great Patriotic War in Russian historiography: a large number of monographs, collections of articles, conference materials, documents and materials have been

published. But this topic has not yet received special consideration. The same is typical for regional historiography.

Methods: The content of the article is based on various research methods, first of all, on the method of historicism, a consistent presentation of the events of regional significance in close connection with all-Union events, which allows us to show the specific features of the development of these events in a given region. Methods of objectivity and scientificness were also applied, aimed at studying the main points of the topic in consistent dynamics, identifying objective information and facts. In the presentation of the article, the methods of comparative historical analysis, problem-chronological and logical ones were used.

Results: The article is based on archival documents found in the National Archives of the Republic of Bashkortostan and the State Archives of the Russian Federation, as well as on various sources such as materials from periodicals, local museums and memories of war children. This made it possible to consider the provision of assistance to children in a specific region of the Soviet country during the war years, to identify difficulties and miscalculations. The documentary materials and various sources used in the article made it possible to draw the appropriate conclusion: the support of childhood at the state level was contradictory, which was associated with objective reasons.

Keywords: The Great Patriotic War, the USSR, children, governmental support, protection, measures, power, public, region

For citation: Suleimanova R.N. Child protection measures during the Great patriotic war: from regional history. Historical and Social-Educational Idea. 2021. Vol. 13. No.3. PP. 46-60. (In Russ.).

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-46-60

Введение Тема военного детства является актуальной научной темой, имеющей также важную общественную значимость. При обращении к истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., ее различным вопросам обойти вниманием этот важный аспект невозможно. Однако до сих пор эта тема не стала предметом специального изучения в отечественной историографии. Нужно заметить, что в последние годы наблюдается интерес исследователей к ней. Стали публиковаться воспоминания, сборники документов, в некоторых имелись сведения и по Башкирии [1]. В региональной историографии вышли сборники документов [2], воспоминаний, в основном популярного характера [3]. Несмотря на это, пока нет научных работ, специально посвященных данной теме.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала тяжелейшим испытанием для всех народов СССР. На защиту Родины от вероломно напавшего врага встали все советские граждане, независимо от возраста, пола, национальности и вероисповедания. Фронт и тыл были едины в кровопролитной борьбе с сильным и опасным врагом. Победа была достигнута колоссальным напряжением и самоотверженностью всех граждан страны. Говоря о факторах, обеспечивших победное завершение войны, – политических, экономических, духовных, особо нужно отметить, что это были, прежде всего, высокий моральный дух и героизм советских людей на фронте и в тылу. И здесь нельзя не сказать о детях – маленьких «солдатах Победы», кому выпало немало страданий и испытаний в это трудное время. Наравне со взрослыми они посильно помогали армии как можно быстрее одер-

жать победу над врагом. Советское государство, партийные и общественные организации провели огромную работу по оказанию необходимой социальной помощи по защите прав и здоровья, обучению в системе образования и предотвращению беспризорности и безнадзорности, особенно детей погибших фронтовиков и временно оставшихся без родителей. На примере одного из регионов страны – Башкирской АССР – рассмотрим принимавшиеся на государственном уровне меры по оказанию необходимой помощи и поддержки детям в годы войны, имевшиеся трудности и просчеты.

Результаты В начальный период войны одной из важнейших задач являлась срочная эвакуация из прифронтовых зон в тыловые регионы страны гражданского населения, а также детских учреждений и детей. 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР создается Совет по эвакуации. В соответствии с постановлением СНК СССР от 5 июля 1941 г. определяется порядок эвакуации населения [4, с. 212]. В Башкирской АССР также образуются органы управления по эвакуации населения [НА РБ. Ф.933. Оп.1. Д.3107. Л.1].

Несмотря на чрезвычайно сложные условия, материальные трудности, Башкирия приняла и разместила на своей территории, помимо промышленных предприятий, государственных, культурных и научных учреждений, учебных заведений, эвакуированных в основном из центральных и западных регионов СССР, свыше 278 тыс. гражданского населения [5, с. 314]. Они прибыли из 20 республик и областей страны, среди них было немало детей. Для их размещения и обустройства, в том числе детских учреждений, в республике проводится подготовительная работа: создается специальная комиссия по их устройству, на железнодорожных станциях – эвакуопункты [7, с. 244].

Уполномоченная СНК БАССР по размещению эвакуированных детей Зубко 19 июля 1941 г. сообщает в правительство республики о прибывших в Макаровский район 1,7 тыс. детей вместо 1,5 тыс., их приеме и размещении в основном в домах колхозников и школе. В Караидельском районе местные органы решают расширить существующий детдом в с. Караидель за счет приспособления помещений, открыть новый в поселке Магинском для размещения в нем прибывающих Витебского, Житомирского и Минского детских домов [НА РБ. Ф.933. Оп.1. Д.3428. Л.234].

В Малоязовском районе организуются прием и размещение детсада паровозостроительного завода из г. Брянска. Об этом вспоминает работавшая в годы войны вторым секретарем райкома ВЛКСМ С.М. Китабова: «...Дети были измучены дальней дорогой, некоторые температурили. Их быстро разместили в Михайловской семилетней школе. Туда передали койки, постельные принадлежности районного летнего лагеря, больных детей поместили в больницу. Вскоре детей передали в санаторий «Янган-тау» [6, с. 483].

Понимая всю сложность обстановки, руководство республики серьезное внимание обращает на прибывающие детские учреждения и детей, требует от городских и районных органов принятия срочных мер по созданию для них нормальных условий. Они осуществляют контроль за размещением, снабжением, охватом школьным обучением и др., проводят регулярные проверки, выявляют недостатки и упущения. Так, по указанию Наркомата просвещения республики уже 10 сентября 1941 г. проверяются эвакуированные из Москвы несколько детдомов [НА РБ. Ф.798. Оп.8. Д.1004. Л.26]. 23 сентября обком ВКП(б) рассматривает итоги проверки детских учреждений из Москвы и Ленинграда, размещенных в Иглинском и Аургазинском районах. В них отмечается, что условия жизни, меди-

цинское обслуживание детей находятся в неудовлетворительном состоянии, они живут в непригодных помещениях, спят на полу, имеют место случаи заболеваний и смерти. И делается вывод, что причиной этого является «безответственное отношение к заботе об эвакуированных детях со стороны органов Наркомпроса», местные партийные и советские организации также мало уделяют внимания этому «важному государственному вопросу» [НА РБ. Ф.122. Оп.21. Д.113. Л.120, 121].

20 декабря обком ВЛКСМ при рассмотрении итогов проведения работы с эвакуированными детьми обратил внимание на случаи «безобразного отношения к детям со стороны комсомольских организаций..., которые не помогают в размещении, на вокзалах и при центральном эвакуационном пункте нет комнаты, где бы могли остановиться дети и подростки. Столовая для детей эвакуированных не организована» [НА РБ. Ф.341. Оп.7. Д.12. Л.121].

В сентябре 1942 г. обком партии потребовал от Дюртюлинского райкома предоставить всю информацию о положении находящегося в с. Дюртюли эвакуированного московского детдома № 33 [НА РБ. Ф.122. Оп.23. Д.372. Л.84]. В августе того же года правительство республики рассмотрело вопрос о размещении в нескольких районах детских домов, эвакуированных из Воронежской области с контингентом 1 тыс. воспитанников [НА РБ. Ф.933. Оп.9. Д.473. Л.76].

Помимо детских учреждений, в республику по эвакуации прибывало много детей, оставшихся полностью или временно без родительской опеки. Их размещали в детдомах, определяли на патронат в колхозы, к гражданам. Для их поддержки возможностей и материальных средств у государства не хватало, ввиду чего оно использовало общественную инициативность и патриотические устремления. С этой целью усилиями женского актива и общественных организаций организовывались различные акции и мероприятия в поддержку детей. Так, после проведенного в Мелеузовском районе митинга открылся детский дом при Араслановском зерносовхозе на 25 детей. В Белорецке усилиями неравнодушных граждан был организован детский дом для детей фронтовиков и сирот.

В республиканских газетах рассказывалось о патриотизме граждан, о детях, нашедших новых родителей, что, безусловно, имело своеобразный общественный резонанс. В местные органы стали поступать заявления граждан об усыновлении или удочерении детей. В марте 1942 г. исполком Бирского райсовета после рассмотрения заявления гражданки З.Х. Усаевой об удочерении воспитанницы детдома № 1 г. Уфы С. Сарватдиновой принял положительное решение [НА РБ. Ф.1109. Оп.2. Д.16. Л.137]. В Белорецке при горисполкоме была создана специальная комиссия, куда только за пять дней поступило 20 заявлений об усыновлении или удочерении детей, оставшихся без родителей [Красная Башкирия. 1942. 27 апреля]. Многие рабочие и служащие предприятий треста «Туймазанефть» брали на воспитание детей-сирот, среди них буровой мастер А.Т. Трипольский, в стройконторе работница О.Г. Блощенко и др. [Красная Башкирия. 1942. 7 мая]. Секретарь Ермекеевского райкома ВЛКСМ Ромодановский взял на воспитание девочку-сироту 7 лет, родители которой погибли в блокадном Ленинграде. Семья из Белорецка усыновила вывезенного младенцем из Ленинграда Колю, фамилию не знает [8]. Нужно отметить, что подобных случаев было много. В этом немалую роль сыграло обращение работниц Уфимской швейной фабрики имени 8 Марта ко всем женщинам республики взять на воспитание детей, оставшихся без родителей [Красная Башкирия. 1942. 23 марта]. Только в 1942 г. 867 семей рабочих и служащих взяли на воспитание детей сирот [НА РБ. Ф.122. Оп.21. Д.23. Л.123об].

Несмотря на то, что с начала войны правительством, партийными, советскими органами при поддержке населения принимались меры по оказанию помощи детям, все же внимание было недостаточным. Уже к концу 1941 г. это дало о себе знать ухудшением положения и здоровья детей, снижением уровня образования, прежде всего охвата школой, ростом антиобщественных проявлений в детской среде и пр. В январе 1942 г. СНК СССР принимает постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», в котором перед органами власти в республиках и областях ставятся серьезные задачи по организации устройства этих детей и улучшения их положения. Указывается образовать при исполкомах Комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, на которых возложить решение этих задач [9, с. 376].

В Башкирии принимается аналогичное постановление, образуется для решения возникающих вопросов постоянно действующая комиссия во главе с заместителем председателя правительства республики А.Н. Маслиным, состоявшая из представителей партийных, советских и общественных органов. Согласно принятому постановлению, предписывалось в городах и районах образовать такие же комиссии при исполкомах советов, выделить в аппараты отделов народного образования специальных инспекторов по организации дела патронирования детей [НА РБ. Ф.933. Оп.9. Д.399. Л.70, 71].

В итоге принятые меры оказали определенное влияние на улучшение положения детей, усиление борьбы с беспризорностью и правонарушениями. Для эвакуированных детей с января 1942 г. при эвакуункте Уфимского железнодорожного узла была открыта детская комната, являвшаяся филиалом центрального приемника-распределителя по борьбе с детской беспризорностью. За 1942 г. через него было пропущено 1349 детей, из которых 768 определены в детдома, 159 возвращены родителям и другим родственникам, 248 патронированы и 136 трудоустроены. Также выявлены свыше 4,3 тыс. безнадзорных и беспризорных детей.

Имели место случаи неприязненного отношения населения к эвакуированным, к детям, в основном на почве межнациональной розни, что фиксировалось в специальных сводках НКВД БАССР. В Бирском районе муссировались слухи об убийстве школьника 10 лет, русского по национальности, которое якобы носило «ритуальный характер». В Уфе группой русских школьников был жестоко убит школьник-еврей [10, с. 147, 148]. Нужно заметить, что подобных случаев было немного.

Жители республики с пониманием и теплотой, доброжелательно относились к прибывшим гражданам, к детям. Вот как спустя многие годы о нахождении в Башкирии вспоминала бывший директор Шахтинского детдома из Ростовской области С. Черкасова: «...130 детей – сирот войны ... добрались в Уфу, узнали, что нас отправляют в Миякинский район. ... На станции Аксеново нас встретили колхозники во главе с заведующим районо. ... Мороз был свыше 30 градусов, путь предстоял долгий. Воспитатели укрывали детей шубами, тулупами, теплыми одеялами, которые привезли с собой встречающие нас колхозники. Когда сделали первую остановку, женщины-колхозницы помогли перенести детей из саней в теплую школу, приготовили им обед, накормили. И не беда, что мы не знали башкирского языка. С первых минут нашего знакомства дети и воспитатели поняли, что обрели хороших и верных друзей. О ребятах заботились все – и председатель исполкома райсовета, и заведующий районо, и колхозники, привозившие нам дрова и торф...» [Советская Башкирия. 1975. 13 августа].

Всего в Башкирию было эвакуировано 43 детских учреждения с 4950 детьми, в том числе 17 дошкольных интернатов, 7 школьных интернатов, 15 детдомов, среди которых 4 детдома для испанских воспитанников и 4 детских учре-

ждения системы Наркомздрава [НА РБ. Ф.122. Оп.23. Д.372. Л.75]. Детские учреждения – сады, детдома и интернаты – прибывали из Москвы, Ленинграда, Минска, Смоленска, Таганрога, Житомира, а также из Московской, Орловской, Ростовской, Воронежской областей. Вопросам их размещения и функционирования уделяли внимание не только местные, но и центральные органы. В адрес руководства республики направлялись телеграммы, циркуляры и запросы, в которых указывалось на принятие срочных мер по приему и устройству, снабжению, организации учебно-воспитательного процесса, поддержанию здоровья [ГА РФ. Ф.А-259. Оп.3. Д.695. Л.155-156].

Среди оказавшихся в Башкирии детских учреждений особое место занимали детские дома для испанских воспитанников, направленные из Сталинградской области по решению СНК РСФСР от 31 июля 1942 г. Правительство республики 10 августа приняло специальное постановление по их размещению [НА РБ. Ф.933. Оп.9. Д.410. Л.185-186]. Так, 4 детдома с 622 воспитанниками, 232 педагогами, воспитателями и административно-хозяйственным персоналом разместили в г. Бирске, в с. Языково Благоварского района, в с. Сафарово Чишминского района и в поселке Мелеуз. О приеме детдома в Мелеузе вспоминает А.А. Данилова (Бритова), работавшая в годы войны первым секретарем райкома ВЛКСМ: «...Пронесся слух, что в Мелеуз привезли испанских детей и их якобы сейчас размещают в деревянной школе. Испуганные девочки и мальчики прижимались к своим воспитателям, посматривая на нас и на то, как разгружают вещи с машины. Запомнились их острые, светящиеся угольками глаза на смуглых от загара личиках. Спустя какое-то время испанских ребят перевели в Дом обороны...» [11].

Вопросам их положения, снабжения, постановки учебного и трудового процесса республиканскими органами уделялось серьезное внимание. Они находились в центре внимания союзных инстанций. Постоянно интересовалась ими Долорес Ибаррури. Известный деятель международного антифашистского движения не раз посещала их, обращалась к руководству страны и автономной республики с просьбой принятия мер по улучшению снабжения и обеспечения. С осени 1941 г. по май 1943 г. вместе с другими руководителями Коминтерна она находилась в республике, где встречалась с испанскими детьми и сотрудниками [12, с. 107, 110].

Наряду с решением этой важной задачи в годы войны, местные органы в Башкирии уделяли внимание другим, не менее значимым задачам, как привлечение школьников к уборочной кампании, учет детей, особенно фронтовиков и сирот, охват их дошкольными учреждениями (ясли, сады) и школами, организация учебно-воспитательного процесса в школах и детдомах. Перед ними стояли вопросы уплотнения действующих детсадов, увеличения их числа и нагрузки работников, в частности об этом говорилось на общегородском митинге работников дошкольных учреждений г. Уфы [Красная Башкирия. 1941. 2 июля]. В октябре 1941 г. нарком просвещения М.Ш. Хасанов поставил перед правительством БАССР вопрос о расширении площадей в действующих детсадах ввиду необходимости устройства детей. Основными причинами сложившейся ситуации явились увеличение прибывавшего в эвакуацию населения и массовое вовлечение женщин в общественное производство [НА РБ. Ф.798. Оп.8. Д.1173. Л.50]. На 1 января 1942 г. в республике функционировало 243 детсада с охватом свыше 15 тыс. детей. На следующий год их стало уже 311 с более чем 9,3 тыс. детей [НА РБ. Ф.798. Оп.8. Д.219. Л.1]. В начале 1945 г. имелось 349 детсадов с охватом 25,5 тыс. детей [ГА РФ. Ф.А-2306. Оп.70. Д.1491. Л.128].

Вопросы положения и работы детских учреждений также регулярно заслушивались на заседаниях горкомов, райкомов и обкома партии, проводились про-

верки. В ходе проверки дома грудника в г. Уфе комиссией было выявлено, что в день обследования «дети грудники были голые, так как не хватало распашонок, в детяслях № 17 на 120 детей имеется 6 чайных ложек, мелких тарелок нет, стаканов не хватает и дети пьют чай из глубоких тарелок, которые не моют после пищи, а сразу наливают в них чай». В отчете по проверке отмечались «недостаточное медицинское обслуживание, плохое санитарное состояние детских учреждений, плохая подготовка к зиме ввиду отсутствия заготовленных дров» и др. Комиссия делает соответствующий вывод: «если бы была проявлена забота о детях со стороны всех организаций, имеющих отношение к детским учреждениям, если бы был поставлен соответствующий контроль за их работой, то был бы наведен порядок и в питании детей, и в снабжении их мягким и жестким инвентарем, и в постановке воспитательной работы, были бы укомплектованы соответствующими кадрами, то и работа их стояла бы на должной высоте» [НА РБ. Ф.342. Оп.2. Д.1838. Л.82-91].

В начальный период войны в Башкирии имелось 28 детдомов, в которых находились 3,9 тыс. детей. На 1 января 1945 г. их уже стало 130 с контингентом 15,6 тыс. детей, 80% которых были детьми погибших фронтовиков [НА РБ. Ф.23. Оп.1. Д.19. Л.24]. Ввиду увеличения численности детей, временно оставшихся без родителей и полных сирот, возникала необходимость открытия новых, зачастую вторых и даже третьих детских домов. Правительство республики требовало от местных органов принимать срочные меры по устройству этих детей, в необходимых случаях открывать новые детдома. Так, осенью 1943 г. Куюргазинский райком партии обратился в правительство с ходатайством об открытии в с. Ира детдома на 100 детей. Тому причиной явилось наличие в районе свыше 250 детей-сирот «без особого надзора, многие из которых не посещают школы, колхозы не в состоянии их содержать, нет возможности с определением этих детей по линии патроната или опеки» [НА РБ. Ф.933. Оп.9. Д.475. Л.83].

В 1943–1944 гг. решением СНК БАССР открывались детские дома, в том числе вторые в Кугарчинском, Краснокамском и Белокатайском, третьи – в Бакалинском, Чишминском, Бижбулякском районах. В связи с этим перед местными органами вставали новые задачи. Исходя из принятого СНК СССР от 1 сентября 1943 г. постановления «Об улучшении работы детских домов», правительство республики 27 сентября принимает аналогичное постановление, в котором определяются меры по улучшению их снабжения, организации учебного и трудового процесса [НА РБ. Ф.933. Оп.9. Д.473. Л.99-101]. Несмотря на то, что положение детских домов постепенно налаживалось, еще имелось немало трудностей. Увеличение числа детей, нуждавшихся в устройстве в эти учреждения, требовало дополнительного финансирования не только по их открытию, но и содержанию. Это ставило перед республикой серьезные задачи корректировки бюджета и зачастую вынуждало обращаться в центральные органы о выделении средств, что не всегда удавалось.

Немало мер принималось по вопросам улучшения питания, медицинского обслуживания детей. Выпавшие на их долю лишения, трудности военного времени ухудшили состояние здоровья, особенно сирот. Для решения этой серьезной задачи в республике открывались санатории для детей фронтовиков. 20 августа 1942 г. ЦК ВЛКСМ принимает решение об открытии за счет фонда помощи детям комсомольских здравниц в ряде областей и республик страны, в том числе в Башкирии, для детей фронтовиков и детей Ленинграда [13, с. 346]. Здравница открылась в ноябре 1942 г. благодаря усилиям комсомольцев и молодежи республики. За годы войны в ней поправили свое здоровье свыше 3,3 тыс. детей [14, с. 77].

В 1944 г. такого же типа санатории на 500 детей открылись в Бирском и Мечетлинском районах.

По инициативе предприятий, колхозов последовало создание детских учреждений согласно принятому в июне 1944 г. постановлению правительства [НА РБ. Ф.933. Оп.1. Д.4241. Л.174-175]. 18 апреля 1944 г. обком партии поддержал инициативу колхозников колхозов «Игенче» и «Иштуган» Кандринского района, открывших у себя детские дома для детей фронтовиков и сирот и взявших их на полное содержание [НА РБ. Ф.122. Оп.24. Д.173. Л.9об-10]. По их почину в республике было открыто 52 детдома, которые содержались на средства колхозов и общественных организаций [15, с. 495]. В Уфе коллектив стройтреста № 3 организовал интернат для 50 детей-сирот, на содержание которого каждый квартал отчислял однодневный заработок. В нем находились дети из Украинской ССР, Смоленска, Белостока, Ленинграда и др. [Комсомольская правда. 1942. 6 октября].

На заседании бюро обкома партии 22 марта 1943 г. было одобрено обращение учителей и комсомольцев Еркееевского района ко всем учителям, комсомольцам, пионерам Башкирии о создании фонда помощи детям фронтовиков. Там было собрано 50 тыс. рублей, продукты питания, необходимые вещи в помощь детям и на собранные средства решено открыть детдом для сирот. Эта инициатива получила поддержку на бюро обкома ВЛКСМ. Райкомам и горкомам комсомола предлагалось поступающие средства в фонд помощи детям вносить на текущий счет № 160302 в Башконтору Госбанка [14, с. 76].

Последовавшие затем решения обкома ВКП(б) и СНК БАССР по вопросам положения, здоровья и охраны детей указывали на возрастание внимания государства к ним: «Об улучшении работы детских домов» (19 мая 1942 г.), «О состоянии детских домов в республике» (12 августа 1942 г.), «Об обеспечении воспитанников детских домов, специальных школ и интернатов одеждой и инвентарем» (28 августа 1942 г.), «О мероприятиях по укреплению здоровья детей на летний период 1943 года» (22 мая 1943 г.), «О материально-бытовом положении и воспитании детей, оставшихся без родителей» (4 октября 1943 г.), «Об организации детских столовых, яслей в колхозах и совхозах Башкирской АССР» (23 декабря 1943 г.) и др. В них предусматривалось создание и укрепление подсобных хозяйств детских домов и интернатов, обеспечение воспитанников продовольствием, одеждой, обувью, улучшение учебно-производственного и воспитательного процесса, санитарного и медицинского обслуживания детей, защита прав детей, предотвращение распространения среди них беспризорности и правонарушений. Всю ответственность за выполнение принятых решений руководство республики возлагало на местные органы: «Вопросы питания, снабжения топливом, вопросы транспорта, ремонта помещений, организации подсобных хозяйств – не могут быть успешно решены без активной и постоянной помощи со стороны исполкомов городских и районных советов, горкомов и райкомов партии» [Красная Башкирия. 1944. 27 августа].

К поддержке детей фронтовиков, особенно сирот, пополнению фондов помощи детям, наряду с партийными и советскими органами, привлекались общественные организации, в частности женские. Усилиями женского актива и женсоветов проводилась большая работа по оказанию помощи детдомам, детям, особенно эвакуированным и сиротам. Так, в Зианчуринском районе жены начальствующего состава РККА изъявили желание обработать 1,5 га проса и картофеля и собранный урожай с этих площадей передать местному детдому [Сталинец. 1942. 23 мая].

В организации необходимой помощи детям фронтовиков и сиротам большую работу проводила комсомольская организация республики. Ее усилиями проводились субботники, воскресники, декадни и месячники, пополнялся фонд помощи детям фронтовиков и др. В 1942 г. в этот фонд комсомольцы и молодежь собрали 520 тыс. рублей и 25 тыс. единиц различной детской одежды и обуви, что позволило помочь в обеспечении около 10 тыс. нуждавшихся детей [15, с. 494, 495].

Учреждения, предприятия, школы брали шефство над детскими учреждениями, снабжали их всем необходимым. Такими шефами у воспитанников Сермеевского детдома были работники Белорецкого леспромхоза. Комсомольцы и пионеры нескольких школ Благоварского района взяли шефство над Удрякбашевским и Иваненковским детдомами. Они изготавливали для детей игрушки, обеспечивали наглядными пособиями, проводили беседы, читки и концерты. Но случались и недоработки. В Чишминском районе райком партии стал шефом Сафаровского детдома. Но вскоре после его открытия совсем забыл о нем, никто из его работников не посещал его и нужды, и положением детдома не интересовался [Красная Башкирия. 1945. 13 января, 4, 14 февраля]. На это было обращено внимание на заседании правительства республики 16 ноября 1944 г. при обсуждении вопроса о состоянии детских домов в Благовещенском, Бураевском районах и в городе Бирске. В ходе проведенной проверки были выявлены «исключительная запущенность детских домов, отсутствие малейшей заботы и самое бездушное отношение к быту и воспитанию со стороны директоров этих детдомов». Вину в таком содержании детей руководство республики видело в ненадлежащем исполнении местными органами «заботы о детях, отцы и братья которых защищают Родину, не жалея своей жизни» [НА РБ. Ф.933. Оп.9. Д.567. Л.75-76].

Все эти факты безобразий, происходивших в детских учреждениях в республике, требовали принятия серьезных мер и усилий общественности. Об этом сообщалось со страниц газет, правительством и обкомом партии принимались решения. В декабре 1944 г. СНК БАССР принимает постановление и утверждает Положение о Попечительском Совете при детских домах Наркомата просвещения [НА РБ. Ф.798. Оп.8. Д.1251. Л.167]. В нем указывалось, что советы представляют собой «активную форму не только строгого общественного контроля за общим состоянием детских домов, но и средством мобилизации широчайшей общественной помощи для хозяйственного укрепления детских домов, улучшения их материального положения и быстрого использования в этих целях всех имеющихся на месте ресурсов». Они создаются из 7-8 человек, возглавляют их представители советских органов на местах. Перед ними ставятся важные задачи поддержки и помощи детдомам, а также впоследствии подросткам, при трудоустройстве и создании нормальных условий в жизни и быту.

В 1944 г. и до окончания войны усилилось внимание государства к нуждам, запросам и состоянию здоровья детей, особенно находившихся в детских домах и колониях, к обучению и трудоустройству, поддержке детей сирот. Теперь перед властными органами Башкирии встали более серьезные задачи по защите детства. Поэтому вопросам положения и охраны здоровья детей на своих заседаниях они уделяли пристальное внимание, заслушивали отчеты руководителей ведомств и учреждений, особенно детских. Активной деятельностью выделялась вновь созданная 1 апреля 1944 г. республиканская комиссия по устройству детей, оставшихся без родителей.

На этот период приходится принятие СНК БАССР и обкомом ВКП(б) важных решений: «Об усилении борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в республике» (11 апреля 1944 г.), «Об организации детских яслей и детских пло-

щадок в колхозах в 1944 году» (15 апреля 1944 г.), «Об организации инициативных колхозных детских домов» (18 апреля 1944 г.), «О мероприятиях по улучшению обслуживания детей в яслях» (18 мая 1944 г.), «Об открытии санаториев для детей фронтовиков» (8 июня 1944 г.), «Об организации инициативных пионерских лагерей на селе для детей фронтовиков и сборе средств в фонд помощи детям» (10 июня 1944 г.), «О трудовом устройстве в 1944 году воспитанников детских домов старше 14 лет» (18 июля 1944 г.), «О дополнительных мероприятиях по улучшению работы детдомов республики» (12 сентября 1944 г.) и др. Однако ввиду нехватки финансовых ресурсов многие пункты этих решений зачастую оставались невыполненными.

При решении вопросов поддержки детей местные органы власти часто использовали общественную инициативность. Бюро обкома ВЛКСМ решило провести 23 апреля 1944 г. воскресник по созданию материальных и сбору денежных средств для летней оздоровительной кампании детям фронтовиков, в ходе которого организовать производство посуды, различной мебели, пошив летней одежды и обуви, заготовку дров для детских оздоровительных учреждений, среди населения провести сбор подарков для детей, посев специальных гектаров в фонд помощи детям фронтовиков сверх установленного государственного плана [НА РБ. Ф.341. Оп.7. Д.181. Л.96].

В июне того же года обком партии поддержал инициативу комсомольцев и молодежи Хайбуллинского и Гафурийского районов об организации инициативных пионерских лагерей на селе для детей фронтовиков и постановил приступить к выполнению, для чего предложил провести декадник по созданию денежного материального и продовольственного фонда для летнего оздоровления детей, дважды в июне провести общий республиканский воскресник и собранные денежные средства перечислить в «фонд помощи детям фронтовиков» [НА РБ. Ф.933. Оп.1. Д.4301. Л.178]. Нужно отметить, что за 1942–1945 гг. по Башкирии в этот фонд было собрано свыше 10,4 млн рублей. Немалую помощь оказывало сельское население, хотя само находилось в нелегком материальном положении. Во многих районах колхозники засевали на полях участки, урожай с которых направляли для улучшения снабжения и питания детей. В 1944 г. таких участков в республике было засеяно 605 гектаров [7, с. 256].

Все принимавшиеся меры оказывали серьезную помощь нуждавшимся детям. Правительственный план летних оздоровительных мероприятий по укреплению их здоровья был выполнен, устроены в детдома свыше 13 тыс. детей-сирот, на патронирование – почти 3,6 тыс., на опеке – 2,8 тыс., усыновлено около 400 детей. В 1944 г. открылись 53 детдома на 5,4 тыс. человек, 3 детдома на 350 детей находились в стадии организации [НА РБ. Ф.798. Оп.8. Д.1096. Л.242, 242 об]. Секретарь Башкирского обкома партии С.Д. Игнатьев сообщал в ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову, что число бюджетных детдомов в республике увеличилось с 28 до 117, контингент воспитанников в них доведен до 15 тыс., за первое полугодие 1944 г. открыто 40 детдомов почти на 5 тыс. человек. Но это привело к необходимости улучшения их обеспечения и снабжения, ввиду чего он просит дать указание Наркоматам торговли СССР и просвещения РСФСР о дополнительном выделении фондов для детских домов Башкирии [НА РБ. Ф.122. Оп.24. Д.4. Л.234, 235].

Вопрос снабжения продуктами питания детских учреждений в республике оставался острым. Еще в марте 1944 г. секретарю обкома партии С.Д. Игнатьеву из Наркомата просвещения РСФСР было направлено письмо. В нем сообщалось о поступающих из республики сигналах о плохом питании детей в детских учреждени-

ях, о недостаточной работе снабжающих организаций, приводились факты невыполнения торгующими организациями планов поставок продуктов питания. Большинство из них не получали такие продукты, как яйца, сыр, сметана, молоко, мука пшеничная, какао, кофе, чай, сухие фрукты, картофель и овощи, а также хозяйственное мыло, а торгующие организации ничем не заменяли эти «остро дефицитные продукты». Указывалось, что вследствие такого ненормального питания детей в детдомах имеют место случаи заболевания цингой, дистрофией, другими болезнями, многие дети ослабели. Наркомат просит руководство Башкирии вмешаться и «исправить это тяжелое положение». Местные власти сразу отреагировали и потребовали произвести проверку снабжения продуктами питания детдомов с принятием необходимых мер. В апреле 1944 г. в рамках состоявшегося совещания с директорами детских учреждений было проведено специальное совещание по вопросу о мерах улучшения снабжения последних [НА РБ. Ф.122. Оп.24. Д.20. Л.64об., 72].

Большое внимание уделялось решению такой социальной проблемы, как детская беспризорность и безнадзорность. Еще в 1943 г. органами НКВД БАСССР сообщалось в обком партии и правительство, что детская преступность «носит исключительно серьезный характер», что необходимо принять решительные меры [НА РБ. Ф.122. Оп.24. Д.25. Л.85]. На основе постановления СНК СССР от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством», разрешившего открывать в 1943 г. трудовые воспитательные колонии, 22 сентября 1943 г. правительство республики принимает постановление «Об организации детских трудовых воспитательных колоний» [НА РБ. Ф.933. Оп.9. Д.472. Л.197-198]. По приказу наркома внутренних дел СССР в ноябре 1943 г. разрешается организовать во многих регионах страны специальные трудовые воспитательные колонии НКВД СССР, в том числе в Башкирской АССР – Уфимскую имени Александра Матросова – на 500 мальчиков, имеющую производственную специализацию – деревообработка [9, с. 396].

В 1944 г. эта проблема продолжала находиться в центре внимания центральных и местных органов. 11 апреля 1944 г. бюро обкома ВКП(б) и СНК БАСССР принимают постановление об усилении борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в республике [НА РБ. Ф.122. Оп.24. Д.173. Л.47-48]. Надо отметить, что в проведении работы в этом направлении не все принятые решения выполнялись, имелись упущения и недоработки. Это послужило основанием СНК БАСССР своим постановлением в апреле 1944 г. распустить республиканскую комиссию по устройству детей, оставшихся без родителей, и создать новую, во главе с заместителем председателя правительства М.Н. Сахаутдиновой. Перед ней ставятся непростые задачи по улучшению положения детей, особенно погибших фронтовиков, сирот, охране их прав, здоровья, трудоустройству [НА РБ. Ф.933. Оп.1. Д.5066. Л.17].

В сентябре 1944 г. на заседании исполкома Уфимского горсовета при рассмотрении этого вопроса сообщается, что в ходе проведенного в городе 3 сентября рейда с улиц было собрано 215 беспризорных и безнадзорных детей, из них 125 нигде не учились. Особо указывается, что изъятие этих детей с улицы, их размещение на патронат, в детдома и на трудоустройство носит «кампанейский характер», значительное количество этих детей «продолжают озорничать, заниматься мелкой торговлей и попрошайничать, городские и районные комиссии по борьбе с этим явлением равнодушно проходят мимо этих ненормальных явлений» [НА РБ. Ф.91. Оп.2. Д.937. Л.2]. Хотя для решения этой социальной проблемы принималось немало мер, но острота ее продолжала сохраняться.

Заключение Таким образом, исходя из большого круга документальных материалов и разнообразных источников, на примере одного из тыловых регионов советской страны – Башкирии, можно сказать, что в годы Великой Отечественной войны был разработан целый комплекс мер общегосударственного характера, направленный на защиту и спасение детей, оказавшихся на грани выживания, на ликвидацию детской беспризорности и безнадзорности, на организацию учебно-воспитательного и трудового процесса. Продолжалось становление законодательной и нормативно-правовой базы, регулирующей систему государственной поддержки детей-сирот, детей, временно оставшихся без родительской опеки, вводились формы усыновления/удочерения, патронирования и опекуна, совершенствовалась система охраны детства.

Вопросам охвата детей обучением в школах и детдомах, обеспечения учебными принадлежностями, питания, одеждой и обувью нуждающихся детей, учета детей, прежде всего сирот, охвата их дошкольными учреждениями ввиду массового вовлечения женщин-матерей в общественное производство, использования детей в сельскохозяйственных кампаниях, приема и размещения эвакуированных в Башкирию детских учреждений и детей, облегчения участи детей, оставшихся временно без родительской опеки, детей фронтовиков, сирот и др. уделялось серьезное внимание. Руководством республики принималось множество мер по предотвращению и нераспространению детской беспризорности и безнадзорности, по борьбе с правонарушениями несовершеннолетних.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. государственные и партийные органы Башкирии, несмотря на стоявшие перед ними обязательные задачи оборонно-хозяйственного значения, не игнорировали решение самых различных вопросов по улучшению положения и защиты детей, оказания им необходимой помощи в этих сложнейших условиях. В то же время, применяя различные формы и методы мобилизации имевшихся ресурсов, они использовали общественную и частную инициативы, патриотические настроения населения и зачастую на них возлагали основную ответственность за решение целого ряда задач по поддержке детей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Работа комсомольских организаций в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. – М.: Б.и., 1987. – Т. 2. – 500 с.; Дети ГУЛАГа. 1918–1956. – М.: МФД, 2002. – 631 с.; Дети войны: 100 очерков-воспоминаний. – СПб.: Медиа Глобус, 2014. – С. 171-173.
2. Башкирия в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. – Уфа: Китап, 1995. – С. 480-483; Региональные особенности национальной политики СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Башкирская АССР. Сборник документов и материалов. – Уфа: Гилем, 2011. – 324 с.; Дети войны. – Уфа: Диалог, 2016. – С. 316-397.
3. Кутлугильдина З.С. Детство, опаленное войной: документальная публицистика. – Уфа: Китап, 2015. – 356 с. На башк. яз.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1985. – Т. 7. – 574 с.
5. История Башкортостана. 1917–1990-е годы: В 2-х т. – Т. 1: 1941–1945. – Уфа: Гилем, 2004. – 400 с.

6. Башкирия в годы Великой Отечественной войны. ...
7. Ахмадиев Т.Х. Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. – Уфа: Башкнигоиздат, 1984. – 280 с.
8. Из дневниковых воспоминаний К.Б. Гайнуллина // Личный архив автора.
9. Дети ГУЛАГа. 1918–1956. ...
10. Региональные особенности национальной политики СССР ...
11. Материалы из фондов Мелеузовского историко-краеведческого музея Республики Башкортостан.
12. Связи братские, интернациональные. Документы и материалы об интернациональных связях трудящихся БАССР с трудящимися зарубежных стран. – Уфа: Башкнигоиздат, 1980. – 240 с.
13. Работа комсомольских организаций в период Великой Отечественной войны
14. Саяпов Т.Ш. Все для фронта, все для победы! (О подвиге комсомола Башкирии в годы Великой Отечественной войны). – Уфа: Башкнигоиздат, 1975. – 112 с.
15. Очерки истории Башкирской организации КПСС. – Уфа: Башкнигоиздат, 1973. – 728 с.

REFERENCES

1. The work of the Komsomol organizations during the Great Patriotic War of 1941-1945. Documents and materials. Moscow, 1987. Vol. 2. 500 p.; Children of the GULAG. 1918-1956. Moscow: MFD, 2002. 631 p.; Children of War: 100 Essays - Memories. St. Petersburg: Media Globus, 2014. Pp. 171-173. (In Russ.).
2. Bashkiria during the Great Patriotic War. Collection of documents and materials. Ufa: Kitap, 1995. P. 480-483; Regional features of the national policy of the USSR during the Great Patriotic War of 1941-1945. Bashkir ASSR. Collection of documents and materials. Ufa: Gilem, 2011. 324 p.; Children of war. Ufa: Dialogue, 2016. Pp. 316-397. (In Russ.).
3. Kutlugildina Z.S. A childhood scorched by war: documentary journalism. Ufa: Kitap, 2015. 356 p. (In Bashk.).
4. CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Moscow, 1985. Vol. 7. 574 p. (In Russ.).
5. History of Bashkortostan. 1917-1990s: In 2 volumes. Vol.1: 1941-1945. Ufa: Gilem, 2004. 400 p. (In Russ.).
6. Bashkiria during the Great Patriotic War. Collection of documents and materials. Ufa: Kitap, 1995. 543 p. (In Russ.).
7. Akhmadiev T.Kh. Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War. Ufa: Bashkir Book Publ., 1984. 280 p. (In Russ.).
8. From the diary memoirs of K.B. Gainullin // Personal archive of the author. In Russ
9. Children of the GULAG. 1918-1956. Moscow: MFD, 2002. 631 p. (In Russ.).
10. Regional features of the national policy of the USSR during the Great Patriotic War of 1941-1945. Bashkir ASSR. Collection of documents and materials. Ufa: Gilem, 2011. 324 p. (In Russ.).
11. Materials from the funds of the Meleuz Museum of History and Local Lore Museum of the Republic of Bashkortostan. (In Russ.).
12. Fraternal and international ties. Documents and materials about the international relations of the workers of the BASSR with the workers of foreign countries. Ufa: Bashkir Book Publ., 1980. 240 p. (In Russ.).

13. The work of the Komsomol organizations during the Great Patriotic War of 1941-1945. Documents and materials. Moscow, 1987. Vol. 2. 500 p. (In Russ.).
14. Sayapov T.Sh. Everything for the front, everything for the victory! (On the feat of the Komsomol of Bashkiria during the Great Patriotic War). Ufa: Bashkir Book Publ., 1975. 112 p. (In Russ.).
15. Essays on the history of the Bashkir organization of the CPSU. Ufa: Bashkir Book Publ., 1973. 728 p. (In Russ.).

Информация об авторе: Сулейманова Рима Нугамановна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом новейшей истории Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

г. Уфа, Россия

ORCID ID: 0000-0003-1877-5421

Researcher ID: AAI-6881-2021

rnsulejman@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Suleimanova Rima Nugamanovna, doctor of historical sciences, chief researcher, head of department of the recent history of Bashkortostan Institute of history, language and literature Ufa Federal Research Centre RAS

Ufa, Russia

ORCID ID: 0000-0003-1877-5421

Researcher ID: AAI-6881-2021

rnsulejman@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 23.05.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 09.06.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.06.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-61-70
УДК 94 (47)

ИСТОРИЯ СИЛЬНА ПАМЯТЬЮ

Марина Федоровна Титоренко

Краснодарский филиал Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации
Краснодар, Россия
mtitorenko@yandex.ru

Аннотация. Автор рассматривает причины агрессии немцев в годы Великой Отечественной войны; анализирует материалы Государственного архива Краснодарского края, относящиеся ко времени оккупации города Краснодара фашистской Германией; приводит факты пыток и издевательств над жителями города «хозяевами новой жизни»; уделяет внимание появлению коллаборационизма в казачьей среде и раскрывает причины этого явления и приводит примеры достойного вклада кубанских казачьих формирований в Великую Победу. Автор считает, что необходимо по крупицам собирать и хранить правду о войне, помнить о нестигаемом духе народа, формировать у молодежи чувство патриотизма, хранить историческую память и историческое сознание.

Ключевые слова: фальсификация событий, война, оккупация, злодеяния немецких оккупантов, душегубки, расстрелы, коллаборационизм, историческая память, преемственность поколений, российская молодежь, Победа

Для цитирования: Титоренко М.Ф. История сильна памятью // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021. Том. 13, № 3. С. 61-70
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-61-70

Original article

HISTORY IS STRONG IN MEMORY

Marina F. Titorenko

The Krasnodar branch of Financial University under
the Government of the Russian Federation
Krasnodar, Russia
mtitorenko@yandex.ru

Abstract. The author examines the reasons for the aggression of the Germans during the Great Patriotic War, analyzes the materials of the State Archive of the Krasnodar Territory, relating to the time of the occupation of the city of Krasnodar by Nazi Germany, cites the facts of torture and mockery of the residents of the city by the "masters of new life". The author also pays attention to the appearance of collaboration in the Cossack environment and reveals the reasons for this phenomenon, gives examples of the worthy contribution of the Kuban Cossack formations to the Great Victory, and considers it necessary to collect and preserve the truth about the war, to remember the indomitable spirit of the people, to form a sense of patriotism among young people, to preserve historical memory and historical consciousness.

Keywords: falsification of events, war, occupation, atrocities of the German occupiers, murderers, executions, collaboration, historical memory, continuity of generations, Russian youth, Victory

For citation: Titorenko M.F. History is strong in memory. *Historical and Social-Educational Idea*. 2021. Vol. 13. No.2. PP. 61-70. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-61-70

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. занимает важное место в исторической памяти народов России. В этом году исполняется 80 лет со дня ее начала, оценки и выводы об этой войне с особым упорством пересматриваются на Западе. Дискуссии ведутся на различных площадках даже теми, кто далек от научного понимания истории. Разнятся подходы авторов, методы исследования, точки зрения. Зарубежные исследователи, в большинстве своем отражая политику и идеологию своего государства в отношении России, фальсифицируют исторические события, факты, в том числе и вклад СССР (России) в Великую Победу, «упорно не желают признать решающую роль Советского Союза и Красной Армии в разгроме фашизма...» [1].

К сожалению, все меньше остается участников и свидетелей событий Великой Отечественной войны, а историческая память, которая «не передается по наследству», под влиянием времени выхолащивается, приобретает политические и идеологические оттенки, как бы «умирает» с уходом тех, перед кем мы в неоплатном долгу. В этой связи возрастает актуальность в изучении истории ВОВ, а историческая память выступает в качестве важного компонента исторического сознания человека, с которым связано «хранение исторических образов и понятий, их воспроизводство посредством трансляции, а также высвобождаемых воспоминаний об исторических событиях, фактах, лицах в условиях современной социальной и повседневной действительности» [2]. Благодаря ей человек сохраняет идеалы и ценности, способность аксиологически относиться к действительности.

В отечественной и зарубежной историографии накопилось множество трудов (более 22 тыс.), в которых описываются события, рассматриваются причины, даются оценки Великой Отечественной войне. В диссертационных исследованиях (Ф.Л. Сеницын, О.В. Ратушняк, Е.Ф. Кринко и др.), монографиях (Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов, Е.М. Малышева и др.) и научных статьях (М.В. Ежов, В.Н. Ратушняк, А.К. Соколов и др.) рассмотрены вопросы фальсификации истории Великой Отечественной войны, различные аспекты нацистской политики и пропаганды на за-

хваченных территориях. В ее освещении до сих пор нередко применяются стереотипы, чувствуется влияние политической и идеологической конъюнктуры. Начало такому подходу было положено в годы горбачевской перестройки. Политики разных мастей в России и за ее пределами приложили немало усилий для того, чтобы сделать «белые пятна истории» черными. В силу указанных причин исторической науке в вопросах освещения ВОВ принадлежит решающая роль. Она обязана обеспечить преемственность поколений, прочно соединить прошлое, настоящее и будущее. В этом автор данной статьи видит актуальность заявленной проблемы. Кроме того, в условиях меняющихся ценностных ориентаций остро ощущается необходимость сохранения и укрепления патриотического сознания и патриотического воспитания подрастающего поколения. При этом «мы не имеем нужды прибегать к басням и выдумкам..., чтобы возвысить наше происхождение: слава была колыбелью народа русского, а победа вестницею бытия его» [3]. Таковыми они остаются и сейчас.

Исследователь ставил основной целью изучить материалы Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), на их основе показать злодеяния фашистов в годы Великой Отечественной войны в г. Краснодаре и донести их до новых поколений, помочь молодежи понять меру ответственности за судьбу России и свое будущее, так как «постичь настоящее, а тем более грядущее можно лишь в связи времен, в выявлении причин многовековой российской истории с ее многочисленными трагическими исходами, юбилеями страдания и славы» [4].

В ходе работы автор применял принципы историзма, научности, конкретности, системности, в значительной мере базируя исторические факты на архивных документах (донесениях, сводках, приказах, распоряжениях, свидетельствах очевидцев и др.), порой использовал описательный метод, затем подвергал его анализу. В результате объективного подхода исторические явления и процессы представлены в тесной взаимосвязи с конкретной исторической ситуацией.

Как известно, содержание войны, ее цели определяет политика государства. Считаем, что государственная политика Германии, базирующаяся на исключительности немецкой нации, явилась важнейшей причиной развязывания Второй мировой войны. В десятилетнем возрасте детям вместе с коричневой формой вручали клинок с надписью «Кровь и победа». В молодежных клубах твердили: «Нам не нужна мыслящая молодежь, мыслительная деятельность – признак слабости. Мы должны быть варварами, освободить людей от унижающей химеры, которая называется совестью» [5]. В образовательных учреждениях и СМИ в умы подрастающих поколений немцев внедряли мысль: «Мы, чистокровные немцы, ненавидим французов ... А если во всей Польше будут жить только два немца, то они стоят миллиона поляков потому, что они немцы». В памятке солдатам вермахта говорилось: «Германия – абсолютный хозяин мира. Германец, ты будешь решать судьбу Англии, России, Америки. Ты, как подобает немцу, уничтожай все живое, находящееся на твоём пути». Перед отправкой на фронт каждому немецкому солдату выдавали памятку следующего содержания: «Мы поставим на колени весь мир ... Никогда не должно быть позволено, чтобы оружие носил кто-либо иной, кроме немцев, нельзя допускать ненемецкое население к высшему образованию ... Школы им нужно оставить. Только в них не должно быть никакого обучения, кроме как понимания дорожно-транспортных знаков. В остальном будет совершенно достаточно, если ненемецкое население, например украинцы, научатся немного читать и писать по-немецки» [6].

К началу Второй мировой войны Германия выстроила сверхмощные тоталитарные институты, адаптированные к борьбе с СССР. В них культ личности Гитлера и Устав партии заменили правовую базу государства [7]. Следуя указанной идеологии, немцы сначала победоносно шагали по Европе, а 4 мая 1941 г. гитлеровский идеолог Геббельс высказал идею о необходимости расчленить Россию на части, ослабить русский народ до такой степени, чтобы он не помешал «установить немецкое господство в Европе» [8]. Постепенно в Германии сформировалась позиция о необходимости войны против СССР. Гитлер 22 июня 1941 г. обосновал нападение Германии на Советский Союз [9]. Важную роль сыграла и нацистская пропаганда, утверждающая мифы о культурной отсталости «азиатской России», о «беспорядочных половых связях» советских людей, о «растлении юношества».

На рассвете 22 июня 1941 г. Германия развязала войну против СССР. Для осуществления плана «Барбаросса» немецкое командование выделило 190 дивизий (5,5 млн человек), включая силы союзников Германии (Италия, Румыния, Венгрия, Финляндия), 3712 танков, 4950 боевых самолетов, 47 260 орудий и минометов и 193 боевых корабля. Вся эта армада бомбила в первую очередь аэродромы, железнодорожные станции, военно-морские базы и населенные пункты. За первый день советская армия потеряла 1200 самолетов. В течение трех недель противнику удалось продвинуться вглубь советской территории на расстояние от 350 до 550 км [10].

На страницах зарубежных, а порой и отечественных СМИ довольно часто появляется информация о том, что «...победу Советский Союз одержал числом, а не умением». Иную точку зрения встречаем в мемуарах и дневниках участников тех боев (немцев). Они писали, что в России встретили первого серьезного противника. Генерал-инспектор пехоты Отт резюмировал: «...в Польше и на Западе мы могли позволить себе известные вольности и отступления от уставных принципов; теперь это уже недопустимо». Командир роты тяжелых танков О. Кариус, воевавший на Восточном и Западном фронтах, писал: «Пятеро русских представляли бóльшую опасность, чем тридцать американцев» [11]. Согласно статистике, только в первый день над территорией Советского Союза было сбито 76 самолетов противника, взято в плен около 5 тыс. германских солдат и офицеров. Война оказалась своего рода точкой отсчета в судьбах миллионов людей «до и после войны». С 23 июня, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г., началась мобилизация лиц мужского пола, родившихся с 1905 по 1918 гг. включительно. К июлю 1942 г. каждый пятый житель Краснодарского края ушел на фронт. В местностях, объявленных на военном положении, органы власти обеспечивали общественный порядок и безопасность, оказывали содействие военному командованию в использовании сил и средств для нужд обороны [12].

Фашисты быстро продвигались на юг. Бои за город Краснодар начались с Пашковской переправы. Со стороны станицы Старокорсунской наступали восемь гитлеровских дивизий при мощной поддержке танков, артиллерии и авиации. Обороняли Пашковскую переправу и подступы к кубанской столице почти сутки три обескровленные дивизии 56-й армии, да необстрелянные, плохо вооруженные мальчишки 16-17 лет и «поздний призыв» (мужчины старше 55 лет). Когда стало очевидным, что отстоять переправу не удастся, по мосту разлили керосин и подожгли. Понтонное укрепление взорвали, начинив взрывчаткой огромную баржу. За это время советские войска успели перегрупп-

пироваться, а по периметру города Краснодара устроили несколько оборонительных обводов. Немцы, прорывая каждый из них, теряли силы. Гитлеровский план «Anlauf» («Разбег») был сорван.

Немецкая армия продолжала наступление. 9 августа 1942 г. началась оккупация Краснодара. Город оказался в руках тех, кто называл себя «хозяевами жизни». Они насаждали «новый порядок», представлялись «освободителями» казачества и кавказских народов. Собрав людей на площади, объявили: «Если в городе будут обнаружены убитыми немецкие солдаты, то за каждого убитого немецкого солдата будут застрелены 100 русских». Немцы потребовали от жителей города сдать оружие и радиоприемники. Тех, у кого находили радиоприемники, казнили. Людей хватали на базаре, гнали за город, связывали проволокой по три человека и расстреливали. «Сначала стреляли по ногам, потом выше и выше. Последний выстрел давали из нагана в висок» [13].

В городе Краснодаре фашисты для уничтожения местных жителей поставили на поток душегубки (в 1939 г. впервые применили в Польше). В фургон с двойными стенами и фальшивыми окнами под дулами автоматов загоняли людей, случайно встретившихся им на улицах и площадях, набивали битком, плотно закрывали и подавали выхлопные газы в фургон. Смерть от отравления наступала через семь минут, если машина двигалась – через десять. Душегубки двигались от улицы Красной (гостиница «Кавказ») до могильных рвов на окраине города Краснодара [14].

В гостинице «Кавказ», на стадионе «Динамо», на территории бывших складов около заводов им. Калинина и кожевенного, в районе железнодорожного моста, на пересечении улиц Красной и Хакурате и в других местах фашисты организовали лагеря для военнопленных. В каждом из них содержалось от 5 до 10 тыс. военнопленных. Лагеря ограждали колючей проволокой. При этом «снабжение питанием военнопленных являлось ненужной гуманностью» [15]. С целью привлечения пленных в добровольческие части немцев им в течение 5–7 дней не давали даже воды и хлеба. В подвальных помещениях фашисты сооружали каменные шкафы-карцеры. В них жертвы немецких палачей умирали стоя, не хватало места даже присесть.

Евреев немцы особенно ненавидели. На конференции в Ванзее было принято официальное решение о физическом уничтожении всех евреев. «Курировал этот вопрос Гиммлер. В короткий срок было истреблено около 6 миллионов человек. Расправлялись не только с евреями, но и теми, кто укрывал их или помогал сбежать обреченным на уничтожение. Действия по массовой отправке евреев в газовые камеры получили название «Операция Рейнхард» [16]. В городе Краснодаре их уничтожение было обставлено очень «интеллигентно». В воззвании говорилось: «Кто хочет добровольно уехать, может поселиться за городом, им будут предоставлены квартиры и работа по специальности»... Многие поверили. Сами приходили к местам сбора с вещами и документами, других хватали... Их сажали в машины-душегубки и мертвых сбрасывали в ров за рощей. Согласно приказу немецкого командования, под предлогом регистрации собрали неэвакуированных евреев Кагановичского района и заставили «форсировать выгребные ямы отхожего места». Некоторые граждане еврейской национальности сознательно не являлись на регистрацию, заранее зная исход своей судьбы. Немецкие изверги вызывали их повестками, а тех, кто не выполнял распоряжение, забирали из дома. Фашисты вылавливали их по улицам и творили жестокую расправу. Отбирали

продукты и ценные вещи, сажали в «душегубки» и вывозили за город, расстреливали и тут же кроили абажуры и подтяжки из еще не остывшей кожи убитых.

Оккупанты не щадили даже малышей. Специальная комиссия, созданная для расследования злодеяний немецких оккупантов на территории Краснодарского края, отмечала, что при вскрытии трупов на большинстве удалось установить следы пыток. «Труп ребенка 5 лет с раздробленной нижней челюстью, у мальчика 10 лет разможжен череп головы и отрублены обе стопы выше лодыжек... Лица обезображены... В центре лба отверстие диаметром 10 мм. Отсутствуют стопы обеих нижних конечностей..., отрезаны носы, вырваны щеки...». Характер повреждений показывает, что при пытках применялось тупое оружие. Немцы истребляли и душевно больных граждан. К больнице подъезжал «черный ворон». Больных раздевали донага, бросали в машину по 90 человек и душили газом. Затем вывозили за город и сбрасывали в противотанковый ров. Оставшихся в живых ставили по 5 человек вдоль рва и расстреливали. Только за месяц было уничтожено 340 больных. «22 марта 1943 года была произведена эксгумация трупов, погибших от рук гестаповских палачей. При раскопках противотанкового рва у завода ЗИП было вырыто 328 человек, из них мужчин – 180, женщин – 126, детей – 17 человек», 1892–1935 годов рождения. Нередко фашисты закапывали людей живыми, истребляли голодом. После пыток и расстрелов немецкие офицеры отправлялись в «тайные лагеря» (публичные дома) на «увеселение». В каждом лагере было до 30 барачков с молодыми женщинами. Один из засекреченных лагерей назывался «Сбыт женщин». Фашисты «развлекались», а затем под дулами автоматов отправляли поруганных женщин на каторжные работы [17].

В начале войны «Германия сделала попытку из числа белоэмигрантов и военнопленных казаков создать эсесовские части...» [18]. Отметим, что предшествующие события на Кубани «обусловили переход определенной части кубанских казаков на сторону противника ... Большинство из них были военнопленные красноармейцы, назвавшиеся казаками, чтобы выжить, при удобном случае нередко переходили на сторону советских войск» [19].

Фашистский «новый порядок» предусматривал всеобщую трудовую повинность, охватывал все население оккупированных территорий. Нарушителей такого «порядка» отправляли в концентрационные лагеря, нередко казнили.

Развитию коллаборационизма среди казаков способствовала политика оккупационных властей. Они поддерживали их в борьбе с большевизмом, содействовали восстановлению традиционных институтов казачьего самоуправления. По их инициативе немцы создали автономный казачий округ с традиционными для казаков институтами самоуправления. Взамен требовали формирования вооруженных отрядов для борьбы с партизанами и частями Красной армии. Осенью 1942 г. казаки города Краснодара объединились в инициативную группу с целью возрождения Кубанского казачьего войска. Лидерами являлись Г.П. Тарасенко и И.И. Белый. Они пытались наладить связь со станичными атаманами и германским военным руководством на Северном Кавказе [20]. Увидев все «прелести нового немецкого порядка», они были разочарованы политическими и экономическими мероприятиями оккупантов.

Большая часть кубанских казаков встретила немецких захватчиков с оружием в руках. Уже в начале Великой Отечественной войны в составе РККА действовала 6-я Кубанско-Терская казачья дивизия. В 1941 г. были сформированы новые кавказские дивизии легкого типа. Из 50 тыс. кавалеристов более половины – 27 тыс. – составляли кубанские казаки. Как правило, казачьи дивизии, сформиро-

рованные летом 1941 г., «вводились в бой» не позднее двух недель. «Волевые качества, воинская дисциплина и глубочайшее чувство долга перед Отечеством делали казачьи формирования высокомобильной силой в походах и войнах. Навыки военного дела и высокие моральные качества казаков формировались веками» [21]. Лозунг «Казаки идут» внушал страх противнику. Казачьи дивизии участвовали в обороне Москвы, в Смоленском сражении, обеспечивали переправу частей Крымского фронта на Тамань и др. Только на Кубани действовали 123 партизанских отряда общей численностью около 5,5 тыс. человек. Основную их часть составляли казаки. Казаки вели борьбу с фашистскими оккупантами и коллаборационистами, совершали нападения на полицейские подразделения, составленные из местных коллаборационистов.

Оккупация Краснодарского края продолжалась до февраля 1943 г. Отступая, немцы закапывали замученных жителей города в наспех вырытых ямах, заживо сожгли в подвалах гестапо около 300 человек. Убили более 60 тыс., около 32 тыс. кубанцев угнали на каторжные работы в Германию. Детей из России, оказавшихся в силу обстоятельств в Германии, заставляли собирать трупы умерших и подвозить к специальному блоку. За непослушание обливали холодной водой, держали на морозе, били палками, выкачивали кровь. Если в лагере для военнопленных оказывались женщины с детьми от 5 до 12 лет, их сразу отправляли в крематорий.

Город Краснодар фашисты разрушили до неузнаваемости. Он официально вошел в число 15 наиболее разрушенных войной городов Советского Союза. Материальный ущерб Краснодару составил более 2 млрд рублей в ценах 1945 г. Фашисты разрушили промышленные и культурные объекты города.

В заключение отметим, что Великая Отечественная война черной страницей навечно вписана в историю Кубани, оплачена невероятными усилиями людей, человеческими жизнями. Задача старших поколений – сохранить преемственность, историческую память, которая сильнее идеологических установок. История сильна памятью, ее необходимо *оберегать от фальсификации, нужно хранить правду, которая не стирается с годами, а молодежь воспитывать на истинных ценностях, составной и неотъемлемой частью которых во все времена являлись патриотизм и российское национальное самосознание.*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ежов М.В. Современная Российская историография Великой Отечественной войны // Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 100-летию начала русско-японской и 90-летию Первой мировой войны. – Краснодар, 2004. – С. 255.
2. Ратушняк В.Н., Касьянов В.В., Ратушняк О.В. Роль культурного волонтерства в формировании исторической памяти современной российской молодежи // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Ростов н/Д, 2020. – № 4. – С. 102–106.
3. Карамзин Н.М. Монументы и памятники воинской доблести и славы России / под ред. д.и.н., проф., акад. РАЕН В.А. Золотарева и д-ра филос., проф., акад. МАДЕНМ Г.И. Кальченко. – LOGOS, 2004. – С. 7.
4. Рогозин Д.О. Русский ответ. – СПб., 1996. – С. 5.
5. Комсомольская правда. – № 107 (6127). 9 мая 1945 г.
6. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф.Р-807. Оп.1. Д.З. Л.4-4об. Коллекция документов по истории Великой Отечественной войны на территории Краснодарского края.

7. Воронин Д.Ю. Идеология фашистской государственности // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Ростов н/Д, 2004. – С. 33.
8. ГАКК. Ф.Р-807. Оп.1. Д.126. Л.23.
9. Шварцкопф К.Э. Представления немцев о советской действительности как фактор бесчеловечности войны // Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 100-летию начала русско-японской и 90-летию Первой мировой войны. – Краснодар, 2004. – С. 245, 246.
10. Большая советская энциклопедия. Т.4. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1971. – С. 1150.
11. Вапилин Е.Г. Артиллерия у русских знатная. «Танки в грязи». Воспоминания немецкого танкиста. – М., 2013. – С. 256.
12. ГАКК. Ф.Р-807. Оп.1 (продолжение). Д.161. Л.1.
13. ГАКК. Ф.Р-897. Оп.1. Д.1. Т.1. Л.214-об., 234.
14. ГАКК. Ф.Р-807. Оп.1. Д.126. Л.51.
15. Орлов А.С., Георгиев В.А. и др. Хрестоматия по истории России. – М., 2020. – С. 486.
16. Кузахметов М. Гестапо – инструмент террора // Загадки истории. – 2020. – № 1 (22). – С. 9, 11.
17. ГАКК. Ф.Р.897. Оп.1. Д.1. Т.1. Акт 6. Л.5, 7, 213, 222, 228.
18. Футорянский Л.И. Освещение участия казачьих частей в период Великой Отечественной войны на страницах энциклопедий «Великая Отечественная война. 1941–1945» (М., 1985) и «Казачество» (М., 2003) // Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 100-летию начала русско-японской и 90-летию Первой мировой войны. – Краснодар, 2004. – С. 237.
19. Энциклопедия кубанского казачества / под ред. проф. В.Н. Ратушняка. – Краснодар, 2011. – С. 79.
20. Ратушняк О.В. Казачье зарубежье как социально-исторический феномен: образование, структура, проблемы общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни (1920–1960-е гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. – Краснодар, 2017. – С. 267, 282-283.
21. Титоренко М.Ф. К вопросу о Первой мировой войне // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2019. – Т.11. – № 2. – С. 118-124. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2019-11-2-118-124>

REFERENCES

1. Ezhov M.V. Sovremennaya Rossijskaya istoriografiya Velikoj Otechestvennoj vojny. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferentsii, posvyashhennoj 100-letiyu nachala russko-yaponskoj i 90-letiyu Pervoj mirovoj vojny [Modern Russian historiography of the Great Patriotic War. Materials of the All-Russian Scientific and Practical conference dedicated to the 100th anniversary of the beginning of the Russia-Japan War and the 90th anniversary of the First World War]. Krasnodar, 2004. p. 255. (In Russ).
2. Ratushnyak V.N., Kasyanov V.V., Ratushnyak O.V. Rol' kul'turnogo volonterstva v formirovanii istoricheskoy pamyati sovremennoj rossijskoj molodezhi. Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki. [The role of cultural volunteerism in the formation of the historical memory of modern Russian youth. Izvestiya vuzov. The North Caucasus region. Social sciences]. Rostov-on-Don. 2020. No. 4. p. 102–106. (In Russ).
3. Karamzin N.M. Monumenty i pamyatniki voinskoj doblesti i slavy Rossii (pod red.

- d.i.n., professora, akademika RAEN V.A.Zolotareva i doktora filosofii, professora, akademika MADENM G.I.Kal'chenko [Monuments and monuments of military valor and glory of Russia (ed. by Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences V.A. Zolotarev and Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences G.I. Kalchenko). LOGOS, 2004. p. 7. (In Russ).
4. Rogozin D.O. Russkij otvet [Russian answer]. St. Petersburg, 1996. p. 5. (In Russ).
 5. Komsomolskaya Pravda No. 107 (6127). May 9, 1945(In Russ).
 6. State Archive of the Krasnodar Territory (hereinafter GACC). F. R-807. Op. 1. D. 3. L. 4-4-ob. Collection of documents on the history of the Great Patriotic War in the Krasnodar Territory.
 7. Voronin D.Yu. Ideologiya fashistskoj gosudarstvennosti. Gumanitarnye i sotsial'no-ehkonomicheskie nauki. [Ideology of fascist statehood. Humanities and socio-economic sciences]. Rostov-on-Don. 2004. p. 33. (In Russ).
 8. GAKK. F. R-807. Op. 1. D. 126. L. 23. (In Russ).
 9. Schwarzkopf K.E. Predstavleniya nemtsev o sovetskoj dejstvitel'nosti kak faktor beschelovechnosti vojny. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashhennoj 100-letiyu nachala russko-yaponskoj i 90-letiyu Pervoj mirovoj vojny. [The Germans ' ideas about Soviet reality as a factor of the inhumanity of war. Materials of the All-Russian Scientific and Practical conference dedicated to the 100th anniversary of the beginning of the Russo-Japanese War and the 90th anniversary of the First World War]. Krasnodar, 2004. p. 245, 246. (In Russ).
 10. Bolshaya sovetskaya enciklopediya. T. 4. Third edition. M.: Sovetskaya enciklopediya.1971. p. 1150. (In Russ).
 11. Vapilin E.G. Artilleriya u russkikh znatnaya. «Tanki v gryazi». Vospominaniya nemetskogo tankista. [Artillery at the Russian noble. "Tanks in the mud". Memoirs of a German tankman]. Moscow, 2013. p. 256. (In Russ).
 12. GAKK. F. R-807. Op. 1 (continued). D. 161. L. 1. (In Russ).
 13. GAKK. F. R-897. Op. 1. D. 1. T. 1. LL. 214-ob., 234. (In Russ).
 14. GAKK. F. R-807. Op. 1. D. 126. L. 51. (In Russ).
 15. Orlov A.S., Georgiev V.A., etc. Khrestomatiya po istorii Rossii. [A reader on the history of Russia]. M., 2020. P. 486. (In Russ).
 16. Kushmatov M. Gestapo instrument terror. Zagadki istorii. [Gestapo tool of terror, the Mysteries of history]. 2020, No. 1 (22). Pp. 9,11. (In Russ).
 17. GAKK. F. R. 897. Op.1. D.1. T.1. Act 6. L. 5, 7, 213, 222, 228. (In Russ).
 18. Futoryansky L.I. Osveshhenie uchastiya kazach'ikh chastej v period Velikoj Otechestvennoj vojny na stranitsakh ehntsiklopedij «Velikaya Otechestvennaya vojna. 1941-1945» (M., 1985) i «Kazachestvo» (M., 2003). Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashhennoj 100-letiyu nachala russko-yaponskoj i 90-letiyu Pervoj mirovoj vojny. [Coverage of the participation of Cossack units during the Great Patriotic War on the pages of encyclopedias "Great Patriotic War. 1941-1945" (Moscow, 1985) and "Kazachestvo" (Moscow, 2003). Materials of the All-Russian Scientific and Practical conference dedicated to the 100th anniversary of the beginning of the Russian-Japanese and the 90th anniversary of the First World War]. Krasnodar, 2004. p. 237. (In Russ).
 19. Encyclopedia of the Kuban Cossacks (ed. by prof. V.N. Ratushnyak). Krasnodar, 2011. p. 79. (In Russ).
 20. Ratushnyak O.V. Kazach'e zarubezh'e kak sotsial'no-istoricheskij fenomen: obrazovanie, struktura, problemy obshhestvenno-politicheskoy, sotsial'no-ehkonomicheskoy i kul'turnoj zhizni (1920-1960-e gg.). [Cossack abroad as a socio-

historical phenomenon: education, structure, problems of socio-political, socio-economic and cultural life (1920-1960). Dis. Doctor of Historical Sciences]. Krasnodar, 2017. p. 267, 282-283. (In Russ).

21. Титоренко М.Ф. К вопросу о Первой Мировой войне. Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т.11. № 2. Р. 118-124. (In Russ). <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2019-11-2-118-124>

Информация об авторе: Титоренко Марина Федоровна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Философия, история и право», Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Краснодар, Россия
mtitorenko@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Marina F. Titorenko, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of «Philosophy, History and Law», The Krasnodar branch of Financial University under the Government of the Russian Federation
Krasnodar, Russia
mtitorenko@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 26.05.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 17.06.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.06.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

Original article

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-71-78

УДК 94/902

**TOWARDS HISTORICAL INTERPRETATIONS IN ARCHAEOLOGY:
A CASE FROM AN ISOLATED COMMUNITY**

Bobokhyan Arsen

Institute of Archaeology and Ethnography

Charentsi 15, 305019, Yerevan, Armenia

arsenbobokhyan@yahoo.com

Abstract. Vakıflı is the only remaining ethnic Armenian village in Turkey and the last officially recognized Western Armenian speaking settlement in the world. From this point of view it is an isolated community, the investigation of which is of primary importance as a case in common historical and social processes. When in 1939 the Sanjak of Alexandretta was handed over to Turkey, the inhabitants of Vakıflı did not leave the Mount Musa, they still live there (ca. 150 Armenians). Considering Vakıflı from various cultural perspectives (geography, name, history, population, settlement, cemetery, temple, material culture, language, script, economy, communication, myth, feast, value system) an attempt is made to pass from ethnography to archaeology and to check the possibilities of archaeological reconstructions. In the meanwhile, the question is touched upon, to what extent archaeology is able to speak about the problems of cultural and ethnic identity. The observations demonstrate the diversity of cultural phenomena, as well as the complexity of their interpretation, thus emphasizing the importance of interdisciplinary research for understanding the historical and social processes in early societies.

Keywords: Vakıflı, Armenian community, ethnology, archaeology, identity, social and historical interpretations.

For citation: Bobokhyan A. Towards historical interpretations in archaeology: a case from an isolated community. *Historical and Social-Educational Idea*. 2021. Vol. 13. No.3. PP. 71-78. (In En.)
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-71-78

Научная статья

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ В АРХЕОЛОГИИ: НА ПРИМЕРЕ ОДНОЙ ИЗОЛИРОВАННОЙ ОБЩИНЫ

Бобохян Арсен Александрович

Институт археологии и этнографии НАН РА,
Чаренца 15, 305019, Ереван, Армения
arsenbobokhyan@yahoo.com

Аннотация. Вакифли - единственная оставшаяся армянская деревня в Турции, которая является последним официально признанным западноармяноязычным поселением в мире. С этой точки зрения мы имеем дело с изолированной общиной, исследование которого имеет первостепенное значение для понимания исторических и социальных процессов вообще. Когда в 1939 году Александретский санджак был передан Турции, жители Вакифли не покинули гору Муса, они живут там до сих пор (около 150 армян). Рассматривая Вакифли с разных культурных точек зрения (география, имя, история, население, поселение, кладбище, храм, материальная культура, язык, письмо, экономика, коммуникация, миф, праздник, система ценностей), делается попытка перехода от этнографии к археологии и проверки возможности археологических реконструкций. Параллельно затрагивается принципиальный вопрос о том, насколько археология способна говорить о проблемах культурной и этнической идентичности. Наши наблюдения демонстрируют разнообразие культурных явлений, сложность их интерпретации, тем самым подчеркивая важность междисциплинарных исследований для понимания исторических процессов в ранних обществах.

Ключевые слова: Вакифли, армянская община, этнология, археология, идентичность, социальная и историческая интерпретации.

Для цитирования: Bobokhyan A. К вопросу об исторических интерпретациях в археологии: на примере одной изолированной общины // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021. Том. 13, № 3. С. 71-78
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-71-78

Introduction

In an important article J. Evans correctly defines the island-societies as very important for the study of culture process, because they seem to be more conservative in keeping own traditions and identities: "...islands offer us the possibility of in some sense conducting 'experiments'. In this sense, then, it is valid to regard every island which has at some time the home of a human group as a laboratory for the archaeologists" [1, p. 520; cf. also 2, p. 223].

This contribution aims at presenting an example of an island-community Vakıflı. This is the only remaining ethnic Armenian village in Turkey, which is the last officially recognized Western Armenian speaking settlement in the world [3-12].

Below, based on a visit to Vakıflı in September 2003, I shall try to go from ethnology to archaeology testing the probabilities of historical and social reconstructions in archaeology.

Description of a modern isolated community

In *geographic* point of view Vakıflı is located on the Mountain of Moses (Arabic Jebel Musa, Turkish Musa Dağ, Armenian Musa Ler, 1355 m a.s.l.) in the Samandağ district of Hatay Province (formerly the Sanjak of Alexandretta), Turkey [5; 12]. It overlooks the Mediterranean Sea and is within eyesight of the Syrian border. Among the six former Armenian villages with ca. 6000 population on the slopes of this mountain (Vakıf = Vakıflı, Kebusiye = Kapısuyu, Hacı Habibli = Erikliköyü, Khdrbek = Hıdırbey, Bitias = Batıyaz = Teknepınar and Yoğunoluk), Vakıflı is the only one currently populated by the Armenian community of about 150 persons.

The *name* “vakıf” is the Turkish version of the Arabic “waqf” which means religious foundation or endowment. According to oral tradition, the original settlers of Vakıflı were a few families from the Armenian villages of Yoğunoluk and Khdrbek who used to cultivate religious properties adjoining the Alevi village of Kurtderesi. As those households reestablished themselves in Musa Dağ permanently, they named their new habitat Vakıflı.

As to the *history* of the village, until the beginning of the 19th century Vakıflı belonged to Yoğunoluk [3; 7; 11]. During the reign of Sultan Mehmed II (1808-1839), however, its ownership was transferred to a Christian Arab by the name of Muhayyile (Mukhayel). This story does not explain why Vakıflı changed hands, nor does it say how it was reverted to the Armenians. In any case, it can be maintained with relative certainty that Vakıflı emerged as a viable village in the 1880s. As such, it was the smallest of the six Armenian villages of Musa Dağ. After the World War I, Musa Dağ and the surrounding province of Hatay became part of French-administered Syria. The end of Turkish administration in the area enabled the Armenian inhabitants to resettle their six villages on the slopes of Musa Dağ. So, Vakıflı with other five villages, was under the rule of France for 20 years (1918-1938). Following an agreement between France and Turkey and a plebiscite, the district reverted to Turkey on June 29, 1939. After this move the main Armenian villages immigrated out of Hatay settling in Lebanon's Beqaa Valley, especially in Anjar where they built the town of Anjar, naming its six wards after the six villages of Musa Dağ. Some of them migrated to Soviet Armenia, establishing here the village Musa Ler, by Ejmiatsin. The reason why Musa Dağians of Vakıflı refused to leave is they believed that they could live peacefully in republican Turkey, which, according to them, undertook a new course.

The *population* of Hatay was and is one of the most cosmopolitan provinces of Turkey, home to communities of various background and religions including Turks, Arabs and Armenians, Sunni and Alevi Muslims as well as Christians of many denominations [6; 8; 9; 10]. The districts and the villages of Alevs, Sunnis and Christians were at different places. The Sunni Turks, who had huge amount of land, were the notables of the city. The Christians were involved in commerce and handicraft. The Alevs were suppressed by the government; they were patient and hardworking and generally worked with landowners. Recent estimates of Armenians found in Vakıflı vary between 25 and 38 families or between 135 and 150 individuals, mostly middle-aged and old. Young people move away. During the summer season, thanks to families returning to visit relatives, the numbers rise to 250-300 persons. An estimated

500 former residents of Vakıflı live in Istanbul. In addition to the Armenians, Vakıflı is home to one Kurd and one Turk(men) Muslim families.

The *settlement* is built on the slopes of the mountain in terraces. The houses are constructed by stone architecture typical for the Armenians, which is totally different from the mud-brick architecture of other peoples inhabiting Musa Dağ. This Armenian architecture is present also in other villages, where now Alevis and orthodox Muslims live. It goes about 2-3 stored well-preserved houses made by stone-bricks.

The *cemetery* is situated across the main road of Vakıflı. Here we can meet graves of Armenian Christians buried mainly during the second half of the 20th century and the beginning of the 21st century. The type of the main graves can be considered on the whole as Armenian, characteristic especially for the 19th and the first half of the 20th centuries. Also new fashioned graves of white marble are present, however not typical for traditional Armenian tombs. All of them bear inscriptions in Armenian and Turkish.

The *temple* Surb Astvatsatsin (Holy Mother of God, Meryem Ana) was established in 1910. The structure consists of two long rooms and is not very typical for Armenian church architecture. A visiting priest celebrates mass in Vakıflı only occasionally. The church and community are run by a parish council, a council of elders, and the *Church-Loving Women's Guild*. Despite the problem's urgency, the government failed to grant permission for repairs for the next seventeen years, that is, until 1996, when the church, then almost in ruins, was restored.

The *material culture* of the people of Vakıflı is characterized by the same principles as in nearby villages of Musa Dağ and other Turkish villages, with no distinctive peculiarities. Only in the church and in some houses which still bear old Armenian artefacts, are supposed to be found special objects helping to define the identity of its bearers.

The *language and script* used by Vakıflı Armenians is local dialect of Armenian (*kistinik*) [cf. 3]. The villagers use Turkish in public and Armenian at home and in the village. Not all of them are fluent in Armenian. While the older generation can read and write in Armenian, most of the younger generation can not. While all school instructions, news media, and public signs are in Turkish, Vakıflı's Armenians are undergoing gradual linguistic assimilation. Those who want to learn Armenian have to go to an Armenian boarding school in Istanbul.

As regards the *economy* the villagers are generally involved in agriculture, bee-keeping and production of citrus fruits which they have during 12 months of the year from the trees of terraces constructed by their ancestors.

Concerning *communication* the Armenians of Vakıflı have good relationships with population of other villages and districts of the region. They have virtually no contact with the Musa Dağ Armenian diaspora, which, in addition to Lebanon, is spread all over the world. The communications are just with those villagers who work in Europe and come home on vacation, as well as with the Armenians in Istanbul.

For existence of any community, and especially for an insular one, is especially important to have *myths* justifying own existence. Among such myths first of all the story on the heroic fight in 1915 is worth mentioning. The Viennese writer Franz Werfel wrote a novel in 1933 based on this resistance: "The Forty Days of Musa Dağ". Werfel took the liberty of changing certain details to give the story biblical dimensions - 53 days became 40 days, and six villages became seven. This was the first step in mythologizing of a real story which was told to me once again by the oldest inhabitant of Vakıflı Avedis Demirci (Avetis Demircyan, 90 years old in 2003) who was baptized on the mountain during the resistance as he was "40 days old". In this sense, another myth is circulating

among the Armenian population of Vakıflı historically justifying their presence in that region. During the interview with me (30.09.2003) Avetis Demircyan told: "Our king Tigran reigned Antioch four years".

Festivals are the most important precondition uniting the Vakıflı people [cf. 6]. No matter where they are, if festival, they visit their village. The church of Vakıflı celebrates the Holy Mother of God feast in mid-August of each year. This also coincides with the traditional blessing of grapes. On these occasions, a ritual food called *harisa* is cooked and served to the numerous visitors.

These all traits define the *value system* of the Armenians of Vakıflı. Both at the beginning of the 20th century and at the beginning of the 21st century the Armenians try to be isolated from Moslem communities of surroundings trying to keep own identity and keeping their unique value system. However, this is right only from the first sight. Samandağ still keeps its importance as a region where many people of different ethnic groups live and get on well with each other. The people of various religions sometimes celebrate the same festivals which are usually at the same day. Many religious places (e.g. tombs) are accepted as sacred by the people of different religions. All of these peoples have their own symbols, however, they share the state symbol reflected e.g. in Atatürk's statue in all villages of Musa Dağ. A symbiosis of architectural traditions and symbols is also present as it is the case in the nearby village Yoğunoluk, where within the old Armenian church St. Apostle Thomas we see the new Turkish wall and the new state symbol. So, we can insist in that the people inhabiting Musa Dağ, independent on their religious and ethnic belonging, act within the same cultural system and have similar, however not the same value systems. The differences in this system and intolerance of mutual values appear with politics such as it was in 1915 by the games of imperialistic states in this region.

Digging up the community in future

Now let us go some thousand years ahead, when the archaeologists are supposed to excavate the ruins of Vakıflı. Without finding the archive of Vakıflı, where the history of the village is told, they should rely mainly upon the data of material culture. What kind of evidence they could gain on social setting and identity of the villagers?

The *geography* itself hints nothing on the presence of the Armenians in this settlement because it is far from Armenia. Also the *name* (of course if it is known) will be misleading by clarification of the problem of ethnic belonging of the villagers, because it is Arabic. Investigating data on the *population* of the region, the archaeologists will see that Hatay was one of the most cosmopolitan provinces of Turkey, home to communities of various ethnic and religious background. However, these data will not allow speaking about ethnic composition of the settlement.

During the excavations of the *settlement* the archaeologists will discover houses constructed by stone architecture typical for the peoples inhabiting the region between the rivers Kura, Araxes and Euphrates. This architecture is totally different from the mud-brick architecture of Turkic and Arabic people of Musa Dağ and surroundings. First supposition is that the houses of the village could belong to such groups as e.g. the Armenians, who were one of the ethnic elements in the region some thousands years ago.

More clearness will appear after the excavations of the *cemetery*. The archaeologists will discover tombs buried in Christian rite. The type of the main tombs is very similar to Armenian one, especially from the 19th and the first half of the 20th centuries AD. Some of the grave-stones bear inscriptions in Armenian and Turkish demonstrating Ar-

menian names and life dates. So, now it is clear that we deal with Armenian graves. However, some inscriptions are not in Armenian but in Turkish and the names do not have the ending “-y/ian”. The question is who are they?

Another group of archaeologists will work on a construction which is supposed to be the *temple*. The structure consists of two long rooms and is not very typical for Christian architecture. May be it is a Moslem mosque? However, soon the archaeologists find a metallic cross and Armenian inscriptions telling the name of the church and now it is clear that they deal with an Armenian temple.

The *material culture* of the settlement is the same as in other Musa Dağ villages without any distinctive peculiarities. Only in the temple and in some houses artefacts speaking on identity of its bearers have been found. These are mainly objects of service such as round copper plates which bear Armenian inscriptions.

The excavations will be visited by philologists who are interested in the *language and script* of the settlement population. Investigating the epigraphic materials they will find out that these are written in classical Armenian. However, the linguists will never know that the Armenians of the settlement speak a (Musa Ler) dialect of Armenian language and that they speak Turkish in public and Armenian at home and in the village.

In the same time, a group of archaeologists will excavate a two layer building. In the first layer they will find some stationery objects in another layer some metallic forks. There will be different suggestions on the function of this building. However, if not an inscription found, they will never know, that they deal with a house which was earlier a school building and later it was restored into a bed-and-breakfast house.

Excavations will demonstrate some aspects of the *economy*. It turns out that the villagers are generally involved in agriculture, bee-keeping and production of citrus fruits. The community is purely agricultural and not cattle-breeding. The animal rests have been found only in the garbages. The finds of pig bones confirm once more the presence of non-Muslim population in the village which was supposed earlier by the chemical analysis of a shard of a glass bottle on which traces of alcohol have been detected.

Only some foreign objects have been found from the site demonstrating the *communication* system of the site. It is clear that the village was integrated in the common cultural sphere of Musa Dağ and Antioch region. Some artefacts will hint on close connections to “Istanbul culture”.

No texts or artefacts will be found telling about the *myths* and mythological perceptions of the people inhabiting the settlement. Some specialists will suggest that the myth of “The Forty Days of Musa Dağ”, well known at the period of existence of the village, should be very important for them.

Some objects found from the church will tell that it was the place, where the *festivals* should take place. However, only written documents will help to reconstruct that the Holy Mother of God feast was celebrated here, which coincided with the traditional blessing of grapes and that on these occasions a ritual food called *harisa* was cooked.

After having a common image towards the site, the archaeologists will think over the *value system* of its population. The excavations demonstrate that this and also other sites of the region were integrated and various ethnic groups lived and got on well with each other. Though belonging to different religious and ethnic groups they have the same sacral places. All of these peoples have their own symbols, however, all of them share the common state symbol. An interesting case demonstrates the cultural

symbiosis: in the nearby village Yoğunoluk, within the Armenian church, the archaeologists find the Turkish state symbol of star and crescent, however they do not know if the church and the symbol chronologically belong to the same layer.

Conclusions

While creating a link between ethno-sociological and archaeological reconstructions we notice that many details, especially of behavioural nature, which we had in the first part have been lost in the second part. We see also that if not written sources we could not identify many of archaeological contexts as such. This observations uncover the relativity of social and historical reconstructions in archaeology, especially if we deal with problems of cultural and ethnic identity. Archaeologists used to define cultures in broad regions looking for a common (ethnic or religious) element. The case of Musa Dağ clearly shows that on a single mountain could exist in the same time more than three ethnic and religious groups which could be united within the same traits of material assemblage which the archaeologists used to call "archaeological culture". The case of Vakıflı can serve as a model for reconstruction of lost realities of the past by demonstrating that a distinctive ethnic group can continue its existence in other location as an "island", whereas in the main area of development of this culture it has already disappeared (I mean here Western Armenia).

REFERENCES

1. Evans J.D. Islands as Laboratories for the Study of Culture Process // Renfrew A.C. (ed.), The Explanation of Culture Change. Models in Prehistory, London: Duckworth, 1973, p. 517–520.
2. Rosenstock E. Die Besiedlung von Inseln – natürliche Experimente in der Archäologie? // Aslan R., Blum S., Kastl G., Schweizer F., Thumm D. (Hrsg.), Mauer Schau, M. Korfmann-Festschrift, Remshalden-Grunbach: Verlag Bernhard Albert Greiner, 2002, S. 223–234.
3. Andreasyan T. The Dialect of Svedia [Svediai barbary], Yerevan: Academy of Sciences Press, 1967. – 392 p. (in Armenian).
4. Kalkan E. Türkiye'nin Tek Ermeni Köyü // Hürriyet. – 2005. – 14 Pazar, 31 Temmuz, İstanbul, s. 4.
5. Svazlyan V. Musa Ler // Armenian Ethnography and Folklore [Hay azgagrutyun ev banahyusutyun], vol. 16, Yerevan: Academy of Sciences Press, 1984, 216 p. (in Armenian).
6. Svazlyan V. From the Conference towards Vardavar to Musa Ler [Vardavarits Musa ler gitazhoghovi masin] // Republic of Armenia [Haysatani Hanrapetutyun]. – 1996. – № 219 (1658), Yerevan, p. 3 (in Armenian).
7. Svazlyan V. The Armenian Community of Turkey and the Armenian Patriarchate [Turkiayi haykakan hamaynky ev Haykakan patriarkarany] // Republic of Armenia [Haysatani Hanrapetutyun]. – 1996. – № 220 (1659), Yerevan, p. 3 (in Armenian).
8. Svazlyan V. Traditional People of Vakıflı (Musa Ler) [Vakiflii avandapah zhoghovurdy (Musa ler)] // Herald of Armenian Patriarchate of Turkey [Banber Turkio Haykakan Patriarkarani]. – 1997. – № 18, İstanbul, p. 20–23 (in Armenian).
9. Svazlyan V. A Group of Vakıflı Villagers Continue to Live Devoted to their Ancisters [Vakiflii mi khumb gyughatsiner sharunakum en aprel nvirvats irents nakhninerin] // Zhamanak. – 1997. – № 6070, İstanbul, p. 3 (in Armenian).
10. Svazlyan V. Spiritual Contact with the Roots [Hogevor kap armatneri het] // Bnor-

- ran. – 1997. – № 1/6, Yerevan, p. 5–9 (in Armenian).
11. Tayfur K. Son Ermeni Köyü: Vakıflı // Atlas. – 2004. – № 134, Istanbul, s. 105–134.
12. Tcholakian H.M. The Armenians of Ruch Valley near Antioch: Historical-Ethnographical Research [Antioki merdzaka Ruchi hovti hayery: patma-azgagrakan usumnasirutyun], PHD Dissertation Thesis [Teknatsuakan atenakhosutyun seghmagir], Yerevan: Armenian Academy of Sciences, 2002. – 25 p. (in Armenian).

Information about the author: Arsen Bobokhyan, Dr. (Sci.), Vice-Director, Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences
Yerevan, Republic of Armenia
arsenbobokhyan@yahoo.com

The author has read and approved the final manuscript

Информация об авторе: Арсен Александрович Бобохян - доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии и этнографии НАН РА.
Ереван, Армения
arsenbobokhyan@yahoo.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 21.05.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 09.06.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 23.06.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

История международных отношений и внешней политики
History of International Relations and Foreign Policy

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-79-94

УДК 94

СИРИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ: НЕПРОЙДЕННЫЙ МАРШРУТ

Сергей Михайлович Абрамов

Уральский государственный горный университет
г. Екатеринбург, Россия
abramowwwsm@mail.ru

Сергей Александрович Акулов

Уральский государственный горный университет
г. Екатеринбург, Россия
sergei1954akulov@rambler.ru

Аннотация. В статье говорится о том, что во второй половине XX века Голанские высоты стали объективным фактором противоречий в сирийско-израильском конфликте. Отмечается, что сочетание необходимости урегулирования арабо-израильского конфликта и одновременно территориального конфликта с Сирией создавало дополнительные препятствия для обеспечения безопасности в ближневосточном регионе, без дипломатических договоренностей с Сирией она не работает. Важно понимать, что с самого начала переговорного процесса Сирия, чья позиция отличалась крайней предвзятостью, считала, что Голанские высоты и есть самоцель, на которую были замкнуты ее интересы, в то время как Израиль делает упор на дипломатию, сконцентрировав свое внимание на поиске адекватных средств урегулирования сирийско-израильского конфликта, а не только на целях. Особенно очевидно, что принятая на переговорном процессе парадигма урегулирования конфликта на основе принципа «территории в обмен на мир» стала повторяющейся (застывшей) на уровне формы, что произошло не спонтанно, а только в результате отсутствия каких-либо сдвигов в его урегулировании. Тем более что сирийско-израильский конфликт не имеет решения в рамках указанной формулы, так как время простых и одновременно правильных подходов к его урегулированию прошло. Приверженность данной, безусловно, авторитетной парадигме как некоему ритуалу стала сдерживать появление новых неожиданных форм, направленных на урегулирование сирийско-израильского конфликта, который все больше насыщается сложной неопределенностью. Особый акцент в статье делается на том, что критически важно понимать: сегодня требуется иная интерпретация места и роли Голанских высот в сирийско-израильском дипломатическом диалоге, масштабы которого не надо переоценивать и который к тому же продолжает находиться в состоянии застоя. Поэтому современная дипломатия

должна исходить из критического понимания новой сложной реальности – Гражданской войны в Сирии, которая максимально затрудняет поиск и смену парадигмы сирийско-израильского урегулирования конфликта.

Ключевые слова: Ближний Восток, Сирия, Израиль, Шестидневная война, Голанские высоты, октябрьская война, переговорный процесс, «сделка века»

Для цитирования: Абрамов С.М., Акулов С.А. Сирийско-израильский конфликт: непройденный маршрут// *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021. Том. 13, № 3. С. 79-94.
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-79-94

Original article

SYRIAN-ISRAELI CONFLICT: ROUTE NOT TRAVELED

Sergey M. Abramov

Ural State Mining University
Ekaterinburg, Russia
abramowwwsm@mail.ru

Sergey A. Akulov

Ural State Mining University
Ekaterinburg, Russia
sergei1954akulov@rambler.ru

Abstract. The article says that in the second half of the twentieth century, the Golan Heights became an objective factor of contradictions in the Syrian-Israeli conflict. It is noted that the combination of the need to resolve the Arab-Israeli conflict and, at the same time, the territorial conflict with Syria created additional obstacles to ensuring security in the Middle East region; it does not work without diplomatic agreements with Syria. It is important to understand that from the very beginning of the negotiation process, Syria, whose position was characterized by extreme bias, believed that the Golan Heights was an end in itself, to which its interests were locked, while Israel focuses on diplomacy, focusing its attention on finding adequate means settlement of the Syrian-Israeli conflict, and not just on goals. It is especially obvious that the paradigm of conflict settlement on the basis of the principle of "territory for peace" adopted in the negotiation process became repetitive (frozen) at the level of form, which did not happen spontaneously, but only as a result of the absence of any shifts in its settlement. Moreover, the Syrian-Israeli conflict has no solution within the framework of this formula, since the time of simple and at the same time correct approaches to its settlement has passed. The adherence to this undoubtedly authoritative paradigm, as a kind of ritual, began to restrain the emergence of new unexpected forms aimed at resolving the Syrian-Israeli conflict, which is increasingly saturated with complex uncertainty. The article focuses on the fact that it is critically important to understand that today a different interpretation of the place and role of the Golan Heights in the Syrian-Israeli diplomatic dialogue is re-

quired, the scale of which should not be overestimated and which, moreover, continues to be in a state of stagnation. Therefore, modern diplomacy must proceed from a critical understanding of a new complex reality - the Civil War in Syria, which makes it as difficult as possible to find and change the paradigm of a Syrian-Israeli settlement of the conflict.

Keywords: Middle East, Syria, Israel, Six Day War, Golan Heights, October War, negotiation process, "deal of the century"

For citation: Abramov S.M., Akulov S.A. Syrian-Israeli Conflict: Route Not Traveled. *Historical and Social-Educational Idea*. 2021. Vol. 13. No.3. PP. 79-94. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-79-94

«Война не решает никаких проблем,
их решает мир».

Шимон Перес

Оснований для подобной темы более чем достаточно, ибо проблема Голанских высот за последние десятилетия остается в центре современной архитектуры сирийско-израильских отношений, что принципиально исключает любое, в том числе ограниченное, урегулирование конфликта. Любые попытки ускорения внешнеполитического диалога между Сирией и Израилем не дадут результата при отсутствии договоренностей по Голанским высотам. Разрыв между объективной потребностью в урегулировании конфликта и неспособностью политических элит двух стран преодолеть так называемую проблему «территорий» будет ключевым вызовом на ближайшие годы для сирийско-израильских отношений как неотъемлемой части общего процесса арабо-израильского урегулирования конфликта, решение которого осложняется гражданской войной в Сирии. Как справедливо указывает Генри Киссинджер, «гражданская война втянула в свою орбиту этнические и конфессиональные группы, ни одна из которых, опираясь на исторический опыт, не была готова доверить свою судьбу решениям других» [8, с. 167]. Несмотря на то, что Сирия, будущее которой трудно предопределить, в настоящий момент не может играть в переговорном процессе конструктивной роли, еще не означает, что тема возвращения Голанских высот выходит из повестки переговоров.

Целью работы является попытка получить более ясное представление о проблеме Голанских высот как в прошлом, так и в настоящем, что позволит сторонам конфликта уйти от силового решения данного вопроса.

Задачи работы состоят в том, чтобы внести некоторые элементы определенности в проблему сирийско-израильского урегулирования конфликта, которые делают его урегулирование возможным, но не неизбежным, показать основные этапы эволюции переговорного процесса сторон, в рамках которых шел поиск решения проблемы Голанских высот, не рассматривая итоги и результаты переговоров в качестве непреодолимого препятствия, без осмысления которых, однако, трудно двигаться дальше.

Предлагаемая работа (статья) не содержит исчерпывающих ответов на решение вопроса Голанских высот, роль которого, возможно, недооценена в рамках сирийско-израильского конфликта, но этот вопрос позволит иначе взглянуть на его место в истории конфликта.

Рассматривая проблему сирийско-израильских отношений, необходимо на наш взгляд, прежде всего, обратиться к истории. Как известно, до 1967 года Голанские высоты формально принадлежали Сирии. Однако законность владения Сирией Голанскими высотами многими исследователями и политиками ставится под сомнение, усилившееся особенно в связи с программой американского президента Д. Трампа. Но пока никто с уверенностью не может сказать, во что выльется программа американского президента о признании Голанских высот частью территории Израиля.

Итак, Первая мировая война подходила к своему завершению, и Лига Наций разделила ближневосточный сегмент Османской империи, или так называемый Дамасский вилайет, на территориальные мандаты под внешним управлением – Сирию, Ливан, Иорданию, Палестину и Ирак, полуколонии, которым в будущем планировалось предоставить независимость. Мандатными территориями управляли Англия и Франция. Франция получила мандат Лиги Наций на управление Сирией и Ливаном, а Великобритания – на Ирак, Иорданию и Палестину. Внутри подмандатных территорий произошел обмен, согласно которому Голанские высоты, населенные в основном друзами, перешли под власть Сирии.

«Особая ситуация на Ближнем Востоке после Второй мировой войны, – говорит Ш. Гойтейн, – подсказывала самые смелые решения» [5, с. 205]. В итоге после завершения Второй мировой войны бывшая мандатная территория, которой управляла Франция, – Сирия – получила независимость в 1946 г. Однако реальность была такова, что «границы на Ближнем Востоке были проведены соответственно дипломатической уместности и временным успехам оружия, а не общности культуры или воле населения» [1, с. 44]. В результате Сирия, в условиях неразберихи в территориальном вопросе после крушения Османской империи, получила Голанские высоты как незаслуженный приз. Имеет смысл обратить внимание на то, что при формировании новой картины Ближневосточного региона союзными державами – Англией и Францией – сбрасывались со счетов исторические, религиозные, культурные и национальные взаимодействия между различными субэтносами арабского населения, что значительно усложнит желаемое осмысление тех территориальных проблем и противоречий, которые породят конфликтный потенциал будущих межгосударственных противоречий. Нет никакой необходимости утверждать, что реальность, сложившаяся после окончания войны, в высшей степени благоприятствовала территориальным притязаниям, в частности Сирии, стремившейся к независимости. Нельзя не указать на то, что сами колониальные державы заложили возможность межарабских войн и столкновений.

Отметим, что большую часть Голанских высот, формально принадлежащих Сирии, Израиль захватил во время оборонительной Шестидневной войны 1967 года, несмотря на то, что при обсуждении стратегии действий Израиля «Даян и Эшколь выступали против того, чтобы отвоевать у Сирии Голанские высоты» [6, с. 283]. Нельзя утверждать, что военная и политическая элита Израиля единодушно выбрала решение о штурме, но захват Голанских высот не был какой-либо неожиданностью, он предопределялся задачами обеспечения обороны Израиля. Нет сомнений в том, что данный вопрос был слишком сложным и непредсказуемым. Здесь нельзя не отметить два важных обстоятельства: во-первых, развитие

событий, связанных с включением новых территорий в состав Израиля, не было неизбежным, и, во-вторых, арабские государства, готовясь к тотальному уничтожению еврейского государства, дали право Израилю прибегнуть к военным действиям первым, действовать на опережение.

С момента окончания Шестидневной войны Голанские высоты стали объективным фактором разногласий в сирийско-израильском конфликте, который развивался в стиле предсказуемого явления, построенного на основе бинарного принципа «действие – ответ».

Вопреки тому, что случаев для возмущения внешней политикой Израиля в наше время более чем достаточно, отметим: здесь не было воли, изначального намерения или стремления Израиля распространить свое влияние до определенных пределов, до которых продвинулась его армия. Захват территорий вполне согласуется с обычной практикой ведения военных действий. Более того, и противники Израиля не отличались ангельской чистотой своих замыслов и действий. Убеждены, что именно они дали повод к тому, что впоследствии соотношение карты Израиля с его территорией будет нарушено. Одновременно нельзя недооценивать фактора, связанного с тем, что «географические координаты границ Израиля мудро не определены ни в одном израильском законе» [2].

Втянутый ходом событий в арабо-израильский конфликт, Израиль имел дело с коалицией арабских государств, не готовой ни к каким компромиссам, решительно защищающей свои интересы и совершенно на то время не признающей интересы «сионистского врага». Военные действия со стороны Израиля были своеобразным и своевременным откликом на готовящуюся агрессию со стороны арабских стран. В конечном счете, вопреки международному давлению, Израиль совершил то, что вполне согласуется с его оборонительной стратегией (правом на самооборону), защитой национальных интересов страны, что можно воспринимать как должное. Это не означает, что действия Израиля должны были иметь безупречный характер.

Вне всякого сомнения, захват Голанских высот, который дает повод к различным толкованиям и интерпретациям, не попадает под понятие «агрессия», поэтому всякий смысл говорить об аннексии высот Израилем отпадает. В любом случае приходится признать, что для обеспечения безопасности Израиля иного выхода, кроме как включения в состав Израиля спорной территории Голанских высот и превращения их в удерживаемую территорию, не было. Применительно к сложившейся обстановке установление контроля над территорией Голанских высот было неизбежно обусловлено логикой самой ситуации и стало одновременно очевидным и необходимым решением. Кроме того, контроль над Голанскими высотами выступил одним из способов (если не единственным) справедливого урегулирования сирийско-израильского конфликта в ответ на акт агрессии со стороны Сирии, в том числе попыткой свести к минимуму участие Сирии в будущих агрессивных действиях против Израиля. Возможно, указанное обстоятельство стало причиной того, что «в 1974 году Сирия и Израиль заключили соглашение об определении и военной защите границы между этими странами. Данное соглашение действовало четыре десятилетия, невзирая на войны и разгул терроризма, и соблюдается даже во время хаоса сирийской гражданской войны» [8, с. 155-156], – указывает Генри Киссинджер. Таким образом, подписанное соглашение 1974 года, с одной стороны, сыграло важную роль в нормализации взаимных отношений, которое заложило основу сосуществования двух ближневосточных государств без мира и войны, а с другой стороны, его отсутствие значительно увеличивало бы

вероятность нового военного столкновения. С этой точки зрения захват Израилем Голанских высот в ходе Шестидневной войны, бесспорно продиктованной императивом выживания государства, представляется оправданным. Должны признать, что применительно к вопросу Голанских высот, безусловно имеющих решающее значение в ходе сирийско-израильского конфликта, вынести какое-либо категоричное и обоснованное суждение практически невозможно.

Условно ситуацию, сложившуюся в результате Шестидневной войны, назовем «шоком реальности», который в отдельных случаях, возможно, приводил к нереалистичному оптимизму со стороны политической элиты, который ни в коей мере не следует преувеличивать. В условиях продолжения конфликта военно-политическая элита действительно считала (а такой фактор исключать было нельзя), что арабские страны неизбежно свыкнутся с фактом поражения, утратой территорий, а следовательно, новая ситуация объективно рано или поздно логично подтолкнет их к переговорам о мире с целью возвращения утраченных земель.

Фактически возможности от присоединения Голанских высот могли быть трансформированы в достаточные и желаемые результаты для Израиля. Поэтому Голанские высоты не могли не рассматриваться с точки зрения источника силы, экономического выживания и способа обеспечения его безопасности посредством реализации принципа, осуществленного позже в рамках международной конференции в Мадриде и процесса «Осло» («земля в обмен на мир»). Если взглянуть объективно, то их решения представляли собой активное накопление потенциала умеренного сценария урегулирования конфликта.

Отметим, что окончание Шестидневной войны и установление израильского контроля над Голанскими высотами принесло с собой попытку осмыслить значение проблемы «территорий», господствующих над Северным Израилем. Безусловно, для еврейской истории они имели не только историческое значение, но и представляли стратегический интерес. Как справедливо указывает А. Эпштейн, «...разные политические, государственные и военные деятели выдвинули множество всевозможных, зачастую противоречивших друг другу планов, ни один из которых не был реализован в полном объеме» [15, с. 12-13], ибо генезис нового никогда не ясен. Их позицию можно понять, так как им хотелось более четкого видения относительно будущего Голанских высот, которые еще только предстояло интегрировать в состав Израиля и адаптировать под свои задачи. Высказанные мнения и подходы к роли занятых территорий, в частности Голанских высот, обобщены в работе А. Эпштейна «Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться».

Израильский премьер-министр Давид Бен-Гурион, осознавая всю исключительность проблемы территорий для будущего Израиля, считал, что «...территории являются "залогом", который будет возвращен при условии заключения мирных договоров между Израилем и арабскими странами» [15, с. 25], что впоследствии не помешало ему высказать убеждение против возвращения Сирии Голанских высот.

Здесь важно понимать, что, несмотря на разногласия внутри политических элит, вопрос, связанный с судьбой Голанских высот, рассматривался с точки зрения их объективной целесообразности для Израиля, ибо с захватом Голанских высот Израиль создавал дополнительный запас (ресурс) прочности, но, на наш взгляд, не гарантию безопасности страны. Вместе с тем они (решения) оказались рациональными и с исторической точки зрения, несмотря на то, что Ицхак Рабин

скажет: «Те земли, что мы уже завоевали, тяжелым бременем легли на наши плечи» [9, р. 393]. Между тем «в израильском обществе пустила глубокие корни надежда, что Израилю удастся обменять занятые территории на признание и мир» [13, с. 263]. Это позволяет говорить о том, что после окончания Шестидневной войны 1967 года в израильском обществе возник запрос на урегулирование арабо-израильского конфликта.

Важность Голанских высот для Израиля обусловлена рядом принципиальных причин:

1) «Экономика: несмотря на малочисленность населения, сегодня на Голанах производят 50% минеральной воды Израиля, 40% говядины, около четверти всех израильских вин (в том числе 40% – экспортных), от 30 до 50% различных видов фруктов и т.д.» [4, с. 141]. Но с нашей стороны было бы ошибочно концентрировать внимание только на абсолютной экономической выгоде Голанских высот. Во-первых, она не гарантирует стабильности и, во-вторых, не играет решающей роли в развитии возможностей обеих сторон;

2) Военный или стратегический фактор: удержание высот не перестало быть для Израиля военной необходимостью. Тот факт, что военной силы не всегда достаточно для решения конкретных задач, не означает, что она утратила свое значение, несмотря на то, что она перестала быть абсолютным мерилем. Тем не менее для Израиля военная сила дает возможность обеспечить приемлемый уровень необходимой безопасности. Не следует забывать, что в ходе войны 1967 года территория Израиля подвергалась «...интенсивному артиллерийскому обстрелу с Голанских высот» [13, с. 220];

3) Водный ресурс как источник пресной воды: Израиль предотвращает любые попытки сирийцев отвести истоки рек Иордан и Ярмук, которые питают озеро Кинерет – главный резервуар воды в Израиле. Обладание им необходимо для развития еврейского государства. Подчеркнем: главный смысл водного ресурса заключается в том, что он сохраняет силу своего воздействия, прежде всего, на обе стороны.

И сегодня действует эта сложная совокупность факторов, проистекающая от обладания Голанскими высотами, контроль над которыми, безусловно, имеет военно-стратегическое значение. И все же, однако, важно не преувеличивать воздействия Израиля на Сирию, несмотря на то, что Голанские высоты выступают в качестве силы воздействия, прежде всего в ситуации сирийско-израильского конфликта, и ресурса выживания в арабо-израильском конфликте, в котором нельзя исключить применение военной силы. С этой точки зрения контролируемая территория Голанских высот, которые отечественный исследователь Александр Шумилин рассматривает как «долгосрочный оборонительный ресурс» [14], не потеряла своей ценности для государства Израиль, более того, она повысилась. Дело в том, что в условиях милитаризации арабского мира повышается необходимость мобилизации и реконструирования ресурсов Израиля.

Как отмечает А. Шумилин, «сегодня стратегическая значимость Голанских высот для Израиля мало кем подвергается сомнению» [14]. Осмелимся утверждать, что усилия Израиля по развитию Голанских высот, адаптированных под конкретные задачи, не являются безрезультатными или контрпродуктивными, несмотря на то, что характер отношений между Сирией и Израилем остается ситуационным, не исключает множества неучтенных рисков, ибо большую роль играет текущая ситуация.

История конфликта Сирии и Израиля проходит путь, ведущий от решения ООН от 14 мая 1948 года к нападению в октябре 1973 года, который проходит через события Шестидневной войны 1967 года.

С большой вероятностью можно предположить, что Сирия, которая продолжала придерживаться стратегии немирного сосуществования, имела намерение уничтожить Израиль как независимое государство, поэтому наряду с Египтом стала одним из активных участников Октябрьской войны 1973 года по причине непреодолимой инерции арабо-израильского конфликта, отмеченного рядом драматических событий. Нет сомнений в том, что 1973 год – удобный случай победить Израиль, который едва не поставил под вопрос существование страны как независимого государства. Подчеркнем очевидный факт: утрата Сирией Голанских высот, в которых закодирована травма сирийского государства (возможно, имеет и религиозно-мистическое значение, как, впрочем, и для Израиля), стала рассматриваться в качестве права на насилие, более того – его оправдания, наконец, своеобразной формы сильного реванша – возвращения стране Голанских высот, несмотря на то, что данный аргумент не кажется убедительным. Он вызывает контраргумент – право на насилие и на установление контроля за Голанскими высотами со стороны Израиля. Все-таки правовую основу под концепцией оправдания насилия заложили политические элиты Сирии, которые практикуют мстительный ресентимент, рассматривая Израиль как временную причину своих неудач. В итоге исторические контексты, сопровождаемые разнонаправленным пониманием места и роли Голанских высот в истории Ближнего Востока, усложняли ясность проблемы и неизбежно несли в себе мощный реваншистский заряд.

В любом случае война 1973 года лишней раз доказала необходимость и стратегическое значение Голанских высот для Израиля, ибо Сирия не смогла их использовать в качестве военного плацдарма для нападения на Израиль.

Обращение Сирии к силовым действиям становится типичной линией поведения, так как отказ от нее ведет к повышению жизнеспособности Израиля, а значит, помогает ему выжить, что нарушает позицию арабского мира, его единство, против которого, разумеется, сирийская элита пойти не могла. Впервые в войне 1973 года Израиль и его противники – арабские государства – не могли больше обходиться собственными силами для решения текущих задач, не вовлекая в арабо-израильский конфликт мировые державы – США и СССР (назовем их державами – дирижерами арабо-израильского конфликта, но плохими дирижерами, так как «оркестр» не может сыгаться), которые фактически монополизировали военную мощь и политическое влияние. Безусловно, реакция мировых держав на события войны 1973 года свидетельствовала не только о глубине арабо-израильского конфликта, но и о том, что основные акторы ближневосточного конфликта не могли обходиться собственными силами и средствами для его преодоления. Возможно, действия мировых держав еще меньше благоприятствовали миру на Ближнем Востоке, который становился пространством их соперничества. Вместе с тем их действия, прежде всего дипломатические, снимали только остроту арабо-израильского конфликта, и не более того. Продолжала сохраняться ситуация, при которой война была вероятна, а мир невозможен, что дает пессимистический повод сказать о том, что арабо-израильский конфликт стал нормальным состоянием Ближневосточного региона.

В 1981 году кнессет в одностороннем порядке провозглашает суверенитет Израиля над Голанскими высотами, на которые одновременно было распространено израильское законодательство. Данное решение говорило о том, что эта территория фактически была аннексирована вопреки международному праву. Ре-

акция международного сообщества была предсказуема: международное сообщество, руководствуясь антиизраильским настроением, в том же году решением Совбеза ООН признало решение Израиля недействительным, настаивая на том, что указанная проблема должна решаться между сторонами за столом переговоров. Как указывает известный российский востоковед А.М. Васильев, «...согласиться с аннексией этой территории никакое правительство в Сирии не могло» [3, с. 467].

Неизбежно Голанские высоты переросли в дипломатический аспект проблемы, в решении которой Израиль не раз проявлял готовность к радикальным уступкам и каждый раз уступал перед сложной задачей урегулирования сирийско-израильского конфликта. Эпоха И. Рабина могла стать периодом глубокого мирного урегулирования, но этого не произошло. Полагаем, что не надо переоценивать масштабы дипломатического воздействия на урегулирование сирийско-израильского конфликта, какими бы незначительными они не были. Ни одно из них не имело ощутимого воздействия, а тем более какого-либо значения. Дадим их краткий обзор.

Итак, в 1991 году в Мадриде была созвана миротворческая конференция по Ближнему Востоку под сопредседательством СССР и США, согласие на работу в которой «...впервые дали все участники конфликта – Сирия, Египет, Иордания, Израиль и Ливан» [12, с. 372]. Известный российский востоковед Е.М. Примаков утверждает, что «несомненным достижением было провозглашение в Мадриде формулы: “территории в обмен на мир” в качестве основы всеобщего урегулирования» [12, с. 373] (добавим – его ориентира, говоря о том, как это выглядело внешне), которая не была лишена здравого смысла, так как исключала урегулирование ближневосточного конфликта любой ценой, неприемлемой в первую очередь для Израиля (израильское правительство настаивало на формуле «мир в обмен на мир»), но приемлемой для других участников конфликта – арабов.

Возможно допустить, что участники международной конференции, провозгласив подобный принцип «территории в обмен на мир» (который, на наш взгляд, не является удачным) доступным и приемлемым способом урегулирования конфликта, в полной мере не осознали ограниченность указанного принципа, который практически оставлял в стороне не менее глубокие религиозные и национальные противоречия. С этой точки зрения Мадридская конференция сделала критически мало как для урегулирования арабо-израильского конфликта, так и для сближения позиций и интересов Сирии и Израиля. Основная причина заключается в том, что дипломатия ключевых участников конференции СССР и США – мировых держав, взявших на себя химерическое бремя урегулирования арабо-израильского конфликта, отличается национальными и идеологическими разночтениями по вопросам войны и мира на Ближнем Востоке; перенесенная на поля мусульманских стран, она сохраняет свою форму, а не содержание. «Оппозиционная дипломатия» СССР и США, скорее всего, вела к упрочению (стагнации) сирийско-израильского конфликта, нежели к принципиальному повороту в направлении его урегулирования. Вместе с тем отсутствие конструктивной позиции Сирии по вопросу Голанских высот лишало страну перспектив переговорного процесса.

Отметим, что ожидания от переговорного процесса оказались значительно выше его реальных политических возможностей. Естественно, они вызвали резкое неприятие как со стороны Израиля, так и со стороны Сирии. На решение Мадридской конференции, фактически создавшей иллюзию возможности урегулирования конфликта, замкнулись нереализованные надежды со стороны Сирии. Практически переговорный процесс между Сирией и Израилем превратился в своеобразный симулятивный ансамбль слабых взаимодействий, в который все

больше погружался переговорный процесс, не имеющий точек совпадения интересов.

Нет сомнения и в том, что в то же время решение Мадридской конференции представляло собой выгодное и одновременно удобное компромиссное решение как для Израиля, так и для арабских стран – участников переговорного процесса, относящихся с подозрением друг к другу, все же отодвигая неизбежность нового военного столкновения. К тому же предложенная формула была нужна прежде всего странам-кураторам СССР и США, чтобы скрыть реальную невозможность мирного урегулирования арабо-израильского конфликта и одновременно с тем запустить новую парадигму его решения, продолжением которого станут соглашения Осло.

Логично предположить, что решение указанной проблемы возможно на пути изменения сознания различных религиозных социальных групп и в Сирии, и в Израиле. Технология этого изменения может выглядеть следующим образом: мы теряем землю, говорят сирийские арабы, но мы продвигаемся по пути Аллаха, ибо создаем условия для мира, что дело богоугодное. А в Израиле достичь мира и осуществить легитимную передачу спорных Голанских высот в свои руки можно на основе государственного межпартийного и межконфессионального консенсуса по всему спектру проблем территориального размежевания. Укажем, что ни одна политическая сила полностью не формулирует так свою позицию, но это движение представляется единственно перспективным.

Итак, какой бы привлекательной для урегулирования конфликта не казалась парадигма «территории в обмен на мир», которая изначально безусловно завораживала общественное сознание силой своего упрощения урегулирования конфликта, с ней, полагаем, нельзя согласиться однозначно. Конечно, ее достоинство заключалось в том, что она являлась в целом правильной, ибо исходила из репрезентации (констатации) реальности. Ее недостаток состоял в том, что она исключала несогласие за ее пределами, а с течением времени она все больше превращалась в своеобразное легитимное прикрытие для дальнейшей агрессии со стороны части арабского мира.

Своеобразным продолжением Мадридской конференции стали соглашения Осло (1992–1996 гг.), достигнутые после длительного переговорного процесса. Принципиальное отличие соглашений, которые нисколько не следует фетишизировать, состояло в том, что они привели к конкретному результату: в одном случае было достигнуто соглашение с палестинцами – «Израиль и ООП признали друг друга в качестве партнеров по переговорам» [10, с. 141], в другом – они заморозили конфликт Сирии с Израилем, который со временем принял застойный характер. Причем решение части палестино-израильских противоречий затеняло саму суть сирийско-израильского конфликта, который все больше отодвигался на второй план.

Государственный и политический деятель Израиля, известный далеко за пределами его страны, принимавший непосредственное участие в подготовке израильско-палестинского соглашения, Шимон Перес говорит: «Наши переговоры с сирийской делегацией были очень бурными и зачастую напоминали диспут о тонкостях Талмуда. Сирийцы поддерживали атмосферу торга, но отказывались перейти от словесных нагромождений на почву реальности. Они не были готовы обговорить условия предлагаемого мира, заявляли лишь, что будут удовлетворены миром без учреждения посольств, а также не указывали, какого типа безопасность они готовы обеспечить. Они настаивали на том, чтобы Израиль первым заявил о своей готовности уйти со всех оккупированных территорий и ликвидиро-

вать свои поселения – только тогда они будут обсуждать оставшиеся вопросы. Короче говоря, Сирия хотела достигнуть того же, чего достиг Египет в Кэмп-Дэвиде, не пройдя при этом по тому мучительному пути, который ведет к достижению цели» [11, с. 30-31]. И далее «...шансы на успех переговоров с палестинцами были не слишком велики, а ситуация с Сирией походила на гордиев узел, который никто не торопился разрубить», – подчеркивал Ш. Перес [11, с. 52]. Данный эпизод свидетельствует о том, что на переговорном процессе Израиль придерживался политики отсутствия дверей, которая исходила из важности общих интересов, несмотря на имеющиеся разногласия между сторонами конфликта, ибо само понятие двери почти всегда подчеркивает идею разделения, даже если она и открыта. В свою очередь, Сирия придерживалась принципа закрытых дверей (с учетом неготовности Израиля уйти с Голанских высот), продолжала упорно держать диалоговое окно закрытым, что подчеркивало идею разделения. Как указывает Г.И. Мирский, «...у сирийцев есть оправдание: Израиль отказывается вернуть захваченную в 1967 г. сирийскую землю – Голанские высоты» [10, с. 100]. Отметим, что такая политика редко оказывается эффективной. Единственная цель этой политики – показать, что нерешенная проблема Голанских высот нас разделяет. Самое сложное – это то, что в рамках переговорного процесса политическое руководство Сирии выдвигало условия, которые априори являлись невыполнимыми для Израиля. Безусловно, это тормозило выработку какого-либо соглашения, отсутствие которого позволяло Сирии оставаться в «зоне конфликта», что означало решать проблему высот только на своих условиях (в арабской культуре вообще принято решать проблемы строго на своих условиях).

1999–2001 годы вошли в историю как новая попытка выйти на урегулирование сирийско-израильского конфликта посредством заключения мирного договора с Сирией. Новое правительство Э. Барака, которое понимало всю глубину сирийско-израильских противоречий, чтобы строить какие-либо иллюзии, сосредоточивает свои усилия на переговорах уже не с лидером палестинских арабов Я. Арафатом, а президентом Сирии Хафезом Асадом, относительно которого существовало большое сомнение в его готовности подписать мирное соглашение с Израилем, которое в глазах арабского мира походило бы на капитуляцию, что изначально уже затрудняло подписание какого-либо соглашения. То есть Х. Асад, которому, на наш взгляд, все-таки сложно навязать определенный образ непримиримого борца с сионистским государством, предпочитал быть вместе с арабским миром, и это очень важный фактор. Важно отметить, что ранее аналогичная попытка урегулирования территориальных противоречий с Сирией была сделана правительством Б. Нетаньяху, которым в 1997–1998 гг. через американского посредника Р. Лаудера были предложены уступки по Голанским высотам. Поэтому рассматривать Эхуда Барака первым, кто предложил Сирии щедрые уступки по вопросу Голанских высот, ошибочно, что отнюдь не является категоричным высказыванием.

Несмотря на то, что у правительства Э. Барака не было в кнессете большинства, необходимого для одобрения возврата Голанских высот, тем не менее, по его мнению, для достижения мира с Сирией Израиль должен был пойти на возвращение Голан. Так, из второстепенной проблемы вопрос Голанских высот постепенно вышел на первый план. Подчеркнем, что итоги сирийско-израильского переговорного процесса так и не вышли за пределы горизонта собственных интересов, прежде всего территориальных, поиска конструктивных вариантов урегулирования конфликта.

В декабре 1999 и в январе 2000 года в США переговорный процесс Израиля с делегацией Сирии получил свое продолжение, в Шепердстауне состоялись два раунда переговоров. Как и следовало ожидать, на встрече сирийской стороной были выдвинуты категоричные требования в качестве необходимого условия для начала официальных переговоров – предельно ясно сирийской делегацией были сформулированы требования, которые включали уход Израиля с Голанских высот и его возвращение к границам, существовавшим до 4 июня 1967 года. В свою очередь, Израиль потребовал от Сирии дать гарантии на демаркацию границы 4 июня 1967 года и ее согласие на расширение полосы под контролем Израиля вдоль берега озера Кинерет. Переговорный процесс был остановлен по причине того, что глава сирийской делегации заявил: он не имеет формального права подписывать соглашение с делегацией Израиля, так как это является прерогативой президента Сирии. Понимания, что делать для урегулирования сирийско-израильского конфликта, обусловленного рядом причин, не добавилось.

Новая встреча состоялась 26 марта 2000 года в Женеве. Это была встреча сирийского президента и Б. Клинтона, на которой Хафез Асад отклонил предложения американского президента, бескомпромиссно заявив, что граница между Израилем и Сирией должна проходить по линии международной границы 1923 года между французской Сирией и британской Палестиной. Это предопределило провал переговоров с Сирией, который стал причиной возврата к палестинскому вопросу. Отнюдь не исключено, что Сирия из противника урегулирования сирийско-израильского конфликта постепенно превращалась в сложного партнера по переговорам, и американская дипломатия приложила для этого немало усилий. Отметим, что исход переговоров, в ходе которых объективно возрастает роль глав государств, был заранее предрешен, так как, во-первых, конфликт сирийско-израильских интересов не был преодолен и, во-вторых, переговоры затрагивали только территориальный аспект проблемы, что изначально ограничивало их возможности.

Антиизраильский настрой, обусловленный сохранением аннексии Голанских высот, а также открытое противостояние США стали причиной нового прагматичного этапа сближения Дамаска (заинтересованного в наращивании оборонительного потенциала) с Москвой, чья дипломатическая поддержка баасистского режима была постоянной и регулярной, что не могло не сказаться на независимом поведении (позиции) страны, несмотря на укрепление позиций сирийской политической элиты.

Как результат, конгресс США в мае 2004 года принимает антисирийские санкции. Тем не менее политическое руководство страны, в частности Башар Асад – у которого, как у любого государственного деятеля авторитарного арабского государства, говорившего одно, а делавшего другое, смеем предположить, имелась идея урегулирования сирийско-израильского конфликта как такового, но на своих условиях – дает согласие на участие в мирной конференции по Ближнему Востоку, которая состоялась в американском Аннаполисе (декабрь 2007 г.) и закончилась безрезультатно. Отсутствие результатов переговорного процесса, которое говорило о том, что Сирия провалила экзамен по урегулированию сирийско-израильского конфликта, не стало препятствием для того, чтобы в мае 2010 года с Сирией были восстановлены дипломатические отношения, а в самом Дамаске появился американский посол. Антизападный настрой президента Сирии Башара Асада безусловно тормозил, а в итоге остановил нормализацию отношений с Западом.

Между тем страна стояла на пороге «арабской весны», события которой поставили авторитарный правящий режим на грань катастрофы со всеми вытекающими отсюда последствиями – под вопросом оказался суверенитет государства. Поскольку сегодня Б. Асад, который, как любой авторитарный руководитель, несет единоличную ответственность за состояние страны и его населения, ослабил силу Сирии, вполне возможно допустить предположение, что страна им жертвует во имя обмена на мир (пусть даже и символический) и спокойствие. Несомненно, общую ситуацию усугубил внутренний раздражитель – государственное насилие, шлюзы которого открыл президент Сирии. Нельзя отрицать, что государственное насилие говорит о предельной неэффективности правящей элиты Сирии. Он соединился с внешним раздражителем – волной международного терроризма, превратившего Сирию в зону боевых действий, что не могло не ослабить правящий режим государства, который должен был безотлагательно решать внутренние и внешние проблемы, а не создавать их. Данное утверждение, возможно, вызовет возражения, но в нем есть определенная доля истины.

Однако обзор последствий не входит в задачу данной статьи. Не исключаем того, что геополитическое ослабление, а не уничтожение Сирии отвечает интересам Израиля, который на протяжении нескольких десятилетий находился в состоянии «ни мира, ни войны». Уничтожение не является приоритетом для Израиля, так как падение режима Б. Асада откроет представителям радикальных исламских группировок прямую дорогу на Иерусалим, захват которого для исламистов является богоугодным делом, как и уничтожение государства Израиль.

Логично предположить, что конец иллюзий и надежд на подписание договоренностей с Сирией стал причиной отказа Израиля от формулы, предполагающей обмен занятых территорий на признание и мир. Т.А. Карасова справедливо отмечает, что «израильское правительство не выражает заинтересованности в переговорном процессе, результатом которого могло бы стать возвращение территорий...» [7, с. 33]. Приходится констатировать очевидный факт: в частности, по разным причинам Голанские высоты временно потеряли для Израиля переговорную ценность (требования Сирии не вписываются в представления Израиля), особенно учитывая сложное современное состояние Сирии, также не проявлявшей особой инициативы в урегулировании вопроса Голанских высот по разным мотивам (например, избегание факта военного столкновения с Израилем с неясными последствиями), которое в настоящий момент ставит под сомнение достижение любых договоренностей по территориальному вопросу. Для Израиля, указывает А. Эпштейн, «возможный уход с территорий потерял свое главное практическое и моральное оправдание» [15, с. 244].

В настоящее время замороженный переговорный процесс, находящийся в состоянии застоя, неожиданно инициирован американской стороной в форме так называемой «сделки века», которая, возможно, является отчаянной попыткой убедиться в том, что урегулирование конфликта еще возможно. Отметим, что в европейской традиции сделка имеет двойную коннотацию: во-первых, это что-то закулисное, приватное; во-вторых, результат переговоров всегда близок к политическому блефу – игре с рисковыми результатами. Напротив, в американской культуре она представляет тактический результат одного из этапов стратегического процесса. Каждый этап заканчивается сделкой, которая имеет характер джентльменского соглашения. Гарантия в сделке – всегда деньги или иные оцениваемые ресурсы. Иными словами, урегулирование конфликта должно осуществляться на основе формулы «деньги в обмен на мир». Арабское понимание

сделки состоит в том, что по Корану она заключается на десять лет, а потом может быть расторгнута, прервана. Сделка с неверными может быть недействительной, носить внешнюю оболочку действительности. На деле это часто Такийя, то есть ложь, позволенная с неверными, но не позволительная с истинными мусульманами, с теми, кто истинно уверовал в Аллаха и его пророка. Однако в сделке, в отличие от переговоров, не возникает формальных обязательств. Можно считать это ее недостатком, так как интересы сторон, в частности Израиля и Сирии, не гарантированы.

Нельзя не отметить, что сегодня определяющим моментом в израильско-сирийском конфликте остается движение к неизвестному результату с точки зрения будущей судьбы Голанских высот, ибо с ними в сирийском обществе прочно отождествляется тема борьбы, сопротивления и противостояния с сионистским государством. Не исключено, что фактор Голанских высот будет сопряжен с идеей реванша в любой его форме. Одновременно надо сказать и о том, что перед Израилем и Сирией стоит задача превратить неявные взаимодействия в мощную систему новой дипломатии, направленной на разрешение коренного вопроса – Голанских высот. Для этого политические элиты должны выступить провоцирующим источником слабого взаимодействия сторон, а именно поддержать Асада в его интересе указать на дверь Ирану и Хезболле, что прямо он сделать не может без опоры на Израиль.

Учитывая все изложенные факты, нельзя не прийти к следующим выводам. Акцентируем внимание на том, что сегодня следует помнить, что Голанские высоты, идея возврата которых не умерла, – это земля притязаний со стороны Сирии, которая отошла к Израилю прежде всего в результате войны 1967 года, и всякие сравнения в этом вопросе неуместны. Она по-прежнему остается частью злободневного настоящего в сирийско-израильском конфликте. Как следствие, нормальность межгосударственного взаимодействия утрачена, полагаем надолго. Целью Сирии по-прежнему остается возврат Голанских высот, без каких-либо ответных обязательств Израилю – продолжать не примиряться и не признавать его. Возможно, что одним из проявлений урегулирования сирийско-израильского конфликта станет постепенное уменьшение роли и значения каких-либо непрекращаемых рамочных формул, которые постепенно превращаются в догмы, неверно отражая ситуацию (напомним, что арабы хотят не только территории, но и стремятся к уничтожению Израиля, в том числе и через его истощение). С учетом того, что интересы Израиля не совпадают с интересами Сирии, тем не менее большой объем пересечений между этими государствами дает возможность для развития двусторонних отношений вопреки тому, что время достичь договоренностей давно прошло. Важно отметить, что проблема прошлого и настоящего в сирийско-израильских противоречиях себя исчерпала; наоборот, интересна проблема будущего в данном вопросе. Поэтому полагаем, что пока преждевременно делать какие-либо окончательные выводы. И последнее: знание истории сирийско-израильских отношений способствует лучшему пониманию проблемы Голанских высот, вставшей перед государствами во второй половине XX века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арон Р. История XX века: Антология. – М.: Ладомир, 2007. – 1105 с.
2. Богданович К. Международное право и право Государства Израиль. URL: <https://maxpark.com/community/2342content/770532>

3. Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. – М.: Центрполиграф, 2018. – 670 с.
4. Гейзель З. Политические структуры Государства Израиль. – М.: Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2013. – 664 с.
5. Гойтейн Ш.Д. Евреи и арабы. Их связи на протяжении веков. – Иерусалим; М.: Гешарим / Мосты культуры, 2016. – 256 с.
6. Гордис Д. Израиль: история государства. – М.: Мосты культуры, 2018. – 488 с.
7. Карасова Т.А. 70 лет Государству Израиль. Достижения и проблемы / Государство Израиль: путь длиною в 70 лет: Сб. науч. трудов. – М.: МГИМО-Университет, 2019. – 230 с.
8. Киссинджер Г. Мировой порядок. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 512 с.
9. Gilbert Martin. Israel: A History. – New York: Harper Perennial, 1998. – P. 393.
10. Мирский Г.И. Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 163 с.
11. Перес Ш. Новый Ближний Восток. – М.: Прогресс; Гамма, 1994. – 240 с.
12. Примаков Е.М. Годы в большой политике. – М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999. – 448 с.
13. Черчилль Р. и У. Шестидневная война. Июнь 1967-го. – М.: Мосты культуры, 2019. – 272 с.
14. Шумилин А. С высоты Трампа. Новая газета на Урале. – № 33. 28.03.2019.
15. Эпштейн А.Д. Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться. – М.: Мосты культуры, 2008. – 287 с.

REFERENCES

1. Aron R. History of the XX century: Anthology. M.: Lodomir, 2007. 1105 p.
2. Bogdanovich K. International law and the law of the State of Israel. [https:// max-park.com/community/2342content/770532](https://max-park.com/community/2342content/770532)
3. Vasiliev A.M. From Lenin to Putin. Russia in the Near and Middle East. M.: Tsentrpoligraf, 2018. 670 p.
4. Geisel Z. Political structures of the State of Israel. M.: Jerusalem: Bridges of culture, Gesharim, 2013. 664 p.
5. Goitein Sh.D. Jews and Arabs. Their ties have been going on for centuries. Jerusalem; M.: Gesharim / Mosty kultury, 2016. 256 p.
6. Gordis D. Israel: history of the state. M.: Mosty kultury, 2018. 488 p.
7. Karasova T.A. 70 years of the State of Israel. Achievements and problems / The State of Israel: a path of 70 years: collection of articles. scientific. works. Moscow: MGIMO-University, 2019. 230 p.
8. Kissinger G. World order. M.: Publishing house AST, 2015. 512 p.
9. Gilbert Martin. Israel: A History. New York: Harper Perennial, 1998. P. 393.
10. Mirsky G.I. Islamism, transnational terrorism and Middle Eastern conflicts. M.: Publishing house. House of the State University Higher School of Economics, 2008. 163 p.
11. Perez S. New Middle East. M.: Progress; Gamma, 1994. 240 p.
12. Primakov E.M. Years in big politics. M.: Collection "Top secret", 1999. 448 p.
13. Churchill R. and W. The Six Day War. June 1967. M.: Bridges of culture, 2019. 272 p.
14. Shumilin A. From the height of Trump. New newspaper in the Urals. No. 33. 28.03.2019.
15. Epshtein A.D. Israel and (un)controlled territories: you can't stay away. M.: Mosty kultury, 2008. 287 p.

Информация об авторах: Абрамов Сергей Михайлович, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Управление персоналом», ФБГОУ ВО «Уральский государственный горный университет»,
г. Екатеринбург, Россия
abramowwwsm@mail.ru

Акулов Сергей Александрович, старший преподаватель кафедры «Управление персоналом» ФБГОУ ВО «Уральский государственный горный университет»,
г. Екатеринбург, Россия
<sergei1954akulov@rambler.ru>

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Sergey M. Abramov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Departament of Personnel Management, Ural State Mining University, Ekaterinburg, Russia
abramowwwsm@mail.ru

Sergey A. Akulov, Senior lecturer of Personnel management sub-faculti of the Ural State Mining University,
Ekaterinburg, Roussia
sergei1954akulov@rambler.ru

The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 07.06.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 21.06.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 25.06.2021

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов./ The authors declare no conflicts of interests

© Абрамов С.М. 2021
© Акулов С.А. 2021
© «ИСОМ». 2021

Социология культуры, духовной жизни
Sociology of culture, spiritual life

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-95-104

УДК 316.7

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ
И УТРАЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТУРОК-АХЫСКА С ДВОЙНЫМ
ГРАЖДАНСТВОМ**

Расим Байрактар

Университет Гиресун

г. Гиресун, Турция

<https://orcid.org/0000-0002-7576-8183>

rbayraktar@hotmail.com

Анотация. Социально-культурный анализ основ гражданства (национального и межнационального) более 500 тысяч турок-ахыска, проживающих в девяти различных странах (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Россия, Украина, Грузия, Турция и США), показывает, что такое явление в условиях современности имеет огромное значение. В этой статье поставлена цель рассмотреть этнические, культурные, религиозные, политические победы, а также утраченные возможности основ межнационального гражданства, которые имели для турок-ахыска двойное значение.

В связи с этим в статье автором обращено особое внимание на вопрос об ослаблении сознания национальной принадлежности молодежи ахыска, отношение ее к языку, религии, истории страны (родины), единства наследия, сложившейся ситуации в условиях современной повседневности. Таким образом, анализируются как положительные, так и отрицательные последствия мультикультурной социальной среды в странах, где проживают турки-ахыска.

Ключевые слова: социально-культурное гражданство, межнациональное гражданство, социальная технология, наследие, турки-ахыска

Для цитирования: Байрактар Р. Социокультурные и религиозные приобретения и утраченные возможности турок-ахыска с двойным гражданством // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Том. 13, № 3. С. 95-104
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-95-104

Original article

SOCIO-CULTURAL AND RELIGIOUS VICTORIES AND LOST OPPORTUNITIES AHYSKALA TOURS WITH DOUBLE CITIZENSHIP

Rasim Bayraktar

Giresun University

Giresun, Turkey

<https://orcid.org/0000-0002-7576-8183>

rbayraktar@hotmail.com

Abstract. Socio-cultural analysis of the foundations of citizenship (national and international) of more than five hundred thousand Akhysk Turks living in nine different countries (Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Russia, Ukraine, Georgia, Turkey and the United States) shows what such a phenomenon is in the conditions of our time is of great importance. This article aims to consider ethnic, cultural, religious, political victories, as well as the lost opportunities of the foundations of interethnic citizenship, which had a double meaning for the Turks of Akhisk. In this regard, in the article, the author pays special attention to the issue of the weakening of the consciousness of the nationality of the youth of Akhysk, their attitude to language, religion, history, country (homeland), the unity of heritage, the current situation in the conditions of modern everyday life. Thus, both positive and negative consequences of the multicultural social environment in the countries where the Turks of Ahisk live are analyzed.

Keywords: socio-cultural citizenship, interethnic citizenship, social technology, heritage, Turks of Ahiska

For citation: Bayraktar R. Socio-cultural and religious victories and lost opportunities Ahyskala Tours with double citizenship. *Historical and Social-Educational Idea*. 2021. Vol. 13. No.3. PP. 95-104. (In Russ.)
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-95-104

Введение. Такие темы как межнациональная миграция, межнациональное сообщество и межнациональное гражданство, являются новыми для социальной науки. Незнученность этой актуальной проблемы в историографии Турции показывает недостаточно проявляемый академический интерес к данным вопросам. В настоящей публикации поставлена цель сфокусироваться на изучении вопроса, предпринята попытка рассмотреть и ответить на такие аспекты проблемы, как сущность межнациональной миграции, ее последствия, разобраться, каким образом осуществляется данный социальный процесс.

В изложении материала автор опирается на принцип констелляции. Это позволяет привлекать для раскрытия темы разные акторы (действующие субъекты), другие составляющие (военная, гражданские службы, разного рода события), в совокупности направленные на раскрытие заданной темы.

В конкретном случае автор, прибегая к принципу констелляции, показывает, каким образом турки-ахыска с учетом имеющихся религиозных приобретений и

неиспользованных возможностей реализуют свое межнациональное двойное гражданство.

В социологической литературе проявление межнационального гражданства в основном рассматривается в контексте понятий «миграция», «культура», «этнос» и «религия». С приобретением оседлости в 1980-х внимание было обращено на культурную идентичность и такие понятия, как «гостевой работник» или «переселенец». Основное внимание стали придавать формированию этнических сообществ, культурным особенностям этих сообществ, влиянию идентичности мигрантов. Была предпринята попытка обратить внимание и ответить на вопросы: почему мигранты поощряют и поддерживают миграцию в принимающих и эмиграционных странах, каким образом возникают миграционные сети. В публикации анализируется как раз то, какими путями осуществляется межнациональное гражданство (двойное или более), создаваемое миграционными сетями, которые, пересекая границы того или иного национального государства, восстанавливают на их территории одновременно свою жизнь во многих обществах (Toksöz, 2006: 21-23).

Недорогие и доступные перемещения с развитием современных технологий и широким использованием технологических коммуникационных инструментов способствуют выживанию мигрантов или сообществ мигрантов, не принадлежащих одной стране или одной нации. Такие сообщества участвуют в политической, экономической, культурной и религиозной деятельности. Тем самым они стремятся защитить свою идентичность, пребывая на территории других государств, куда они мигрируют, и связать свою деятельность со странами происхождения (Unat, 2006: 316).

А. Портес, известный эксперт по миграции, описывает межнациональные действия в процессе миграции следующим образом: «Действия, которые выходят за пределы границ и отнимают у участников регулярное и значимое время. Такая деятельность может осуществляться влиятельными субъектами, в частности такими как представители национальных правительств и межнациональных корпораций, а также мигрантами и их родственниками (или более скромными лицами). Эти виды деятельности не ограничиваются экономикой, но могут включать политические, культурные и религиозные инициативы» (Unat, 2006: 317).

По приведенному определению А. Портеса, не все мигранты являются межнациональными мигрантами. Чтобы использовать этот термин, мигрант или частное лицо развивали семейную, социальную, политическую, экономическую, культурную и религиозную деятельность за пределами двух или более государств. Здесь важно то, что межнациональная деятельность охватывает значительную часть жизни человека в двух и более странах одновременно. Такие общины борются за свое культурное наследие и духовные ценности в странах, куда они мигрируют.

Именно по этой причине они требуют постоянного национально-духовного служения, которое практикуется в странах происхождения, или сохранения самобытной культуры. Таким образом, они живут одновременно в обеих странах, не разрывая в национальном сознании и на практике связей с исторической родиной и материнской культурой. Действительно, можно привести примеры межнационального гражданства многих мигрантских идентичностей: турок и курдов в Европе, групп из бывшей социалистической Югославии в Австралии, китайских рабочих по всему миру, сообществ мигрантов индийского происхождения. Эти группы (межнациональные мигранты или межнациональные граждане) стали как бы

собственностью государств пребывания, адаптированы в этих странах и интегрированы в их социум (Özgür, 2018: 1-35).

С точки зрения деятельности межнациональных мигрантов из новейшей истории Турции можно привести следующие примеры. С 1950-х годов это была мигрирующая гражданская позиция турецких семейств в качестве гастарбайтеров в европейские страны из Турции (2005), с 1980-х годов – в балканские страны (Болгария, Албания, Босния и Герцеговина) в связи с вынужденной миграцией в Турцию (Baklacioğlu, 2010 / Ulutürk, 2017). Эти семьи мигрантов первоначально поселились в государствах, куда они временно мигрировали и где получили статус межнационального гражданства. В современных условиях это семьи, мигрировавшие из Турции в страны Европы, а также в Турцию из Балканских стран. Они последовательно сохраняют свое культурное наследие, не теряют связь с исторической родиной.

В этом контексте миграционные сети создаются иммигрантским статусом турок-ахыскал, которые были подвергнуты принудительной миграции в истории и живут в более чем одной стране, являя собой одновременно пример межнационального гражданства. Турки-ахыскалы, в которых Сталин видел один из опасных народов во время Второй мировой войны, были высланы в ноябре 1944 г. из Грузии / Ахыски в республики Средней Азии. Турки-ахыскалы, которые жили в разных регионах до советского распространения, были подвергнуты в 1989 г. второй вынужденной миграции (из Узбекистана в Россию, Украину, Северный Кавказ, Азербайджан) (Buntürk, 2007: 173-222).

После распада Советского Союза много семей, мигрировавших из Российской Федерации и Туркестана (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Азербайджан) в Турцию в 1990 г., стали обладателями двойного гражданства. В странах, куда они мигрировали, семьям удалось сохранить свою культурную самобытность, даже если они не имели таких же жизненных пространств и экономических возможностей, как местные жители (Bayraktar, 2013: 70-85).

В 1960-х годах началась организационная деятельность по поддержанию своей этнической и культурной самобытности в соответствии с этнической политикой, сохраняя опыт изгнания и верность своей родине Ахыске, поддерживая уважение к своей элите, выполняя традиционные ритуалы, связанные, в частности, с рождением, обрезанием, свадьбой, смертью. Религиозные праздничные дни и ночи, уход за детьми эффективно защищали национально-духовные ценности семьи (Байрактар, 2013: 109-126 / 2016: 279-290).

В этом контексте могут быть даны следующие определения, когда культурное наследие ахыскал описывается формулой приобретений и утраченных возможностей.

Приобретения. В рамках ограниченных прав, предоставленных им странами, на территорию которых была осуществлена их депортация, они достигли эффективного социального статуса прежде всего в сферах образования и экономики. Они реализовали себя в области образования как преподаватели социальных и естественных наук (общественные науки: история, литература, русский язык; география), учителя математики, химии, физики, биологии; в здравоохранении – как медсестры и акушерки, ветеринары и терапевты; в сельскохозяйственном секторе – как агрономы, инженеры (водное хозяйство, пищевая промышленность и экологическое проектирование); в строительном секторе – как специалисты по

дорожному и гражданскому строительству. Во всех названных сферах они проявили свои лучшие черты. Сказывалось их влияние и на развитие колхозных (совхозных) хозяйств советской системы. Применяя свой опыт в сельском хозяйстве и животноводстве, приобретенный еще в Ахыске, они внесли свой вклад в агротехнику и развитие животноводства. В пищевом секторе они трудились на производстве и переработке мясных и молочных продуктов. За короткий срок они заняли исключительное место среди колхозов по региону и стране.

- Трудолюбие поколений во всех сферах общественной жизни (образование, здравоохранение, сельское хозяйство) дало им статус трудлюбивых и надежных граждан в глазах местных властей и общества. Взаимная гармония семей с коренными народами быстро усилила развитие добрососедских отношений. Семьи оказывали друг другу моральную поддержку в решающие моменты жизни (рождение, свадьба, смерть и т.д.). Таким образом, обе стороны (коренные и иммигрантские семьи) взаимно признали традиционные семейные традиции друг друга и приращивали новым содержанием свою совместную жизнь.

- В странах, куда они были депортированы, в коммунистической системе образования, предоставляемой гражданам советской администрацией, они были подвержены определенному давлению. В этот период (48 лет) язык ахыскинцев развивался по оси турецких диалектов, плюс одновременное влияние русского языка. Языки двух поколений в первые годы депортации, отличались частично. Это обуславливалось тем, что турки проживали в Узбекистане, Кыргызстане, Казахстане, затем в Азербайджане, на Северном Кавказе (Кабардино-Балкарская Республика), в Ставропольском крае, Ростовской области, других субъектах Российской Федерации (Волгоградская и иные области). Тюркские диалекты и русский язык повлияли на диалект ахыскинцев, родным языком которых оставался турецкий. Семьи, которые говорили на русском или узбекском, кыргызском, казахском, азербайджанском и других тюркских языках вне дома, в значительной степени сохраняли свой родной язык. Сказалось старание говорить по-турецки в домашней обстановке.

- Они сохранили чувство принадлежности и этнокультурной идентичности в странах проживания. В повседневной жизни они сохранили также историю родины Ахыски. В контексте устной культуры семьи сохранили свою семейную смекалку, осознание родословной с помощью своего уникального стиля (номенклатуры – Ниманзаделер, Одабашлар, Атабеклер и т.д.) и передавали этот уникальный стиль следующим поколениям.

- Семьи предпочитают одну и ту же форму эндогамии (брака), основанную на одной и той же линии – язык, религия, культурная принадлежность в браках, чтобы можно было защитить себя как от физических угроз, так и от культурной разобщенности. Все виды традиционных моментов (обрезание, брак, помолвка, свадьба) проводились при консультации старейшин с аксакалами и аклечеками. Решение старейшин уважалось, и браки в основном устраивались при помощи посредников¹.

- Несмотря на то, что турки из Ахыски жили в разных странах, ханафитский мазхаб сохранил свою идентичность. Продолжали читать взятые из Ахыски Священный Коран и молитвенники, особенно в важные для семьи моменты. Они позаботились о том, чтобы, по крайней мере, один человек в каждой семье мог

¹ Это обычная традиция в туркестанских обществах (браки по таким социологическим характеристикам, как род, племя, секта, социальный класс, деревня).

научиться читать Коран. Во время Рамадана они читали Коран и молились. Каждая возрастная группа в семье принимала участие в праздничных молитвах (Рамадан и Курбан). У них не было никаких разногласий между поколениями или семьями по поводу религиозных обязанностей (Erten, 2014 / Bayraktar, 2015: 343-367).

- Хотя мыслители, лидеры общественного мнения находились под государственным контролем, тем не менее они создавали некие организации для реабилитации, связанной прежде всего с возвращением их на историческую родину. В их числе Турецкий союз защиты национальных прав (1961), Временный организационный комитет по независимости (1964–1988), Временное организационное учреждение (1988–1990), Сообщество турок-ахыска Советского Союза (1991–1992), Международное общество турок-месхетинцев «Ватан» (1992). Именно через эти организации они старались реализовать свои политические и правовые требования органам коммунистического режима. После распада Советского Союза они поставили дело о возвращении на родину Ахыска на международные платформы (Европейский союз, Совет Европы, платформы ООН и ОБСЕ) (Buntürk, 2007: 256-266).

- После 1992 г. Российская Федерация, государства Средней Азии (бывшие советские республики – Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан) и государства Кавказа начали практиковать экспорт в политической и коммерческой областях, открывать новый рынок для международной торговли. В этой ситуации определенную роль в устранении преград в человеческом общении стало играть знание туркестанских диалектов и русского языка как языка межнационального общения. Это позволяло обеспечивать поток торговли между названными странами. Ахыскалы в международных коммерческих партнерских сферах занимали должности координатора, переводчика, консультанта.

- Сегодня семьи возглавляют сельскохозяйственный и животноводческий сектор регионов, в которых они проживают, обогащая профессию, связанную с земледелием и скотоводством. Этим навыкам в различных географических регионах они научились у предков. В аграрной сфере они успешно занимаются садоводством (выращивание сезонных фруктов: яблоки, груши, виноград и т.д.), а также выращиванием таких культур, как картофель, лук, дыни, арбузы и др. Получило распространение тепличное хозяйство и пчеловодство. В животноводстве они разводят крупный рогатый скот и овец, также таких видов птиц, как курица, индейка, утка и гусь. Они производят молоко, масло и сыр. Таким образом, они играют важную роль в удовлетворении потребностей в продовольствии, например в местных фруктах и овощах, мясе и молочных продуктах.

Следует отметить, что в 1992 г. с распадом Советского Союза ахыскинские турки, проживавшие в странах советского блока, расширили каналы своих связей с внешним миром. В научных трудах отмечается, что на них оказывает положительное влияние мультикультурная среда в странах проживания. Она, как правило, оказывают негативное воздействие.

Результаты в контексте потерь заключаются в следующем.

Утраченные возможности. В связи с тем, что наше молодое поколение воспитывается далеко от существующих национальных традиций, наблюдается тенденция ослабления у молодежи уважения к исторической родине и всему, что

связано с ней (семейным ценностям, родству). Большинство из них слишком невежественны и не заинтересованы в том, чтобы идентифицировать общество, к которому они принадлежат (Ахыска), и они идентифицируют себя со страной, гражданами которой являются.

- В современных условиях существуют серьезные проблемы с браками ахыскинских семей, проживающих на Украине, в республиках российского Кавказа (Кабардино-Балкарская, Чеченская, Ингушская республики, Краснодарский край, Ставропольский край, Ростовская и Волгоградская области и др.); имеют место браки с другими религиозными (христианскими) или этническими общностями, такими как русские, украинцы, кабардинцы, балкарцы. Парни совершают выбор невесты, несмотря на этническое или религиозное положение девушки, тогда как у мусульманских девушек выбор мужа делается строго по религиозному принципу (кабардинец или балкарец) (Akkieva, 2016: 47-61). Обе ситуации указывают на то, что осознание принадлежности и идентичности предков и религии ослаблено в молодом поколении.

- Современные семьи, живущие в Казахстане, России, на Украине, предпочитают использовать в своих повседневных разговорах русский язык, который является социально доминирующим языком. Здесь опасно то, что разговоры, которые начинаются на турецком языке, бессознательно заканчиваются на русском языке (Ersöz, 2016: 3-20). Более того, число молодых людей, которые не говорят по-турецки, считают русский язык своим родным и принимают его, растет день ото дня.

- Инновации в музыкальной и развлекательной культуре, в дополнение к традиционным свадебным инструментам и композициям, свидетельствуют о том, что культура развлечений в западном стиле, вызванная современной жизнью и социальными технологиями, получает широкое распространение. На свадьбах исполняются русские песни. Предпочтительной на практике остается и танцевальная музыка (поп, рок, электронная музыка) (Güzeloğlu. 2018: 62-71; 157). Это приводит к забвению традиционной музыки и распространению современной музыки в ближайшем будущем.

- Особые торжественные моменты семьи (день рождения, обрезание, свадебные столы, жених и невеста танцуют на свадьбе, конвой с роскошным автомобилем невесты) без разрешения переносится в интернет-среду, что означает пренебрежение частной жизнью отдельных лиц и семей.

- Вредные привычки, такие как алкоголь, сигареты, наркотики и азартные игры, становятся все более распространенными в средних и младших возрастных группах (Ниязов, 2015: 377-389). Основными причинами этих незаконных привычек являются общение в мультикультурной среде и современные технические средства (компьютеры и смартфоны). Эта ситуация показывает слабый родительский контроль.

- После распада Советского Союза исламские фундаменталистские секты и конгрегации, действующие в таких странах, как Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, на Северном Кавказе (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Чеченская и Ингушская республики, Краснодарский край, Ставропольский край), Украина, получили широкое распространение. Такие секты и запрещенные организации, как Хизбут-Тахрир, действующая в странах Туркестана, община моджахедов Центральной Азии, Исламское движение Узбекистана, Исламская партия Восточного

Туркестана (Çağlar, 2018: 71-85) и другие сектантские структуры (или распространение различных публикаций, принадлежащих сектам), вызывают серьезные дискуссии в обществе. Эта ситуация свидетельствует о том, что коренные народы, как и семьи ахыскинцев, пришли к различным исламским интерпретациям – мазхабным и религиозным дебатам. После 2000 г. Ассоциация «Ватан» утратила свою прежнюю авторитетную репутацию. Это объясняется тем, что общество «Ватан» не смогло установить связь в координационной работе с созданными в Турции такими организациями, как диаспора ахыскинцев, Федерация диаспор ахыскинцев и Международное общество турок-ахыска. Таким образом, все организации не могут организованно координировать всю информацию по вопросу ахыскинцев. Лица, являющиеся членами общественной организации Ахыска, представители организаций или свободные авторы продвигают всевозможные проблемы наших людей в социальные сети, что вызывает необоснованные комментарии и дискуссии. Они способствуют информационному загрязнению социальных сетей через праздный диалог. Таким образом, двойной полемикой защиты они порочат память своих предшественников и подрывают достоинство представителей общественных государственных организаций (ОГО) на национальном и международном уровнях.

- Исследования, проводимые в академической сфере по социологическому анализу в области истории, литературы, теологии и миграции, получили широкое распространение. Исследования по национальному, международному праву и политическим наукам ограничены. Кроме того, опубликовано большинство исследований на турецком языке, а количество иных публикаций, например на русском или английском языках, крайне мало. Точно так же очень мало научных работ, переведенных с других языков на турецкий. Таким образом, академическое сообщество демонстрирует незаинтересованность в теме Ахыска и проявляет пассивное (или безразличное) отношение к публикациям в национальной / международной литературе.

Заключение. Принятие межнационального гражданства, возможность легко изменить статус гражданства или приобретение двойного гражданства – это во многих странах всего лишь сон. Однако социальные реалии меняют и социальную структуру, вынуждают страны апеллировать к нормативному регулированию законодательства. Фактически постоянное присутствие мигрантов, вынужденных временно поселиться по политическим и экономическим причинам в том или ином государстве, обусловило формирование этнических общин.

Часто неудачная адаптационная и интеграционная политика мигрантов, отказывающихся от их этнических и культурных особенностей и становящихся неотличимой составляющей сообществ, в которых они проживают, приводит правительства к политике двойного или межнационального гражданства. В этой политике этнические и культурные различия признаются и допускаются. При этом предполагается, что мигрантам будут предоставлены равные права во всех сферах жизни общества, если их попросят защитить некоторые базовые ценности, невзирая на их различия.

Европейские страны, которые в прошлом признавали равные права на многие условия, теперь позволяют мигрантам второго и третьего поколения, родившимся в стране, стать прямыми гражданами (без каких-либо условий). Это обеспечивает преемственность в статусе межнационального гражданства мигрантов.

Хотя политика межнационального гражданства в странах, по-видимому, и является позитивной для мигрантов, эта ситуация ставит новые задачи перед общинами, имеющими миграционный статус. Например, чтобы иметь возможность представлять себя в национальном и межнациональном гражданстве, ахыскинцы должны иметь возможность передавать свое культурное наследие (родословную, язык, религию, историю, память о родине, наследственное сознание) новым поколениям, сохранять свои этнические и социально-культурные характеристики. В противном случае они неизбежно утратят свою идентичность (идентичность происхождения и религии).

REFERENCES

1. Akkiyeva Svetlana. Kabardin Balkarya'da Ahıskalı Türkler: Demografik ve Etnokültür Gelişim. – Nalçık, 2016. – С. 180.
2. Baklacioğlu Nurcan Özgür. Yugoslavya'dan Türkiye'ye Göçlerde Arnavutlar 1920 – 1990. – İstanbul: Derin Yayınları, 2010.
3. Bayraktar Rasim. Eski Sovyetlerde Türk Kimliği. – Ankara: Berikan Yayınevi, 2013.
4. Bayraktar Rasim. Zorunlu Göçten Ulus-Ötesi. – Yurttaşlığa, Hitit Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi. – 2013. – C. 12, sayı: 24. – С. 109-126.
5. Bayraktar Rasim. “Ahıskalıların Dindarlık Durumları” / Uluslararası Ahıskalı Türklerin Hukuki ve Sosyal Sorunları Sempozyumu 14-15 Nisan 2014, Edt: Rasim Bayrakta. – Ankara: Astana Yayınları, 2015. – С. 343-367
6. Bayraktar Rasim. “Ulus-ötesi Yurttaşlık Kimliğine Sahip Ahıskalı Türkler” / Giresun Üniversitesi Karadeniz Sosyal Bilimler Dergisi. – 2016. – Yıl 8, Sayı 14. – С. 279-290.
7. Buntürk Seyfeddin. Rus Türk Mücadelesinde Ahıska Türkleri. – Ankara: Berikan Yayınevi, 2007.
8. Çağlar Aytaç. “Kazakistan'da Devlet Dini Yaşam ve Sivil Toplum” / Uluslararası Afro-Avrasya Araştırmalar Dergisi, Sayı: 2, 2018. – С. 71-85.
9. Ersöz Serpil. “Ahıska Türkleri ve Dilleri”, Tehlikedeki Türk Dilleri II A, Edt: Süer Eker-Ülkü Çelik Şavk. – Ankara-Astana, 2016. – С. 3-20.
10. Eten Hayri. Diasporada Dini Yaşamak Azerbaycan Ahıska Türkleri Örneği. – Konya: Palet Yayınları, 2014.
11. Güzeloğlu Cemile. Kazakistan'da Çimkent Bölgesinde Sürgünde Yaşayan Ahıska Türklerinin Kültür Çatısı: Doğum, Düşün, Ölüm Adetler. – Ankara: Gece Akademi Yayınları, 2018.
12. Niyazov Ahmet. “Azerbaycan'da Ahıskalı Türklerin Dindarlık Durumu”, Edt: Rasim Bayraktar, Uluslararası Ahıskalı Türklerin Hukuki ve Sosyal Sorunları Sempozyumu. – Ankara: Astana Yayınları, 2015. – С. 377-389.
13. Özgür Ertuğrul Murat. “Küresel Göçün Sosyo-Mekansallığı: Ulusötesi Mekanlar / Yerelötesi Yerler, Topluluklar ve Kimlikler” // Coğrafi Bilimler Dergisi. – 2018. – № 16/1. – С. 1-35.
14. Perşembe Erkan. Almanya'da Türk Kimliği. – Ankara: Araştırma Yayınları, 2005.
15. Toksöz Gülay. Uluslararası Emek Göçü. – İstanbul: İstanbul Bilgi Üniversitesi Yayınları, 2006.
16. Unat Nermin Abadan. Bitmeyen Göç/Konuk İşçilikten Ulus-ötesi Yurttaşlığa. – İstanbul: İstanbul Bilgi Üniversitesi Yayınları, 2006.
17. Ulutürk Rafet. Bulgaristan Türkleri Kimlik Mücadelesi. – İstanbul: Dinç Ofset, 2006.

Информация об авторе: Расим Байрактар, доктор социологии, факультет исламских наук, кафедра социологии религии, Университет Гиресун, г. Гиресун, Турция
rbayraktar@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7576-8183>

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author: Rasim Bayraktar, Doctor of Sociology, Faculty of Islamic Sciences, Department of Sociology of Religion Giresun University, Giresun, Turkey
<https://orcid.org/0000-0002-7576-8183>
rbayraktar@hotmail.com

The author has read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 23.05.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 14.06.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 20.06.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

Социология культуры, духовной жизни
Sociology of culture, spiritual life

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-105-112

УДК 316.334.52

COMMUNICATION FEATURES IN ONLINE AND OFFLINE SPACES

Anrieta A. Karapetyan

Yerevan State University, Department of Sociology, Yerevan, Armenia

anrieta.karapetyan@ysumail.am

Abstract. No other media has become so popular in such a short period of time as online, which mainly serves for the purpose of communication. Online communications have the potential to fundamentally change the character of our social lives on all levels of social interactions. This article represents an attempt of discussing pros and cons of the online communication compared to the offline ones, and including functional as well as cultural components such as habits, usefulness, as well as specific cases affecting the gradual and immediate shift from the offline to the online communication (like COVID-19 pandemic). Online communication spaces provide ample opportunities for self-representation, convenience and compliance, easy connectivity from every place in the world, it is time-consuming and costly. It is widely used in all areas of everyday life. At the same time participants of online communication need nonverbal communication and those all-important social signals, which make communication more efficient. Despite the number of advantages, online communication still cannot completely replace the offline ones.

Keywords: communication, online and offline, social media, mass media, verbal and nonverbal communication.

For citation: Karapetyan A.A. Communication features in online and offline spaces. *Historical and Social-Educational Idea*. 2021. Vol. 13. No.3. PP. 105-112. (In En.)
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-105-112

Научная статья

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ В ПРОСТРАНСТВАХ ОНЛАЙН И ОФЛАЙН

Анриета Араиковна Карапетян

Ереванский государственный университет, факультет социологии

Ереван, Армения

anrieta.karapetyan@ysumail.am

Аннотация. Ни одно другое средство массовой информации не стало таким популярным за такой короткий промежуток времени, как Интернет, который широко используется именно в коммуникативных целях, вытесняя коммуникацию в реальном пространстве и времени. Виртуальная коммуникация способна коренным образом изменить характер жизни общества на различных уровнях, включая межличностное общение, профессиональную, образовательную деятельность. В статье предпринята попытка анализа вероятности замещения коммуникации офлайн виртуальными формами, с обсуждением преимуществ и ограничений обеих форм. Онлайн-пространство предоставляет широкие возможности для самопрезентации, удобства в общении, обучении, для легкого подключения из любой точки мира. В статье анализируются факторы, способствующие постепенному, а также скачкообразному переходу от офлайн к онлайн коммуникации (такие, как пандемия Covid-19). Вместе с тем, участники онлайнкоммуникации все еще нуждаются в элементах традиционной коммуникации, делающей межличностное и профессиональное общение более полноценным и эффективным. Таким образом, несмотря на ряд преимуществ, виртуальные коммуникации все еще не готовы заместить коммуникацию офлайн.

Ключевые слова: коммуникация, пространство онлайн и офлайн,, социальные медиа, СМИ, вербальная и невербальная коммуникация.

Для цитирования: Карапетян А.А. Особенности коммуникации в пространствах онлайн и офлайн// *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021. Том. 13, № 3. С. 105-112
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-105-112

The online space in recent years has become one of the main tools for communication and building relationships. Unlike communication in the traditional offline space, it includes a variety of platforms for virtual communication, which, in turn, provide a non-physical/online presence of communicating people (users), the so-called "remote presence". This type of communication often includes a new system of signs, a new language that serves as a means of communication in the network and allows managing information. There is currently a debate about the impact of online communication on offline communication, their relationship, and their substitution to each other. Some studies show that online communication has many advantages over offline communication and the opposite.

Interest in the study of communication in online and offline modes, their differences and similarities, including user preferences, is gradually growing among practi-

tioners who realize that it is impossible to study, undertake or carry out any professional activity without understanding their essence, differences between them and user preferences concerning numerous online platforms.

Referring to the micro-level of communication, which is often identified with the interpersonal level of communication, the smaller the physical distance between people, the more opportunities they have to establish close and friendly relationships. The degree of proximity, in turn, varies depending on the variation of this physical distance. In addition, the frequency and availability of interaction also determine the degree of intimacy of the relationship [11, p. 66-70]. In conditions of online space, the factor of proximity due to physical distance decreases, since communication can occur independently of the physical distance. In contrast, the impact of frequency and availability increases. In this case, the factors put forward by Fehr may be complementary.

Physical factors relating to distance are tightly coupled with the cognitive, social, and emotional challenges on macro and meso levels of communication. As a result of reliance on online communication, groups featuring high geographical dispersion have higher perceptions of unfairness, which also leads to internal conflict [13]. In this case, the online channels of communication do not substitute the offline communication. Some studies show that the reality is that reaching the right audience takes more time than expected and using intensive channels requires genuine commitment from everyone, which is often hard to gain.

According to McLuhan's concept of technological determinism, technology has an important impact on the life of the entire society. The Internet has made and is making a revolution in society; hence, social networks enable users to create social change, negative or positive. The level of social skills of users of the online space is reduced due to the lack of physical and face-to-face communication. Within the framework of technological determinism, the development of technology affects the quality of communication in a social context. The development and expansion of technology flaunt "the connections that exist between the prevailing communication technologies of the century and the main features of society." Despite harsh criticism, that is gone over again introducing a new type of communication technology space, such as online communications. In this regard, fundamental changes have taken place and are taking place: first of all, from the point of view of the revision of the interactive communication space. At the initial stage, this leads to the availability of communication, to the instantaneous sending of messages, and to the loss of the sense of time. This becomes a tool of degradation when technologies begin to completely replace offline communication. As shown by one of the tests conducted in this area and related to the use of modern technologies in the family, the growth of technology in this regard affects the skills of the group and interpersonal relationships and communication within the family, since, according to theorists, family members stop spending time with each other "qualitatively". This is followed by misunderstandings in communication, a decrease in the atmosphere of trust, and a decrease in attachment to each other, which is the basis of family relations and cooperation [11, p. 66-70].

In the course of offline communication, communicating persons can exchange information not only verbally, but also using *non-verbal* methods. It is this position that underlies the behaviorist method of studying communication: understanding and mutual understanding of humans and animals are achieved through their nonverbal and sensory responses to environmental stimuli. The main point here is the stimulus-response [4, p. 5-10].

When it comes to the transmission of purely text messages, the possibilities of enriching information with non-verbal communication methods are very limited. In contrast to real (offline/face-to-face communication), when communicating online, it is often impossible to see a person's facial expression, an instant response to any phrase, question, or situation, it is impossible to notice any suspicious sign, etc.

According to the theory of "weakened signals" in the online space, nonverbal signals (gestures, facial expressions), oral signals (intonation) affect the effectiveness of communication. Their absence in online communications, in turn, reduces the effectiveness of both message and feedback. A similar approach is also put forward by the theory of "Social information processing", according to which in the course of communication the above signals require identification to recognize them, which is only the case when communicating offline, thereby clarifying misunderstandings that have arisen during online communication, and strengthening mutual understanding between the communicators. At the same time, a purely written text requires less attention for feedback signals.

In addition, the factor of *anonymity* allows hiding or faking not only certain personal characteristics but also identity. Self-disclosure of one's personality is among the advantages of virtual communication [5, p. 9-15]. This is especially true for young people who spend more time in the online space and show a higher degree of self-disclosure compared to the older generation [14, p. 432-440]. From this perspective, online communication increases misunderstanding and the level of dehumanization. The consequences of that can be defined based on the structural differences between online platforms, including nonverbal cues, anonymity, flexibility, and specifics of audience [10, p 17-19].

From the very first days of the COVID-19 pandemic, there was a need to transform all types and levels of communication all over the world. That transformation was mechanical, not natural, and prompt, not gradual. The focus of specialists in the field of sociology and education is the problem of using online space as a tool for remote education and work due to the rapid spread of infection, which as a result led to the crisis of offline communication. The pandemic became another essential reason for the widespread use of online communication tools, based on security concerns: in fact, it has forcibly become a way of life. Online communication, which used to be considered unhealthy (unnatural) compared to offline (natural) communication, suddenly became a guarantee of health in conditions of the pandemic.

As the volume of offline communication decreases, people become more suspicious of each other. This circumstance, which initially serves as a way of protection, leads to an ever-growing suspicion, which, in turn, creates a further dependence on isolation to ensure the constant protection of health. As an advantage, the development of skills for using online technologies is considered, which is also inevitable in the current conditions. With the advantages of online communication, it is not easy to maintain a balance between online and offline options. The restoration of offline communication will undoubtedly be slow and will reveal problems of social and psychological readaptation. The online space will strengthen and remain the most important communication platform, but it will not yet be able to completely replace offline communication [15].

Many healthcare applications have been created and used worldwide. Although children of preschool and school-age are the least at risk of infection compared to older people, the process of switching from offline to online for security reasons is most difficult for the elderly and much easier for younger people.

Another important factor contributing to the activation of communication in the online space is its *convenience and compliance*. The most convenient place for communication is the physical space that evokes positive associations for the participant of communication, the essence of the place where the individual feels most comfortable. Factors ranging from architecture to interior design and the presence of familiar objects contribute to the most effective communication and influence the positive mood of users [12, p. 20-29]. Online communication supports these feelings as much as possible and is supposed to be an incentive to ensure the greatest comfort in communication. This, in its turn, is the reason that the preference is given to online mode rather than offline mode.

To the already mentioned factors of organizing work and study, daily communication, and medical care, another factor is added – the ability to make transactions and purchases through online platforms. There are many online opportunities, from collecting necessary information before buying anything, and convenient choice without time limits, to stay at home in comfort instead of stand in endless queues. For convenience, the online space as a trading platform is mainly used by young and middle-aged people. This is due to the lack of confidence on the part of older people, who still don't trust online security, including online banking. Anyway, the technical convenience of using online shopping reduces the frequency of offline purchases and transactions all the time, which also contributes to the effective implementation of measures aimed at reducing the rate of spread of the coronavirus epidemic. Moreover, some online shops offer goods and services that operate only online.

In online mode, a person simply communicates with other people, because it is extremely convenient, requires minimal effort and protects from "unnecessary" actions, and, finally, is a guarantee of health [16, p. 38-43].

On the other hand, stable use of online shops instead of visiting physical spaces might have adverse consequences in a form of laziness. A high degree of laziness of a person leads to antisocial behavior. Technologies that "*replace the brains*" of users are the subject of a fairly wide study: using technologies instead of their brain, including saving and sharing digital files, reduces their abilities [8, p. 160-166].

"Integration of artificial memory" is how digital memory is characterized; it exists as long as the user is available on the network, in the online space, which ensures uninterrupted saturation of information. In the online space, the user develops "superhuman" skills that do not correspond to the reality that exists in the offline space [8, p. 35-41].

The online platform allows instantly receiving and transmitting messages, establishing contacts with people who are distanced in the reality. Online communication is almost always available to everyone and is often free or cheap. This, in turn, helps to expand the boundaries of communication, since the users involved can be located anywhere in the world at the moment. Finally, online communication allows getting rid of complexes and fears associated with communication with real people.

Many users provide partially fake data using the opportunity to communicate without identifying themselves; a fake profile is the representation of a person, who creates a fictional profile or fake identity on social network sites [19, p. 10-14]. Fake users can be divided into 2 groups according to the self-representation; the first group includes those who do not hide that they are fake and even do everything possible to demonstrate their fakeness, and the second group of those who, as far as possible, try to present themselves as real users, while also faking their identity. Anonymity in the online space also gives a sense of seeming security. In this case, the vulnerability in-

creases, and the security of others involved in the communication decreases [9, p. 175-186]. The risk group includes, in particular, children and young users.

As already mentioned, there is a noticeable difference between online communication and reality in this regard. Online communication also brings a new language. Several specialists including sociologists, linguists, psychologists, and cultural scientists, are involved in studying the features of this language. Although communication on the Internet occurs mainly in written form, it is quite close to spoken speech as in offline communication, but clear and strict rules do not apply here. For example, on an online platform and, in particular, on social networks, the deliberately distorted spelling of words is a usual case. If at the initial stage of the development of online communications, this language and vocabulary were more typical for relatively small groups of users, now this phenomenon is widespread [7, p. 389-400]. The choice of language also depends on the level of education of a person, on his/her professional interests, on a certain social status, as well as on his/her goals and the audience to which the message is addressed. A large number of words are developed on the Internet, some are borrowed from other languages, some others belong to the original language spoken. Various types of online communication have turned into a kind of space; everyone can create their own virtual "self".

The debate about the impact of online communication on offline communication continues to be in the spotlight of media professionals. It shows that communication in a virtual format helps to strengthen the relationships formed in the process of real communication, allowing them to be carried out regardless of the further physical presence of the participants. However, online and offline communications continue to compete. With its advantages and limitations, online communication and online space will further widen and strengthen, but at the moment offline communication is still not replaced.

REFERENCES

1. Aralova E. Soznanie v kontekste virtual'nogo mira [Consciousness in the context of the virtual world]. Vlast' = Power. 2011. № 3. Pp. 2-7. (In Russian).
2. Atanesyan A.V. Aktual'nye problemy sovremennyh politicheskikh i konfliktnykh Kommunikacij [Actual problems of modern political and conflict communications]. Er. EGU. = Yerevan, YSU. 2008. Pp. 9-20. (In Russian).
3. Babin E.N., Red'ko N.V., Redko N.V. Social'nye seti kak veb-servis v organizacii obrazovatel'nogo processa v VUZe// Informacionnaja sreda vuza XXI veka [Social networks as a web service in the organization of the educational process in the university // Information environment of the university of the XXI century]. Petrozavods. Petrozavodskij gosudarstvennyj universitet = Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. 2011. Pp. 1-5. (In Russian).
4. Bubas G. Computer Mediated Communication Theories and Phenomena: Factors that Influence Collaboration Over the Internet. University of Zagreb, Faculty of organization and informatics, Croatia. 2001. Available at: <https://cuc.carnet.hr/cuc2001/papers/b1.pdf> [accessed 15 december. 2020]. Pp. 2-14.
5. Van Aken N. Transformation of Online Friendships into a Real-Life Context in Individuals with Social Anxiety-Development and Application of the Need to Transfer Scale. Vienna 2015. Pp. 9-25. DOI:10.13140/RG.2.2.15384.65284.
6. Gluhov A.P., Kuzheleva-Sagan I.P., Bulatova T.A., Bychkova M.N. i dr. Social'nye seti kak infrastruktura mezhlichnostnogo obshhenija cifrovogo pokolenija: transfor-

- macija frejmov komunikacii [Social Networks as an Infrastructure for Interpersonal Communication of the Digital Generation]. kollektivnaja monografija. Tomsk. Izdatel'skij Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = collective monograph. Tomsk. Publishing House of Tomsk State University. 2017. Pp. 51-70. ISBN978-5-94621-654-8. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/287425645.pdf> [accessed 14 may. 2021]. (In Russian)
7. Kamaljan A. Osobennosti leksiki kommunikacij v internete, nauchnaja konferencija, posvjashhjonnaja 130-letiju so dnja rozhdenija Grigora Kapancjana [Features of the vocabulary of communications on the Internet, scientific conference dedicated to the 130th anniversary of the birth of Grigor Kapantsyan]. 2017. Pp. 389-400. (In Armenian).
 8. Karr N. The Shallows: What the Internet is doing to Our Brains. W.W. Norton & Company. New York London, 2011. Pp. 150-166.
 9. Krombholc K., Merkl D., Weippl E. Fake Identities in Social Media: A Case Study on the Sustainability of the Facebook Business Model. The Society of Service Science and Springer 2012. Available at: <https://publications.sba-research.org/publications/krombholzetal2012.pdf> [accessed 14 May.2020]. Pp. 175-186.
 10. Liberman A., Shreder Dzh. Two social lives: How differences between online and offline interaction influence social outcomes. University of California, San Diego. Rady School of Business. Available at: https://escholarship.org/content/qt94n9w8b9/qt94n9w8b9_noSplash_293949a5e051fffc8e1fdcc9ffc168c4.pdf?t=qdtezb&fbclid=IwAR2PDbo2oOEgTijV5tb8wOoxYqWYRMi8yak2_3H8Kx4gEtJp4lxua1jhh0 [accessed 18 December. 2020]. Pp. 17-19. (In English).
 11. Lopes A.G., Kuarteros K.G. Exploring the Effects of Social Media on Interpersonal Communication among Family Members. Canadian Journal of Family and Youth 12(1). 2019. Pp. 66-70. doi:10.29173/cjfy29491.
 12. Mennecke B. E., Triplet J.L., Hassall L.M., Conde Z. et al. An Examination of a Theory of Embodied Social Presence in Virtual Worlds. IOWA State University. N5. 2011. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/194083594.pdf> [accessed 02 February. 2020]. Pp. 20-30.
 13. Morrison-Smit S., Ruis Dzh. Challenges and barriers in virtual teams: a literature review. SN Applied Sciences. 1096(2). 2020. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s42452-020-2801-5> [accessed 15 may. 2020].
 14. Tajer S. Je., Sukan'ja R. Predpochtenija onlajn-obshhenija v zavisimosti ot vozrasta, pola i prodolzhitel'nosti ispol'zovaniya Interneta [Online Communication Preferences across Age, Gender, and Duration of Internet Use]. Kiberpsihologija i povedenie = CyberPsychology & Behavior. 9(4) 2006. DOI: 10.1089/cpb.2006.9.432. Pp. 432-440.
 15. Tonton Ju. How has COVID-19 affected the way we communicate? 2020. Available at: <https://www.uab.edu/news/research/item/11542-how-has-covid-19-affected-the-way-we-communicate> [accessed 16 January. 2020].
 16. Utari P. Adhiarso D.S. The Impact of Digital Technology to Change People's Behavior in Using the Media. UGM digital press, Social sciences and humanities 2018(2). DOI:10.29037/digitalpress.42256. Pp. 38-43.
 17. Chendler V. Technological or Media Determinism. 2013. Available at: https://www.wolern.org/pluginfile.php/45/mod_page/content/33/chandler200

2_PDF_full.pdf [accessed 18 January. 2021]. Pp. 16-28.

18. Chernjaeva K. O. Globalizacija, potreblenie, virtualizacija kak kul'turnye konteksty identichnosti [Globalization, consumption, virtualization as cultural contexts of identity]. Izvestija Saratovskogo universiteta = Bulletin of the Saratov University. Vol. 10. Ser. Sociology. Political Science. vol. 2. 2010. Pp. 56-59. (In Russian).
19. Chzhou X., Zafarani R. A Survey of Fake News: Fundamental Theories, Detection Methods, and Opportunities. ACM.Computer. Survey 1(1). 2020. Available at: <https://arxiv.org/pdf/1812.00315.pdf> [accessed 12 May. 2021]. <https://doi.org/10.1145/3395046>. Pp. 3-14.

Information about the author: Anrieta A. Karapetyan, PhD Student, Department of Applied Sociology, Yerevan State University,
Yerevan, Armenia.
anrieta.karapetyan@ysumail.am

The author has read and approved the final manuscript.

Информация об авторе: Анриета Араиковна Карапетян, аспирантка кафедры прикладной социологии факультета социологии Ереванского государственного университета,
Ереван, Армения.
anrieta.karapetyan@ysumail.am

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 24.05.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 07.06.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 20.06.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

© Карапетян А.А. 2021

© «ИСОМ». 2021

ЗАИМСТВОВАНИЯ, ПЛАГИАТ, РЕТРАКЦИЯ

BORROWINGS, PLAGIARISM, RETRAINING

Редакционная коллегия журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» при рассмотрении статьи проводит проверку материала с помощью систем «Антиплагиат» и «Advego Plagiatus». В случае обнаружения многочисленных заимствований редакция действует в соответствии с правилами COPE.

Политика антиплагиата

С точки зрения редакции, плагиатом является:

- дословное цитирование любых материалов в любом объеме без указания источника;
- использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации без указания источника;
- использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации, опубликованных в научных и популярных изданиях без согласования с правообладателем;
- использование без письменного разрешения материалов, авторы или правообладатели которых запрещают использование своих материалов без специального согласования.

Допустимый объем цитирований, установленный редакцией – не более 20% от общего объема статьи. Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке.

Проверка материалов на наличие заимствований

Все статьи, публикуемые в журнале, проходят многоступенчатую проверку по разработанной в редакции методике, включающей использование различных инструментов.

Проверка на уникальность проводится редакцией в двух системах: «Антиплагиат.ру» и «Advego Plagiatus».

В случае обнаружения заимствований, редакцией проводится их оценка, в ходе которой принимается во внимание авторство заимствованного текста, наличие или отсутствие должным образом оформленного цитирования и тип источника: научная статья, монография, диссертация, книга, учебное посо-

The editorial board of the journal “Historical and Social-Educational Idea” examines the material with the help of the Antiplagiat system. In case of multiple borrowings, the editorial board operates in accordance with COPE rules.

Anti-Plagiarism Policy

From the editorial point of view, plagiarism is:

- literally quoting any materials in any volume without indicating the source;
- use of images, drawings, photographs, tables, graphs, diagrams and any other forms of graphical representation of information without indicating the source;
- use of images, drawings, photographs, tables, graphs, schemes and any other forms of graphical representation of information published in scientific and popular publications without agreement with the copyright holder;
- use without the written permission of materials, authors or owners of which forbid the use of their materials without special agreement.

The permissible volume of citations established by the editors is not more than 20% of the total volume of the article. Reviews and other articles, for objective reasons requiring more citations, are reviewed by the editorial board on an individual basis.

Checking materials for borrowing

All articles published in the journal undergo a multistage check on the methodology developed in the edition, including the use of various tools.

The uniqueness check is carried out by editing in two systems: “Antiplagiat.ru” and “Advego Plagiatus”.

In the case of loans, the editors held their assessment, in the course of which takes into account the authorship borrowed text, the presence or absence of a formal citation and source type: scientific articles, monographs, theses, books, study guide, or simply found on the network text without explicit attribution. On the

бие или просто найденный в сети текст без явного указания авторства. На основе проведенного анализа принимается решение о возможности или невозможности публикации статьи.

Правила отзыва (ретракции) опубликованной статьи

Статья отзывается (ретрагируется) в случае:

- если в статье выявлены крупные некорректные заимствования (плагиат);
- если выводы, содержащиеся в статье, были ранее опубликованы в другом издании, и при этом отсутствуют надлежащие ссылки, разрешения и обоснования необходимости повторной публикации (т.е. случаи дублирующей публикации);
- если материал статьи описывает неэтичные исследования.

Цель отзыва (ретракции) опубликованной статьи

Отзыв является механизмом исправления опубликованной информации и оповещения читателей о публикациях, содержащих такие серьезные недостатки или ошибочные данные, которым нельзя доверять. Недостоверность данных может являться результатом добросовестного заблуждения или сознательных нарушений.

В случае отзыва (ретракции) статьи денежные средства, полученные издательством за редакционно-издательские услуги от автора (ов), не возвращаются.

Уважаемые авторы! По международным правилам этики научных публикаций уже опубликованная статья не может быть полностью удалена с сайта журнала. Будьте внимательны, отправляя статью для публикации!

Выявление технических приемов, искусственно повышающих уникальность текста

В последнее время участились случаи использования авторами различных программных продуктов и сервисов, искусственно завышающих уникальность текста при проверке.

Редакция настоятельно не рекомендует использовать любые технические приемы, позволяющие повысить оценку текста. Сотрудники редакции обладают достаточной технической и методологической базой для разоблачения всех подобных технических приемов.

Уведомляем Вас, что статьи, в которых обнаружены признаки технических модифи-

basis of the analysis, a decision is made whether the article is possible or not possible.

The rules of recall (retraction) of a published article

The article is recall (retracted) in the next cases:

- if the article identifies major incorrect borrowing (plagiarism);
- if the conclusions contained in the article were previously published in another publication, and at the same time there are no proper references, permissions and justifications for the need for a re-publication (cases of a duplicative publication);
- if the article's material describes unethical research.

The purpose of recall (retraction) of a published article

Recall is a mechanism for correcting published information and alerting readers to publications containing such serious flaws or erroneous data that can not be trusted. The inaccuracy of the data may be the result of bona fide error or conscious violations.

In the event of retraction of the article, the money received by the publisher for editorial and publishing services from the author(s) is not returned.

Dear authors! According to the international rules of ethics of scientific publications, an already published article can not be completely removed from the journal's website. Be careful when posting an article for publication!

Identification of techniques that artificially increase the uniqueness of the text

Recently cases of authors using various software products and services artificially inflating the uniqueness of the text during verification have become more frequent.

The editorial board strongly discourages the use of any technical means to improve the evaluation of the text. The editorial staff has a sufficient technical and methodological basis for exposing all such techniques.

We inform you that the articles in which signs of technical modifications are found

каций с целью искусственного повышения уникальности текста, в журнале не публикуются (даже в случае доработки). Если публикация статьи уже оплачена, деньги за публикацию не возвращаются.

Дублирующие публикации

Статьи, поступающие для публикации в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль» не должны в момент поступления находиться на рассмотрении в других журналах. Если представляемый автором материал уже был полностью или частично опубликован ранее, автор обязуется сообщить об этом в редакцию, а также обосновать необходимость такой публикации. Решение по всем подобным случаям принимается редакцией в индивидуальном порядке. В случае обнаружения публикаций, полностью или частично дублирующих в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль», редакция оставляет за собой право отозвать (ретрагировать) такую статью.

Обращаем Ваше внимание, что с 2018 года редакцией принято решение о повторной проверке уже опубликованных материалов на наличие заимствований. Это позволит:

- избежать последствий «веерных» рассылок статей авторами в несколько журналов одновременно, в результате которых одна и та же статья может быть опубликована в нескольких изданиях;

- выявить некорректные заимствования, которые не могли быть выявлены на момент публикации статей из-за отсутствия материалов в открытом доступе.

Повторная проверка статей будет проводиться дважды, через год и через два года после публикации. В случае обнаружения некорректных заимствований, которые не могли быть обнаружены ранее, или факта публикации статьи в другом издании, статья может быть отозвана (ретрагирована) в соответствии с правилами отзыва (ретракции) уже опубликованной статьи.

with the purpose of artificial enhancement of the uniqueness of the text are not published in the journal (even if it is modified). If the article is already paid for the money for publication is not returned.

Duplicate publications

Articles submitted for publication in the journal "Historical and Socio-Educational Thought" should not be considered in other journals at the time of admission. If the material submitted by the author has already been published in whole or in part, the author undertakes to notify the editors about this, and also to substantiate the necessity of such publication. The decision on all such cases is made by the editorial board on an individual basis. In case of the detection of publications that fully or partially duplicate in the journal "Historical and Social-Educational Idea" the editors reserve the right to recall (retract) such an article.

We would like to draw your attention to the fact that since 2018 the editorial board has decided to re-check the already published materials for borrowings. This will allow:

- to avoid the consequences of the "fan" mailings articles by the authors in several magazines at the same time, as a result of which one and the same article may be re-published in several editions;

- to identify incorrect borrowings that could not be identified at the time of publication of articles due to lack of materials in the public domain.

A second check of the articles will be conducted twice, one year and two years after publication. In case of detection of incorrect borrowing, which could not be detected earlier, or the fact of publication of the article in another publication, the article may be recall in accordance with the rules of retraction has already published article.

**ИНФОРМАЦИЯ
для авторов журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»**

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, педагогики.

Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации, а также подтверждает согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала и предполагает, что описанная в ней работа ранее не была опубликована (за исключением публикации в виде реферата или как часть опубликованной лекции, автореферат диссертации); что она не рассматривается для публикации в ином издательстве.

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется принципами научности, объективности, профессионализма, информационной поддержки наиболее значимых профильных исследований и соблюдения норм издательской и авторской этики. и придерживается принципов, разработанных Международным Комитетом по этике публикаций (COPE; www.publicationethics.org), и положений главы 70 «Авторское право» Гражданского кодекса РФ.

Все статьи, поступающие в журнал, проходят проверку по программе оригинальности текста «Антиплагиат».

Поступившая в редакцию рукопись проходит обязательное двойное слепое рецензирование (рецензент не знает авторов рукописи, авторы рукописи не знают рецензентов) и в 2-4-х недельный срок принимается решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов. При переписке с редакцией автор каждый раз должен полностью указывать фамилию, имя, отчество и повод, по которому идет переписка.

Журнал издается на средства авторов.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право в порядке очередности на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы. Справку об обучении в аспирантуре, заверенную согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылается простым письмом на почтовый адрес редакции. Отсканированная копия справки прилагается к электронному письму отдельными файлами с расширением *.jpg или *.pdf. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором научного текста. Статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

При подаче статьи на электронный адрес akademus07@rambler.ru просим Вас:

- уточнять, в какой рубрике Вы хотели бы разместить статью;
- указывать почтовый адрес с индексом, на который можно будет выслать авторский экземпляр журнала;

Требования к оформлению авторских материалов:

- Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо через online форму сайта журнала <http://www.hist-edu.ru/>.
- Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf), шрифт - Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – одинарный (1)
- Объем полного текста рукописи 12 - 20 страниц. В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема. Количество авторов одной статьи допускается не более 3-х человек.
- Страницы текста должны иметь сквозную нумерацию.
- Автоматические переносы не допускаются.
- Автоматические сноски не допускаются.

Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными требованиями и тщательно вычитаны.

- Индекс УДК (см. справочник УДК: <http://teacode.com/online/udc/>);
- Название работы (Приводятся на русском и английском языках)
- сведения об авторе (на русском и английском языках):
- фамилия, имя, отчество автора полностью,
- должность, звание, ученая степень автора,
- полное название организации (места работы автора), ее полный почтовый адрес,
- идентификатор автора в системе РИНЦ, Open Researcher and **ORCID ID**, (если нет ORCID ID, то можно зарегистрироваться в <https://orcid.org>)
- адрес электронной почты автора;

Аннотация

- аннотацию на русском языке — не менее 150-200 слов
- аннотация на английском языке — не менее 200-250 слов
- ключевые слова (6-8 слов/словосочетаний, отдельно на русском и английском языках).

Требования к аннотациям на русском языке:

Аннотация должна давать четкое представление о содержании статьи.

Структура аннотации:

- **Введение (Introduction):** вступительная часть, в которой формулируется актуальность, новизна, цели и задачи исследования;
- **Методы (Methods):** раздел, в котором автор излагает свою методику с аргументацией её выбора, характеризует источники и историографию исследования;
- **Анализ (Analysis):** раздел, включающий исследование проблемы;
- **Результаты (Results):** часть, в которой излагаются ответы, выводы, полученные в ходе исследования.

Требования к аннотациям на английском языке:

К аннотации на английском языке применяются те же требования по содержанию, что и к аннотациям на русском языке.

Abstract paragraphing:

- **Introduction(Введение):** вступительная часть, в которой формулируется актуальность, новизна, цели и задачи исследования;
- **Methods(Методы):** раздел, в котором автор излагает свою методику с аргументацией её выбора, характеризует источники и историографию исследования;
- **Analysis(Анализ):** раздел, включающий исследование проблемы;
- **Results(Результаты):** часть, в которой излагаются ответы, выводы, полученные в ходе исследования.

Англоязычная версия аннотации статьи должна по смыслу и структуре полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка. При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная терминология, следует избегать употребления общих, ничего не значащих слов, лишь увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Англоязычная аннотация должна быть оригинальной, то есть недопустима калька (дословный перевод) краткой русскоязычной аннотации. Объем англоязычной версии аннотации должен быть не менее 200-250 слов. «Аннотации на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, проявляет интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация к статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации».

Информация о спонсорстве. (Приводятся на русском и английском языках.)

Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (грант, фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.).

Благодарности. Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами, рецензентам.

Текст самой статьи

Структурирование текста может зависеть от направленности исследования (эмпирическое или теоретическое). Эмпирические исследования должны соответствовать формату IMRAD (Структура статьи). Теоретические исследования могут носить авторскую логику изложения, в соответствии с порядком изложения аргументации.

- Введение (**Introduction**);
- Обзор литературы (**Literature Review**);
- Материалы и методы (**Materials and Methods**);
- Результаты исследования и обсуждение (**Results и Discussion**);
- Заключение (**Conclusion**).

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

1) **Введение (1–2 стр.)** – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Во введении должна содержаться информация, которая позволит читателю понять и оценить результаты исследования, представленного в статье, без дополнительного обращения к другим литературным источникам. При его написании автор, прежде всего, должен заявить общую тему исследования. Далее необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы. Во введении автор также обозначает проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья. Кроме этого, в нем выражается главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней; обращается внимание на введение в научное обращение новых фактов, выводов, рекомендаций, закономерностей. Цель статьи вытекает из постановки научной проблемы.

2) **Обзор литературы (1–2 стр.)**. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья. Желательно рассмотреть 20–25 источников и сравнить взгляды авторов; часть источников должна быть англоязычной.

3) **Материалы и методы (1–2 стр.)**. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованные аппаратура и инструментарий; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т. д.).

4) **Результаты исследования и обсуждение**. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Это основной раздел публикации, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками), которые представляют исходный материал или доказательства в свернутом виде. Важно, чтобы иллюстративная информация не дублировала уже приведенную в тексте, однако при этом сопровождалась необходимыми комментариями. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные. **Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках.** Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. Такое сравнение дополнительно раскроет новизну проведенной работы и придаст ей объективности.

5) **Заключение**. В этом разделе в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы. Всякие повторы излагаемого материала лучше оформлять новыми фразами, отличающимися от высказанных в основной части статьи. Необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются итоги осмысления темы, делаются выводы

ды, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области. В заключительную часть статьи желательно включить прогноз развития рассмотренных аспектов проблемы.

В тексте статьи ссылки на источники приводятся после цитаты в квадратных скобках арабскими цифрами с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например: [1, с. 25]

Документы (Архивы, **ГОСТы**, Приказы, Положения, Постановления, Нормативы, Федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Библиографические ссылки на русском языке (пристатейные списки литературы). Статьи без ссылок на используемые источники и литературу **не принимаются**.

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В оригинальных статьях желательно не менее 15 источников, в обзорных – до 50.

Самоцитирования в списке литературы не должны превышать 10%.

Ссылки на иностранные источники – не менее 30%.

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены **ВСЕ АВТОРЫ**. В случае, если у публикации более 4 авторов, то после 4-го автора необходимо поставить сокращение "и др." или "et al.". **Недопустимо сокращать название статьи.**

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке. В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25] (vancouver- стиль).

Документы (Приказы, **ГОСТы**, Архивы, Положения, Постановления, Нормативы, Федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Если статья имеет DOI, обязательно указать его номер.

References: (пристатейные списки литературы на английском языке и транслитерация названия статьи)

Название статьи в ссылках должно быть транслитерировано (написана латинскими буквами) и дублирована на английский язык в квадратных скобках [***]. При транслитерации можно воспользоваться ссылкой <https://translit.ru/>

Если статья имеет **DOI**, обязательно указать его номер.

Следует обратить внимание на то, что Название статьи и журнала **НЕ** следует разделять знаком «/» и «-», а описания даты выхода, тома, номера журнала и страниц, на которых опубликована статья, разделяются точкой.

Структура библиографической ссылки в REFERENCES для русскоязычных статей из журналов выглядит так:

- авторы (транслитерация),
- название статьи в транслитерированном варианте
- перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках [***]
- название источника (транслитерация),
- выходные данные с обозначениями на английском языке, либо только цифровые,
- необходимо указать язык, на котором написан полный текст рукописи. В случае, когда автор публикует статью на двух языках, необходимо указать двойную индексацию по языку (*например, [ru; en] ; (in Russian); (in English) (in Italy) (in Arabic) ит д.*

Пример:

Khalilov T.A. Sistema i sovetskij chelovek. Obsuzhdenie knigi N.E. Erokhina [System and the Soviet Man. Discussion of the N.E. Erokhin's Book]. Politicheskaja konceptologija. Zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij = Political Conceptology. Journal of Metadisciplinary Research. Rostov-on-Don. 2018, No. 2, pp. 270-285. (In Russ). DOI: 10.23683/2218-5518.2018.2.270285.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Историческая
и социально-образовательная мысль
2021. Том 13 №3

Дата выхода в свет 29.06.2021
122 ст.

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»
